П. В. МАКСАКОВСКИЙ

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

★

ОЧЕРК
МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ
ЦИКЛА

ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНИЕ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
А. МЕНДЕЛЬСОНА

1929

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
МОСКВА

Отпечатано
в 7-й типографии
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ"
Мосполиграфа.
Москва, Арбат, Филипповск., 13.
З. Т. 645. Тираж 3.100.
Главлит № А—36.803.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работа т. Максаковского не закончена. Она была представлена в качестве доклада в семинар по теории воспроизводства в Институте Красной Профессуры осенью 1927 г. Мне пришлось много беседовать с т. Максаковским по поводу затронутых проблем и предлагавшегося решения их. Мы предполагали, что он продолжит свою работу и подготовит ее к печати. Смерть оборвала молодую жизнь, и планы наши оказались не выполненными. Но и в незаконченном виде работа настолько интересна, что и товарищи Максаковского по семинару и я, в качестве руководителя семинара, считали необходимым ее издать, особенно теперь, когда сильно возрос интерес к кругу проблем, охватываемых общей теорией воспроизводства — к проблемам цикла, кризиса, конъюнктуры.

Внешне—т. Максаковский трактует две темы: проблему цикла и проблему конъюнктуры. По существу центр тяжести — в первой теме. Ей уделено главное внимание. Проблема конъюнктуры отождествлена с проблемой цикла; отсюда—так часто встречающийся в работе термин—«конъюнктурный цикл». Проблема капиталистического цикла в работе т. Максаковского поставлена, и даны довольно ясно очерченные контуры ее теоретического решения. Тов. Максаковский развернул характеристику отдельных фаз цикла, сравнительно меньше уделив внимания центральной фазе цикла—кризису—именно в силу большей разработанности теории кризиса. Главное внимание сосредоточено на остальных фазах капиталистического цикла и на механизме трансформации одной фазы в другую.

В работе есть ряд спорных утверждений—о связи конъюнктуры и цикла, о методологических предпосылках теории конъюнктуры и др. Я не считаю нужным все их отмечать и точке зрения т. Максаковского противопоставлять другую. Тем меньше я считал возможным использовать свои права редактора, чтобы исправлять спорные, а иногда даже неправильные с моей точки зрения формулировки.

Работа написана настолько ярко и талантливо,—т. Максаковский сумел подняться на такую теоретическую высоту, что даже ошибки его интересны и поучительны. Высокий теоретический тонус, боевой революционный дух, которым проникнута эта сугубо теоретическая работа, прекрасная форма — все это заставляет отнести «Капиталистический цикл» к числу лучших работ, написанных за последнее время по вопросам общей теории воспроизводства.

В лице т. Максаковского, умершего совсем молодым, мы потеряли крупную марксистскую теоретическую силу.

А. Мендельсон.

П. В. МАКСАКОВСКИЙ

(1900 — 1928)

Родился в 1900 г. в заводском поселке Илево, Нижегородской губ. Отец и братья—рабочие-металлисты. В связи с остановкой завода перешел на землю вместе с отцом, потерявшим трудоспособность, и с 1912 по 1916 г. занимался земледелием. 1916 — 18 гг. провел в Екатеринославе на южных заводах. Трое братьев, активные участники забастовок, воспитали в нем с детства ненависть к царизму. Политически Максаковский сложился в 1918 г., когда вступил в партию. До вступления в партию вел по заданию парткома подпольную работу в гетманских, а затем петлюровских войсках. На этой работе вплотную подошел к большевистскому подполью и вступил в партию. Скрывался, в связи с приказом об аресте, затем с приходом красных в Екатеринослав в начале 1919 г. снова работал там. Участвовал добровольно красноармейцем в подавлении Григорьевского восстания. По окончании высшей партшколы Украины снова послан на фронт. Прибыв в Екатеринослав за несколько дней до падения, участвовал в боях под Екатеринославом. После отступления был переброшен через фронт на подпольную работу в Полтаву. Затем работал по организации повстанческих отрядов. В октябре 1919 г., при попытке проехать через фронт для установления связи повстанческого реввоенсовета с реввоенсоветом 12-й армии для совместных действий на Правобережной Украине, был после боя взят в плен деникинским бронепоездом «Доброволец» и приговорен к расстрелу, как «большевистский комиссар и шпион». Сагитировав конвойный взвод, бежал вместе с товарищем.

После этого работал на Волыни и в Верхнеднепровском уревкоме. Участвовал в ликвидации махновщины, работая председателем Гуляйпольского военно-революционного комитета. После болезни (тиф) был направлен в 1920 г. в Свердловку. По прибытии в Москву был оставлен работать инструктором в оргготделе ЦК. В Свердловку поступил позднее и окончил ее в 1924 г. В 1925 г. после работы в Туле поступил в ИКП.

Одновременно с занятиями в Институте красной профессуры вел большую педагогическую работу в Свердловке, на курсах уездных партработников, в последнее время — в Институте народного хозяйства им. Плеханова. Болезнь не позволила ему начать работу на курсах марксизма при Комакадемии. Осенью 1928 г. Максаковский должен был поехать в научную командировку за границу. Наряду с этим он работал на партийной работе в районах. В последний год Максаковский, несмотря на болезнь, приступил к научно-литературной работе.

Умер от болезни кишечника 2 ноября 1928 г.

ВВЕДЕНИЕ

Торгово-промышленные кризисы, периодически потрясающие устои капиталистической системы, породили исключительный интерес к изучению ее динамики. Гармонические иллюзии молодого капитализма давно канули в вечность. Сама меновая «душа» капиталистического богатства периодически покидала свою товарную оболочку, нагоняя страхи и убытки на рядовых капиталистов и вызывая обостренный интерес у их идеологов.

В разработке проблемы буржуазной экономией можно наметить два периода. Первый, когда она пыталась решить проблему кризисов как таковую; второй, когда главное внимание она сосредоточила на вопросах общей динамики капитализма. Буржуазная экономия не в состоянии была теоретически осмыслить кризис. Для этого в ее арсенале не было необходимых орудий: ни метода, ни должной объективности, ни правильных социологических позиций. С тем большей легкостью она перешагнула к изучению совокупной динамики, объединив изучаемые процессы общим наименованием «конъюнктура». Теоретически нерешенная проблема кризисов переросла в проблему конъюнктуры. Кризис занял «скромное» место составной части торгово-промышленного цикла. Причины, его вызывающие, стали в непосредственную зависимость от более основных причин, порождающих конъюнктуру. «Изучению подлежат не кризисы, как особые явления, а изменения конъюнктуры, как нечто целое, как связное, всегда непрерывное движение народного хозяйства» [1], говорит Кассель. В центре исследования не специфические противоречия капиталистической системы, взрывающиеся в кризисах, а «причинная связь между различными факторами, которые обусловливают волнообразное движение народного хозяйства и которые одновременно сами обусловливаются этим движением» [2].

Проблема кризисов потонула в проблеме конъюнктуры. Этим кризис был канонизирован как нормальное явление

---

[1] Кассель, Теория конъюнктур, изд. 1925 г., с. 3.
[2] Кассель, там же, с. 4.

капиталистического производства, порождаемое характером взаимодействия его экономических факторов. Огромной силы капиталистические противоречия были теоретически сглажены и причесаны буржуазной экономией. Она вернула капиталистическому миру потерянную в младенческом возрасте уверенность в незыблемой прочности его экономической базы. Мысль о растворении проблемы кризисов в проблеме конъюнктуры была четко сформулирована Зомбартом, этим выдающимся буржуазным экономистом, и наиболее упрощенную и вульгарную формулировку получила у Репке[1].

Отсюда оставался один шаг до идеи экономической реформации капитализма изнутри. Буржуазные экономисты не были бы стопроцентными представителями своего класса, если бы не выдвинули этой идеи. Потопив проблему кризисов в проблеме конъюнктуры, умалив капиталистические противоречия, они поставили задачу практического их преодоления. Фоном этого стратегического плана явилось убеждение в смягчении кризисных переломов за последние десятилетия, с одной стороны, и развертывающаяся идеология финансового капитализма, - с другой. Построение «организованного общества в антагонистической форме», эта генеральная идея капитализма новейшей формации, оплодотворила собой исходную установку современного исследования капиталистической динамики. Основной координирующей точкой исследовательских усилий отдельных буржуазных школ является конъюнктурный прогноз, уплотнение отдельных экономических показателей в систему, показывающую закономерные изменения хозяйственной погоды. Выработкой экономического барометра буржуазная наука думает преподать каждому капиталистическому индивиду определенные нормы хозяйственного поведения, в зависимости от сферы воспроизводственного процесса, в которой он подвизается. Тем самым каждый капиталист будет иметь возможность заранее антиципировать последствия своих экономических действий и сознательно устраниться от ошибок и увлечений. Мощные рычаги капиталистической системы — государство, тресты и т. д. должны сделаться столь же мощными рычагами проведения сознательной конъюнктурной политики в народнохозяйственных интересах. Совокупность этих координированных усилий приведет к «смягчению» конъюнктуры, ослабит ее переломы, устранит ее специфический феномен—кризис, это бельмо на глазу «благоустраивающейся» системы. Тогда

[1] «Ни один автор в последнее время не берется более объяснять серьезно явления кризисов не из феномена конъюнктуры», «тем самым теория кризисов вне теории конъюктуры теряет почву под ногами». «Конъюнктура», изд. 1927 г., с. 7 и 26.

резкие сдвиги и потрясения сменятся более легкими покачиваниями... мчащегося на рессорах капиталистического автомобиля[1]. Капиталистическое общество самоосвободится, оседлает собственный экономический процесс.

Этим дана программа работ буржуазной экономии и в значительной степени определяется ее метод. Мы не будем сейчас останавливаться на утопичности этой программы и слабой научности методов буржуазных исследователей и систематиков. Об этом речь впереди.

Сейчас необходимо установить: 1) характер наблюдающихся в капиталистическом хозяйстве динамических процессов, их природу; 2) какие из этих процессов должны войти в круг нашего исследования и почему. Другими словами, определить точно понятие конъюнктуры, нащупать (пока не больше) те экономические процессы, которые объединяются и могут объединиться этим понятием.

Буржузная экономика отмечает существование в капиталистическом хозяйстве следующих динамических процессов: 1) вековые движения; 2) большие циклы; 3) малые (или средние) циклы; 4) частные, сезонные колебания и т. д. Но не все школы признают реальность существования всех этих процессов. Еще более причудливые разногласия существуют в вопросе, какие из указанных процессов должна изучать теория конъюнктуры. Часть экономистов расширяет понятие конъюнктуры до анализа всех вообще динамических процессов капиталистического хозяйства, включая и социальные условия, влияющие на воспроизводство (Вагнер, отчасти Момберт). Другие — все процессы, за исключением больших циклов и вековых колебаний (Репке). Третьи—малые циклы и частнохозяйственные конъюнктуры (Первушин). Четвертая группа, наиболее многочисленная и авторитетная, включающая в свой состав виднейших систематиков конъюнктуры и ее теоретиков, ограничивает теорию конъюнктуры изучением природы малых циклов (Гарвардская школа, Шпитгоф, Кассель, Бунятян, Афтальон и др.).

Марксистская теория конъюнктуры должна строиться на изучении природы малых циклов. Основания: 1. Вековые движения, независимо от достоверности их существования, выходят за исторические границы капиталистической системы. Поскольку это явление свойственно различным хозяйственным формациям, оно не является специфическим феноменом капитализма и поэтому должно быть элиминировано. 2. Реальность больших циклов научно оспаривается по ряду серьезных оснований.

Основной водораздел спора: обладают ли большие волны закономерной цикличностью, какова природа послед-

[1] Момберт. Введение в изучение конъюнктуры и кризисов, изд. 1924 г., с. 157.

ней и связь с основными отправлениями капитализма; или же так называемые большие циклы реально не существуют, а представляют просто математическую среднюю, получаемую путем выглаживания конъюнктурных извилин малого цикла? Это важный вопрос. От решения его зависит — как должна строиться теория конъюнктуры. Если будет доказано реальное существование больших циклов, то именно они должны будут лечь в основу теории конъюнктуры. Тогда большие циклы включат в свою орбиту малые, как видовое выражение заложенной в них закономерности. Малые циклы будут рассматриваться на оси больших. Этим будет дана одна методологическая установка анализа проблемы. Если же большие циклы не существуют, как самостоятельный феномен капиталистического хозяйства, то задача теории конъюнктуры будет заключаться в изучении природы малых циклов. Малые циклы станут тем фокусом, через который исследующая мысль свяжет основные движущие силы капиталистического хозяйства с специфической динамикой его развития. Проблема физиологии капиталистического хозяйства, как она сочетается с его анатомией и морфологией, будет решена. Это будет совершенно иная, чем в первом случае, установка проблемы, другой разрез и методы исследования.

Вопрос этот в данной работе не может быть окончательно решен. Здесь не могут быть сколько-нибудь основательно развернуты доказательства против существования больших циклов как реальных величин. Но предварительное решение дается уже ответом на вопрос: имеют ли большие волны закономерную цикличность?

Проф. Н. Кондратьев, новейший защитник существования больших циклов, в доказательство их цикличности приводит следующие аргументы[1]. Первый, — повышательной волне предшествуют сдвиги в технике производства, открытие золотых россыпей, вовлечение в капиталистический оборот новых стран. Второй, — на повышательной волне происходит большее количество социальных потрясений и переворотов (войны, революции), чем на понижательной. Третий — устанавливает связь понижательных волн с длительными депрессиями сельского хозяйства.

Эти аргументы нельзя признать состоятельными. Они обладают двойственным характером. Могут ли указанные экономические и социальные условия оказать влияние на развитие капиталистического хозяйства, на тонус его динамики? Несомненно! В этой части вопроса проф. Кондратьев элементарно прав. Но есть ли здесь основания для утверждения, что указанные влияющие условия порождают ци-

---

[1] Кондратьев, сб. «Вопросы конъюнктуры», т. I, вып. I, ст. «Большие циклы конъюнктуры», сс. 48, 54, 55, 58.

кличность, что сами они циклически повторяются, воспроизводят свое действие через определенные промежутки времени, имеют в капиталистической экономике такие же глубокие корни, какие, скажем, вызывают закономерное повторение кризиса? Утверждать это не решится и проф. Кондратьев. Это был бы не объективный экономический анализ, а сплошной мистицизм, голое постулирование, вместо обоснованного доказательства. Таким образом, большие циклы являются в лучшем случае слабо доказательной гипотезой. Они не обладают закономерной цикличностью и не имеют, так сказать, оснований ею обладать.

Влияние указанных им факторов на капиталистическую динамику выражается в воздействии на малые циклы, на конкретное их течение (усиливают подъем, или удлиняют депрессию). И если математически выгладить циклы, соединить точки конъюнктурных колебаний, то за длительные отрезки времени можно с натяжкой получить повышательные и понижательные движения, напоминающие вид сменяющих друг друга волн[1]. Но в результате мы будем иметь не реальный, а математический псевдоцикл, познавательная ценность которого — суммарное представление о развитии производительных сил в рамках их капиталистической организации.

Итак, наше марксистское понятие конъюнктуры включает в себя те закономерные колебательные движения системы, которые носят название торгово-промышленных, или малых, циклов. Следовательно, сущность проблемы конъюнктуры сводится к установлению и анализу действия тех сил, которые сообщают капиталистической системе эти закономерные колебательные движения. Но колебания наблюдаются на всех участках капиталистического воспроизводства: в сфере производства, обращения, распределения. Их ощущает в качестве непреложных законов любое капиталистическое предприятие, независимо от сферы вложения капитала. Отсюда — теория конъюнктуры изучает р е а л ь н о протекающий воспроизводственный процесс капиталистического хозяйства, взятого как целое, вскрывает закономерные «причины», сообщающие этому процессу циклическую форму развития. Периоды подъема, кризис, депрессия, на которые распадается цикл, суть отдельные этапы воспроизводства, как оно слагается из сложного комплекса взаимовлияющих экономических факторов, развертывающихся на оси действия основных законов движения капиталистической системы. Резкой особенностью капиталистического хозяйства, отличающего его от всех осталь-

[1] Приблизительно в таком духе ставит вопрос Б а з а р о в в своей статье «Кривые развития капиталистического и советского хозяйства», «Плановое хозяйство», 1926 г., № 4 и 5, с. 106.

ных формаций, является эта циклическая динамика развития. Хозяйственная история капитализма не укладывается в рамки равномерно поднимающейся кривой. Внутри своей большой истории капитализм закономерно пробегает малые этапы, измеряющиеся 7-10-летней продолжительностью конъюнктурного цикла. Как стрелка, отсчитывающая время, одновременно совершает свое собственное движение по циферблату, так общая история капитализма распадается на закономерные отрезки, составляющие внутреннее содержание этой истории. Не существует реальности развития капитализма вне его специфической формы. Как каждая категория капиталистического хозяйства является реальным фактом только в овеществленной форме, так и движение всей системы в целом становится реальностью только в единстве своего содержания и специфической формы. Элиминирование формы означало бы отвлечение от реального выражения капиталистической динамики, возвращало бы нас к исходным высотам логической абстракции.

Отдельные фазы цикла выражают собой определенное состояние производительных сил, — быстрый рост во время подъема, отступление назад во время кризиса, застойное состояние во время депрессии. Неравномерность развития производительных сил есть результат их капиталистической организации. Именно экономическая оболочка капитализма периодически зажимает их развитие. Этот зажим объективизируется в циклической динамике капиталистического хозяйства, как она выражается на его поверхности. Следовательно, циклическая динамика капитализма есть результат взаимодействия производительных сил с капиталистической оболочкой, в которой протекает их развитие. Периодическая борьба, закономерно повторяющееся «нападение» капиталистических отношений на материально-производственный прогресс и неизменная победа производительных сил, переходящих на очередную техническую ступень развития, составляет драматическое содержание того процесса, который внешне выражается в циклической динамике капиталистического хозяйства.

ГЛАВА I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТЕОРИИ КОНЪЮНКТУРЫ

Проблема динамики и конъюнктуры

Теоретическое освещение проблемы конъюнктуры нуждается прежде всего в правильной методологической установке. Здесь предметом исследования является специфическая динамика капиталистического хозяйства, состоящая из сложного комплекса взаимно переплетающихся явлений. Границы проблемы исключительно широки. Сюда вмещаются все хозяйственные процессы, прощупываемые на рыночной и производственной поверхности системы, как-то: масштаб производства, уровень цен, состояние кредита, денежного рынка и т. д. Но изучение конъюнктуры сводится не только и не столько к анализу указанных процессов самих по себе. Ее задача — прощупать связь и взаимозависимость данных явлений в процессе общественного воспроизводства, вскрыть «причины», сообщающие им строго закономерные колебательные движения. Ибо через анархическую пестроту капиталистической поверхности проходят волны периодического расширения, неизменно оканчивающегося крахом. И чем ближе к рынку, тем более четкий рельеф принимает колебательная волна, тем ярче проявляются в ней переломы[1].

Однако проблема конъюнктуры не исчерпывается наблюдением и систематизацией ее поверхностных выражений. Конъюнктура оказывает решающее влияние на соотношение общественного производства и потребления, выступа-

[1] «Конъюнктурные волны быстрее и сильнее проявляются на рынке (товарном, денежном, рынке капиталов и труда) и выражаются в периодических повышениях и понижениях цен и, что особенно важно, в периодических изменениях в соотношениях цен, смещениях цен, в так назыв. ценностных сдвигах, охватывающих как цены товаров, так и ценные бумаги и, наконец, доходы (зараб. плату, прибыль на капитал, ренту)». Первушин, Хозяйств. конъюнктура, изд. 1925, с. 25.

ющего при капитализме в превращенной форме платежеспособного спроса. Наряду с периодическим расширением и сужением общественного производства, в границах капиталистического распределения наблюдаются изменения величин доходов, которые не всегда и не в равной мере отражают направления колебаний общественного производства. Как общий закон, величина платежеспособного спроса периодически отстает от достигнутого масштаба производства. Здесь, как в фокусе, отражается внутренняя противоречивость производственных отношений капитализма — узкий базис потребления в сравнении с возможностями массового расширения производства[1]. «Равновесие» восстанавливается резким потрясением всей системы, с значительной тратой производительных сил.

Сложность проблемы предъявляет исключительные требования к правильному методологическому подходу. Наметка исходных точек анализа и метод, применяемый при этом, как бы заранее предопределяют результат попыток прощупывания природы циклической закономерности. Буржуазная экономия в массе своей идет от поверхностных, эмпирических явлений — индуктивно. «Мы намерены итти по возможности от конкретного к абстрактному. Мы таким образом рассмотрим сначала изменения материального производства и с ним связанные изменения в отношении средств производства. Затем мы по порядку перейдем к изменениям в образовании цен и доходов, чтобы закончить исследованием изменений в состоянии рынка капиталов»[2].

Здесь дана «классическая» установка буржуазной экономии в анализе проблемы. Обеспечивая ценный результат в виде тщательно изученных конъюнктурных процессов в их систематике и внешне выраженной связи и зависимости, такой подход лишает возможности прощупать основные рычаги, приводящие в «движение» конъюнктуру. Исследование подобного типа по крайней мере односторонне. Поэтому неудивительно, что движущие рычаги конъюнктурного цикла буржуазная экономия чаще всего находит в сфере денежного обращения и кредита, — области, которая при поверхностном взгляде оказывает решающее влияние на течение цикла. При больших достижениях в систематике конъюнктурных явлений буржуазная экономия поверхностно скользит в установлении ее движущих начал. Глубине анализа препятствует, во-первых, непонимание в полной мере природы капиталистического хозяйства, делающее заведомо тупым исследовательское оружие буржуазной экономии; во-вторых, заметный отрыв учения о конъюнктуре от других проблем капиталистического хозяйства,

---

[1] Маркс, Капитал, III, ч. 1, с. 225, изд. 1923 г.
[2] Кассель, цит. работе, с. 15.

проистекающий из отсутствия стройной системы экономической теории. Проблема конъюнктуры занимает у буржуазной экономии незакономерно самостоятельное место в общем изучении капиталистического хозяйства. Предмет ее резко отделяется от других процессов капиталистической экономики. Сам подход проникнут значительной долей мистицизма. «Конъюнктура — этим словом называлось то неуловимое, от которого все зависит...»[1]. Мироощущение рядового капиталиста, для которого конъюнктура—всемогущая иррациональная воля рынка — набрасывает свой фетишистический покров как на предмет анализа, так и на подход к нему со стороны буржуазной экономии. Естественно, что это не содействует глубине анализа. Интересно в связи с этим отметить, что те буржуазные школы, которые в основу изучения капитализма кладут монистический принцип — ценность, и, исходя из него, пробуют построить экономическую теорию капитализма, дальше всего продвигаются в анализе «причин», порождающих циклическое развитие капитализма. Достаточно упомянуть Бунятяна и Афтальона, последователей так называемой психологической школы.

Теория конъюнктуры должна строиться преимущественно дедуктивно. Прежде всего должны быть установлены те экономические силы, которые лежат в основании циклической динамики, «управляют» ею. Не решив этой задачи, нельзя дать правильного объяснения более частным закономерностям, проявляющимся в конъюнктуре. Однако первостепенное значение дедуктивного подхода вовсе не означает отказа от эмпирических исследований. Наоборот сама конъюнктура глубоко эмпирична, она состоит из громадной сложности взаимно переплетающихся явлений и только в такой форме определяет поведение любого хозяйствующего субъекта. Следовательно, эмпирическое изучение конъюнктуры, с вытекающими отсюда первичными обобщениями, представляет собой необходимейший составной момент теоретического освещения проблемы. Без изучения морфологии конъюнктуры невозможно понять закономерности, ее порождающие. Отсюда обширная работа, проделанная в этом направлении буржуазной экономией, имеет научную ценность. Освобожденные от общих выводов и социологических примесей, результаты эмпирического исследования конъюнктуры становятся необходимым условием построения самой теории.

Обе стороны подхода охватываются в полной мере применяемым Марксом абстрактно-аналитическим методом. Последний, представляющий собой разновидность диалектического метода в его применении к специфической эко-

---

[1] Репке, цит. работа, с. 15.

номике капиталистического хозяйства, должен лечь в основание теории конъюнктуры. Особенность этого метода заключается в том, что он рассматривает капиталистические явления в чистом виде, освобождая их от модифицирующих влияний. Капиталистическое хозяйство подвергается логической обработке во всех своих частях. Получаемые законы увязываются в строгую логическую систему с основными в фундаменте и возникающими на их основе более конкретными закономерностями, лежащими ближе к поверхности капиталистического хозяйства. Каждый из законов представляет более общую или частную «модель» капитализма, в зависимости от того, какой тип производственных отношений здесь логически представляется. Капиталистическая система выступает в непрерывном движении, в неустранимом противоречии ее отдельных частей. Такой ее «мыслит» абстрактный метод. Но не абстрактный метод сообщает противоречивый характер ее закономерностям. Здесь диалектическому методу соответствует диалектический процесс развития самой системы, сопровождающийся нарастаниями противоречий и их периодическими взрывами.

Главные противоречия системы вскрыты конструированием основных категорий: ценности, прибавочной ценности, средней прибыли. На их основе возникают более конкретные противоречия, периодически взрывающиеся на поверхности системы. Действие последних определяется действием первых. Происходит процесс наполнения конкретным содержанием основных форм, закономерность, ими представляемая, включается как отправной, движущий пункт в совокупность более частных явлений, определяя направление их действия и тем самым его конечный результат. Создается сложный комплекс взаимно проникающего действия основных и более частных закономерностей капиталистического хозяйства, которые определяют его реальное существование.

Необходимо строго различать ту изолирующую обстановку, в которой изучается закономерность в своем принципиальном виде и содержании, и развернутое действие ее в реальном развитии капитализма. Например действие закона ценности не исчерпывается границами производства и обмена двух-трех хозяйствующих субъектов, в которых его может рассматривать изолирующая абстракция. «Регулируя» основное отправление капитализма — обмен товаров, ценность тем самым «регулирует» весь совокупный производственный процесс, «порождает» сложные формы капиталистических рыночных отношений и «перерастает» в ряд новых форм своего «бытия» — в экономические категории, выражающие производственные отношения, исторически возникшие на основе ценности.

Изучение каждой категории, как составной части сложного взаимодействующего комплекса дает возможность проследить ее развернутое действие. Отсюда обнаруживается подчеркнутая динамичность каждой категории, не парализованной высоким уровнем абстракции. Логические перегородки, разделяющие действие одной категории от другой, при данной постановке исчезают. Все они представляют тесно переплетенные части единого капиталистического комплекса. Вместо отдельных этажей и клеточек экономической теории, с явно ощутимыми демаркационными линиями, перед нами выступает единый клубок переплетающихся закономерностей, выражающих развернутые противоречия капиталистической экономики, как они обнаруживаются в ее реальном движении, определяя специфическую форму этого движения.

Следовательно проблема конъюнктуры, проблема специфической формы динамики капитализма, есть прежде всего проблема развернутого действия закономерностей капиталистического хозяйства. Вместо отдельных сторон динамики целого, анализ которых дается установлением природы отдельных категорий, объектом анализа конъюнктуры является логически обработанное экономическое тело капитализма в целом. Задача логической обработки отдельных «физиологий» уже решена. Основные процессы «дыхания» и «выдыхания» системы и принципы ее движения уже даны. Больше, — переброшен мост к решению проблемы конъюнктуры — теорией простого и расширенного воспроизводства. Необходимо теперь посмотреть, как работает капиталистическая «физиология» в целом, в координации ее отправлений и не в скрытой глубине своих внутренних процессов, а в реальных рамках пространства и времени, — на исторической поверхности капитализма.

В этом сущность проблемы конъюнктуры. В соответствии с установкой, каждая категория, как было указано, получает подчеркнуто-динамическое выражение. Она рассматривается как составной момент капиталистического воспроизводства, взятого в его реально-историческом виде, как он осуществляется, начиная с своих производственных глубин и кончая танцующими тенями призрачных высот денежного рынка.

Маркс дал общее решение проблемы динамики капиталистического целого в своей теории простого и расширенного воспроизводства. Но здесь проблема была поставлена в своих общих контурах, при сильном давлении изолирующей абстракции. Соотношения между отдельными частями общественного производства в их взаимозависимости были даны на основе обмена по ценности, с исключением динамики цен, переливов капиталов, специфических волн рыночной конкуренции, при отвлечении от роли кре-

лита и других допущениях. «Мы рассматриваем здесь только те формы, которые проходит капитал в дальнейших своих усложнениях,— говорит Маркс...— Следовательно, еще не развиты в нашем изложении те реальные отношения, внутри которых совершается действительный процесс производства. Мы все время предполагаем, что товар продается по его ценности. Конкуренция капиталов находится вне поля нашего исследования, равным образом и «сфера кредита»...[1] и т. д.

Здесь проблема динамики была решена в ее основном, идеально-схематическом виде. Дальнейшей ступенью является теория конъюнктуры. Маркс дал основное направление решения и этой части проблемы. Своей постановкой проблемы кризисов он показал неизбежность циклического развития капитализма. Однако исчерпывающей своей разработки теории конъюнктуры не получила в работах Маркса.

Интересующий нас в данной связи вопрос о динамической установке отдельных категорий, о их сложном взаимодействующем влиянии полностью соответствует духу экономической теории Маркса. Природа цикла и развернутое выражение действия всех экономических категорий должны находиться в тесной связи между собой. Здесь заложен исходный ключ решения проблемы. Конъюнктура — сложный динамический процесс. Но в капитализме нет ничего статичного. Различие между конъюнктурой и другими экономическими категориями — это только разница углов и масштабов познания единого капиталистического процесса. И там и здесь объект изучения — капиталистический способ производства в его противоречивом развитии. Но если анализ категорий — это изучение капитализма на высоких ступенях абстракции и, следовательно, сквозь призму одной основной закономерности или небольшого числа их, то теория конъюнктуры изучает капитализм таким, как он развивается во всей совокупности своих отношений.

Следовательно конъюнктура — не отдельная экономическая категория капитализма в строгом смысле этого понятия. Она не выражает однотипного производственного отношения — составной части способа производства. *Конъюнктура — форма выражения действия всех категорий капиталистического хозяйства в их взаимопроникновении и взаимовлиянии,— действия, объективированного в циклической динамике капиталистического целого.* Конъюнктура включает в себя действие и основных категорий, и более частных, располагающихся на оси первых, причем действие именно частных категорий придает конъюнктуре ее эмпирическую «телесность».

[1] Маркс, «Теории», т. II

Отсюда — теория конъюнктуры является завершающим этажом марксовой экономической концепции, «динамическим» изданием его теории воспроизводства, второй заключивающей ее главой. Сфера ее «компетенции» необычайно широка. Нижней своей границей она упирается в проблему ценности, верхней — в «призрачные» колебания денежного рынка. Но чрезвычайно важно отметить, что конъюнктура охватывает только взаимное действие категорий. Она не включает в себя анализа каждой из них, она исходит из них как данных, принципиально выясненных величин. В противном случае теория конъюнктуры поглотила бы всю теорию капиталистического хозяйства, тогда как она является только завершающим ее этажом. Теория конъюнктуры прослеживает, как развернутое действие капиталистических категорий объективируется в его циклической динамике.

Итак капитализм не знает статики. Научная теория, давая теоретические слепки его закономерностей (и в то же время противоречий), является теорией «универсальной» динамики капиталистического хозяйства. Глубочайшую ошибку делает буржуазная экономия, когда устанавливает статический и динамический разрез капитализма и берет это метафизическое подразделение исходным моментом анализа конъюнктуры.

«Под статической мы пониманием ту теорию, которая рассматривает экономические явления по существу, вне категории изменения их во времени. Наоборот под динамической мы понимаем ту теорию, которая изучает экономические явления в процессе их изменения во времени»[1],— говорит Н. Кондратьев. Содержанием статической теории является анализ ценности, прибыли и т. д. Анализ этих основных закономерностей капитализма представляет его статический разрез. Характерно, что с этим метафизическим критерием Кондратьев подходит и к экономической системе Маркса, пробуя распластать ее на две части: статическую и динамическую. Проблема ценности, уровня цен, прибыль — статическая теория; учение о воспроизводстве, доходе, заработной плате — динамическая.

В равной мере и С. Первушин строит понятие конъюнктуры на различении статики и динамики. «Статический подход характеризуется тем, — говорит он, — что здесь народное хозяйство рассматривается вне времени, как система однозначно связанных экономических количеств в состоянии равновесия. Динамический подход заключается в том, что здесь наоборот хозяйство изучается как движение, как процесс, развивающийся во времени и характеризующийся непрерывными изменениями соотношений основных

---

[1] Кондратьев Н., «Социалистич. хозяйство», 1924 г., № 2, с. 350.

элементов хозяйственного целого, непрерывно перестраивающийся»[1]. В этом своем противопоставлении он идет дальше Кондратьева. Если у последнего конъюнктура охватывает определенный вид динамических процессов, так называемых «обратимых»[2], то у Первушина само понятие конъюнктуры включает в себя статический и динамический элемент. «Мы прежде всего считаем, — говорит он, — что и о конъюнктуре можно говорить двояко, т. е. рассматривая ее в аспекте динамическом и аспекте статическом, и таким образом можно построить два понятия конъюнктуры: динамическое и статическое. В первом случае конъюнктура рассматривается как непрерывно развивающийся процесс, здесь конъюнктура есть движение; во втором случае, т. е. при статическом подходе, конъюнктура рассматривается как известное состояние народного хозяйства в известный момент времени по сравнению с состоянием его в какой-либо другой момент времени, ему предшествующий»[3].

Этот двойственный разрез капиталистического целого есть метафизическая схема, противоречащая законам развития капиталистического хозяйства. Выше мы уже дали основные возражения против такого подразделения. Капитализм не знает статики. Теоретический анализ его глубинных закономерностей (теория ценности, прибыли) вовсе не означает его изучения «вне категории изменения во времени», как это думает проф. Кондратьев. Это анализ законов движения системы, следовательно, ее изменения, но могущего быть прощупанным только в иррациональных формах колебаний цен и т. д. Не существует пропасти между «верхними» пластами капиталистической экономики и ее руководящими силами, лежащими «ниже» — в основании системы. Наоборот налицо теснейшее взаимодействие и связь. Как развитие поверхностных экономических процессов направляется действием руководящих сил, так и самое действие последних возможно только при обратном влиянии первых. Ценность — не закон «подвижного равновесия» (статического) основных элементов капиталистической системы, периодически нарушаемого влиянием динамических процессов, лежащих в другой плоскости капиталистического целого, как представляет себе дело проф. Кондратьев[4]. Ценность — основной закон движения системы, который проявляет себя как непрерывно действующая тенденция к ее «равновесию», черпающая силу в непрерывной

---

[1] Первушин С., цит. работа, с. 10.
[2] Кондратьев Н., цит. работа, с. 358, 367.
[3] Первушин С., цит. работа, с. 23—24.
[4] Кондратьев Н., цит. работа, с. 36? 4?2.

борьбе с противоположными тенденциями[1] Это стихийно-организующий стержень системы, обстановкой действия которого является «неорганизованная стихия», не могущая исчезнуть в рамках капиталистического хозяйства. Если эту «неорганизованную стихию» разложить на ее составные элементы, то такими окажутся: законы заработной платы, кредит и другие моменты капиталистического воспроизводства. Получая в своем действии «толчки» от ценности, они не в полной мере и не всегда являются точными выразителями ее «предначертаний». Давая сложный результат своей увязкой в процессе воспроизводства, они далеко выводят капиталистическую систему из мыслимых «пазов» ее «равновесия» и тем самым получают характер той «неорганизованной стихии», в борьбе с которой ценность гонит общественное воспроизводство к равновесию его частей, никогда этого реально не достигая. Исчезновение «неорганизованной стихии», которое по сути дела предполагает теория «статического» равновесия Н. Кондратьева, неизбежно будет сопровождаться исчезновением и самой закономерности, представляющей лишь другую сторону этой «стихии». Этот ли результат стремился добыть проф. Кондратьев?

Постановка Кондратьева, Первушина и за ними всего сонма буржуазных экономистов, исследующих конъюнктуру, неверна. Капитализм не знает статики. Соответственно, не может быть статического «аспекта», «статической» конъюнктуры, наряду с ее динамическим выражением. Существует единая капиталистическая «динамика», выражающая

[1] «Только как внутренний закон, слепой закон природы в отношении отдельных действующих лиц, — говорит Маркс, — действует здесь закон стоимости и прокладывает путь общественному равновесию производства среди его случайных колебаний» (Капитал, т. III, ч. 2, изд. 1923 г., с. 419).

Тов. Осинский, в своей работе «Мировое хозяйство и кризисы» аргументируя против метафизического понимания Н. Кондратьевым «подвижного равновесия» у Маркса, делает перегиб, не упирая на существование такой тенденции. Если «подвижное равновесие» не может быть реальным фактом капиталистического хозяйства ни в какой момент его существования, то такая тенденция действует. Она представлена «законом ценности», который поэтому может быть назван законом «равновесия» системы. Ценность выступает не только, как идеально мыслимое «равновесие» предложения и спроса, но и как непрерывно действующая тенденция к его установлению. Этот второй момент недостаточно выпячен у Осинского. Осинский как бы боится самого понятия «равновесие» и усиленно его отметает. «Обмен или продажа товаров по их стоимости есть рациональный базис, естественный закон их равновесия; исходя из последнего следует объяснять отклонения, а не наоборот — из отклонения выводить самый закон». (Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, изд. 1924 г., с. 167).

Необходимо конечно учесть, что Осинский аргументирует против неправильной, метафизической интерпретации марксовой теории буржуазным экономистом.

противоречивое развитие системы и ее различные теоретические разрезы. Чем «глубже» категория, тем наиболее общий разрез получает эта динамика. Когда же прослеживается совокупность действия всех категорий в реальном течении капиталистического воспроизводства, то эта динамика принимает явственно прощупываемое на поверхности циклическое выражение. Отдельные углы анализа капитализма объединены единым абстрактно-аналитическим методом, который рассматривает явления не метафизически, в их застывшем виде, а в постоянном движении, непрерывно воспроизводящемся внутренней противоречивостью самой системы и в конечном счете определяемым характером взаимодействия производительных сил и их капиталистической оболочки.

Исключая статическую точку зрения, считая ее несовместимой с марксовой методологией, мы не отрицаем того познавательного значения, которое дается мгновенными фотографическими снимками конъюнктурного процесса, его своеобразной кино-съемкой. Рост производства в отдельных отраслях, более быстрое расширение так называемых капиталопроизводящих индустрий, меняющийся уровень цен, курсов и т. д., зафиксированные на отдельных этапах течения циклы в их собственном изменении и соотносительно друг с другом, являются необходимейшим моментом теоретического осмысливания конъюнктуры. В этом направлении достигла больших успехов Гарвардская школа, которой удалось влить течение цикла в рамки нескольких основных показателей, описывающих кривую конъюнктуры. Но, выработав образцовую систематизацию конъюнктурных процессов, она не дала сколько-нибудь глубокого объяснения движущих начал конъюнктуры, т. е. слабо осмыслила результаты собственной работы. Это более или менее общий удел всех буржуазных исследований в области конъюнктуры. Итак познавательное значение мгновенного разреза различных плоскостей непрерывно развивающегося воспроизводства достаточно велико. Эти мгновенные снимки производятся с действительных процессов, отражают направление течения последних за определенные промежутки времени и тем самым ничего общего не имеют с так называемыми «статическими» аспектами и разрезами. Они занимают в анализе экономических явлений в их развитии такое же место, как элементы формальной логики в диалектическом методе.

Методология анализа проблемы конъюнктуры

Теперь возникает важнейший вопрос: исходя из какого хозяйственного круга должна строиться теория конъюнктуры, является ли ее основанием так называемый «чистый» капитализм, или же природа цикла может быть установлена,

исходя из конкретного капитализма, каким он проявляется на своей исторической поверхности?

Буржуазная экономия, в преобладающем своем большинстве, исходит из конкретного капитализма. Она берет капитализм в его тесном переплетении с «третьими» лицами, сельским хозяйством и, отправляясь от этого сложного комплекса, стремится проложить пути к объяснению цикла. Немногие из исследователей пробуют элиминировать влияние специфических волн сельского хозяйства. Но это отдельные попытки.

В марксистской постановке этого вопроса не может быть затруднений. Общий подход к анализу конъюнктуры дан Марксом в его анализе общественного воспроизводства и вообще всей экономической системы капитализма. Маркс имел дело с «чистым» капитализмом. Из «чистого» капитализма должна исходить и теория конъюнктуры. Основания: циклическая форма развития присуща только капиталистическому хозяйству. Экономические формации, исторически предшествующие капитализму и последующие за ним, независимо от того, какой тип хозяйственной связи там господствует — натуральный или меновой,— не знали и не могут знать этой формы развития. Следовательно при выяснении природы циклической закономерности они являются «отягчающими» обстоятельствами и от них закономерно абстрагироваться. Конкретно: должны быть элиминированы: 1) все пережитки натурального хозяйства; 2) простое меновое хозяйство (так называемая некапиталистическая среда); 3) сельское хозяйство, как просто товарное, так и капиталистическое.

Причины элиминирования капиталистического сельского хозяйства следующие. В той мере, в какой здесь господствуют капиталистические отношения и производство опирается на определенный уровень техники, сельское хозяйство является составной частью единого капиталистического комплекса и следовательно подчиняется общим законам динамики капитализма. Здесь пробегают конъюнктурные волны. Это говорит против его исключения при анализе природы цикла. Но одновременно в сельском хозяйстве действует ряд экономических отношений, не свойственных всей промышленной системе капитализма (рентные категории и их основания) и тем самым являющихся модифицирующими моментами, воздействующими на законы конкуренции капиталов, тем самым на весь экономический процесс. Это уже серьезные ограничения для чистого проявления конъюнктурной волны в сельском хозяйстве, хотя общий тонус его динамики с несомненностью обнаружил бы ее наличие. Дальше, эти специфические отношения сельского хозяйства опираются на особое значение природных условий для его производственного процесса. Не

только цена сельскохозяйственного производства отличается от чисто промышленной по своему строению, но и общий результат самого производства носит характер «урожая», т. е. испытывает воздействия не только данного уровня техники, но и более непосредственное влияние самих природных условий. Это влияние не может быть окончательно сглажено техникой. Включив этот последний момент, воздействующий на сельское хозяйство, мы упираемся в проблему особых специфических волн в сельском хозяйстве, которые не всегда совпадают (и не могут совпадать, ибо корень другой) с его циклическими волнами и, больше того, могут «поедать» циклические волны. Поэтому, при выяснении природы цикла, сельское хозяйство должно быть элиминировано, хотя его преобладающий капиталистический характер предполагается в ходе анализа.

Мы должны отвлечься и от других «примесей» и «влияний на воспроизводственный процесс капитализма; в частности от воздействия государства, поскольку объект нашего исследования — капитализм как единое целое, не распавшееся (еще) на отдельные национальные звенья; от монополистических союзов и других форм капиталистических объединений, ставящих своей целью ограничение свободы конкуренции и тем самым видоизменяющих действие капиталистических законов. На данной ступени анализа констатирование их существования должно связываться с знанием того эмпирического факта, что они не нарушают циклической динамики развития капитализма.

Итак, общая теория конъюнктурного цикла предполагает в качестве своих основных условий следующие методологические ограничения: 1) приравнивание всего общественного производства производству внутри капиталистического круга, тем самым исключение «третьих» лиц; 2) исключение сельского хозяйства, как особой сферы производства, экономический процесс которой включает более сложную совокупность отношений и непосредственное влияние на производство природных условий (не только экономические факторы, но и природная стихия); 3) отвлечение от всех организационных и организующих факторов, модифицирующих проявление конкуренции и вообще воздействующих на воспроизводственный процесс капитализма (государство, синдикаты, тресты и др.).

Что же осталось? Остался «чистый» капитализм в совокупности своих отношений, теорию которого дал Маркс. Следовательно теория конъюнктуры должна строиться в разрезе «чистого» капитализма. Теория конъюнктуры представляет последний этаж экономической системы Маркса, второй частью данной Марксом теории общественного воспроизводства. Полет исследующей мысли здесь не снижается. Объект изучения — «чисто» капиталистические отноше-

ния. Теория конъюнктуры методологически представляет ту последнюю ступень исследования капитализма, которая вмещается еще в рамки абстрактно-аналитического метода[1].

Следующая ступень анализа — включение «третьих» лиц, сельскохозяйственного производства во всей совокупности его условий и отношений, будет уже выходить за пределы абстрактного метода. Здесь при исходных теоретических посылках будет расти значение и вес более конкретных приемов исследования, которые отвечают более узко поставленным задачам. Хотя весь механизм капиталистического производства конкретно связан тысячью нитей с некапиталистическим окружением, это не является аргументом против изолирующей абстракции, которая, как ключ, помогает подойти к самым конкретным проблемам, «если только люди, применяющие эти абстрактные теоремы, понимают, что от них к непосредственно эмпирической действительности ведет целый ряд логических ступенек, перескочить через которые ни в коем случае нельзя»[2].

Можно наметить следующие этапы разработки проблемы конъюнктуры: 1) Теория конъюнктуры, в прямом смысле этого слова. Здесь должно дать анализ природы цикла, закономерностей, его порождающих, и теоретически проследить, как эти основные закономерности и действующие на их оси более частные определяют течение цикла в его специфических чертах. Здесь собственно решается вся проблема. 2) Влияние форм монополистического капитализма на конъюнктуру. 3) Анализ конкретной капиталистической конъюнктуры за определенные промежутки времени с включением сельского хозяйства, «третьих» лиц, хозяйственных взаимоотношений отдельных национальных частей капиталистического целого, влияние политических событий и т. д. Это будет конкретным исследованием воспроизводства, как оно осуществляется в тех или иных странах за строго определенные исторические промежутки времени. Само это исследование может распасться на ряд отдельных монографий по более специальным вопросам, например, причины несовпадения течения цикла в отдельных странах, степень его остроты, влияние политических событий, открытия новых внешних рынков, золотых россыпей и т. д.

Буржуазная экономия, в противоположность марксистской постановке, исходит из конкретной конъюнктуры, пробуя отсюда «вытянуть» теорию. Это попытка с явно

---

[1] Характерно отметить, что неправильности методологической постановки Р. Люксембург по отношению к воспроизводству сохраняют это качество и для анализа конъюнктуры. Исходя из них трудно было бы прощупать движущие силы циклической динамики. «Практически», при полной противоположности подходов, на этой точке зрения стоит преобладающая часть буржуазной экономии.

[2] Бухарин Н. И., Империализм и накопление капитала.

неправильными средствами. Но чистого капитализма не существует в природе вещей и не может существовать. Тем более это относится к его динамике, в которой он выступает как сложный хозяйственный комплекс. Отсюда на первый взгляд бо́льшая логичность установки буржуазной экономии, чем марксистской. Там, оперируя экономическими явлениями конкретного капитализма, стремятся, исходя из них, прощупать причины цикла; здесь теория конъюнктуры строится из «чистого» капитализма, а проявление ее, ее морфология, берется из конкретного. В теории абстрагируются от некапиталистических форм сельского хозяйства, политики, а конкретный экономический процесс, на который опирается теория и объяснить который она должна, включает всю совокупность действия этих моментов.

Это противоречие только внешнее. В развитии каждой страны можно совершенно явственно прощупать циклическую динамику хозяйственного развития. Все указанные моменты бессильны нарушить эту закономерную особенность. Основная причина этого бессилия в том, что конкретное капиталистическое хозяйство не дуалистично, в нем нет «равноправия» существующих хозяйственных форм, господство капиталистических отношений должно выразиться и в господстве присущей ему формы динамики. Кроме того элементы простого товарного хозяйства не противостоят резко капитализму, у них есть общее ядро: хозяйственная «анархия», которая и у простого товарного хозяйства в потенции содержит цикл. Сельское хозяйство, поскольку оно капиталистически организовано, подчиняется общей тенденции; этот двуликий Янус имеет лишь одну сторону, противоречащую (могущую противоречить) законам цикличности. Отсюда — теория конъюнктуры может опираться на эмпирические данные течения конъюнктуры, предварительно очищенные и систематизированные, хотя основные «причины» цикла могут быть выведены только из «чистого» капитализма.

Видимость указанного противоречия породила ряд теорий конъюнктуры, непосредственно из него вытекающих. Достаточно указать Первушина, который переоценил влияние сельского хозяйства и, выделив технику на положение «извне» действующего фактора, пришел к отрицанию «саморазвития» цикла, т. е. к отрицанию «чисто» капиталистической конъюнктуры[1]. Буржуазная экономия

[1] «По устранении вековых движений и больших циклов мы наблюдаем также циклические движения общей конъюнктуры, связанные с колебаниями сельского хозяйства, происходящими в значительной мере под влиянием колебаний урожаев, так же более или менее периодических» (Первушин С., цит. работа, с. 38). То же, в основном, Репке, цит. работа, с. 59, 66—67. Признавая урожаи «извне» действующим фактором, он придает им огромное значение и не выставляет «органических» причин цикла.

в массе своей никак не может разграничить двух вещей: существование присущих капитализму внутренних причин циклической закономерности, «порождающих» цикл, и наличие «извне» действующих факторов, влияющих на конъюнктуру, усугубляющих в течении цикла те или иные конкретные черты: обострение кризисного перелома, затяжной характер депрессии и т. д. «Извне» действующие факторы являются факторами количественного порядка, развертывающими свое действие на основе уже данных, внутренних, безостановочно действующих «причин» цикличности. Если анализ последних определяет собой теорию цикла, то анализ первых — исследование конкретной конъюнктуры — конечно предполагает завершенное действие основных закономерностей.

Именно исходя из такой постановки делается ясным положение Энгельса, когда он причину краха 1847 г. в Англии видел в неурожае 1846 г., который привел к большому отливу золота из Англии в обмен на хлеб (покупательная способность на английские товары резко сократилась вследствие неурожая), что вызвало повышение процента и банкротство ряда первоклассных фирм. Здесь неурожай на континенте выступает наиболее рельефной причиной. Но это именно «возбудительная» причина, которая не могла бы оказать столь решающего влияния на наступление кризиса, если бы ферменты его не были налицо. И наоборот органически нарастающее перепроизводство неизбежно вылилось бы в форму кризиса при отсутствии сколько-нибудь сильно действующей «извне» причины. В общей теории конъюнктуры от этих «внешних» причин можно и должно абстрагироваться, хотя каждый конкретный капиталистический кризис с датой 1847 или 1907 гг. во всех его характерных чертах и различиях не может быть понят без учета всей совокупности конкретно действующих причин, толкающих к взрыву назревающие «органические» противоречия и их усугубляющих. В противном случае каждый кризис походил бы на другой, как две капли воды. Доказать типовой характер кризиса стремится теория, исходя из поставленной основной задачи; при конкретном же исследовании эта истина берется данной и не составляет главного предмета исследования.

Буржуазная экономия проделала очень интересную и научно полезную работу по очистке и систематизации эмпирического материала. Наибольшие успехи сделала Гарвардская школа. Путем сложных математических и методических приемов она исключила из «кривых» цен, чугуна и др. показателей конъюнктурной динамики влияние векового движения (хотя вопрос о его существовании далеко не решен) и сезонных колебаний. В ее распоряжении остались численные ряды, отображающие циклические колебания, которые она уплотнила в три «кривых»: спекуляции; торгово-про-

мышленного показателя (бизнес), составляющегося из показателя производства чугуна и индекса оптовых цен и кредита. Характерно, что кривые дают не только типовую линию конъюнктуры чрезвычайно четко и ясно, но обнаруживают интересную последовательность в своем движении. Они «следуют друг за другом в строго закономерном порядке: впереди «спекуляция», за ней с опозданием («лагом»), примерно, в 6 месяцев следует «бизнес» и, наконец, еще на полгода позднее проделывает соответственные фазы кривая кредита»[1]. Это наилучшее доказательство того, что и динамика конкретного капиталистического комплекса, очищенная от частных колебаний и ряби, достаточно четко отражает действие движущих сил капиталистического круга.

Не менее интересной является попытка ряда экономистов, упирающих на тесную связь торгово-промышленного цикла с с.-х. урожаями, элиминировать влияние сельского хозяйства на конъюнктуру. Вот что о результатах этой попытки говорит Первушин. «Не обусловливаются ли чисто конъюнктурные колебания только колебаниями сельского хозяйства? Короче, не поглощают ли волны, порождаемые колебаниями сельского хозяйства, чисто конъюнктурные волны? Ответ на это все же должен быть дан отрицательный. Никому из исследователей не удалось этого доказать. Наоборот, и исследование Мура показывает, что за вычетом этих колебаний, какие-то другие волны все же остаются; они только становятся еще менее регулярными, чем до элиминирования сельскохозяйственных колебаний. От строгой периодичности и всеобщности после этого остается гораздо меньше, но все же остается»[2]. Этот вывод целиком противоречит основам марксовой постановки вопроса. Сущность его сводится к утверждению, что чем ближе к «чистому» капитализму продвигается исследование, тем слабее действует циклическая закономерность. Следовательно, согласно этой теории получается, что цикл—не чисто капиталистическое порождение, а форма динамики, свойственная многим формациям, где останутся техника и урожаи.

Конкретный капитализм—сложный хозяйственный комплекс. Мы уже указали, что ни простое товарное хозяйство, насколько оно существует на родственных капитализму меновых связях, ни капиталистическая «половина» сельского хозяйства не препятствуют существованию капиталистических «волн». Наоборот, затемняющим чистоту конъюнктурной кривой являются «урожайные» волны в сельском хозяйстве, от которых «освободил» нас анализ Мура. Почему же «от строгой периодичности и всеобщности после этого остается гораздо меньше»? Потому, отвечаем мы, что вы-

[1] Базаров, «Плановое хозяйство», 1926 г., цит. статья, с. 97.
[2] Первушин, цит. работа, с. 48.

рвать клок живого мяса из конкретного воспроизводства вовсе еще не означает превратить его в воспроизводственный процесс чистого капитализма. Определенные воспроизводственные нити резко обрываются, воспроизводственный процесс, учитывая удельный вес сельского хозяйства (исключение специфических волн выключает частично и материально-производственный аппарат), получает перекошенный вид. Если бы реально был возможен «чистый» капитализм, то у него была бы особая, плотная пригонка отдельных частей друг к другу, отдельные его воспроизводственные моменты тесно сплетались бы между собой. Здесь не было бы зияющих провалов—результатов хирургической выемки частей, тесно сросшихся с целым и так или иначе, но занимающих определенное место в течении воспроизводства. Не учтя этого, Мур и его последователи могут самодовольно разрушать теорию чистого капитализма. Наоборот, в «чистом» капитализме циклическая форма динамики, как нигде и никогда, имела бы четкое и чистое свое выражение и находилась бы в таком же соответствии с циклической динамикой конкретного капитализма, как, скажем, падение тела в безвоздушном пространстве в сравнении с падением в естественной среде.

«Если бы добавочного рынка не было, то от этого одного капитализм не перестал бы существовать. Он был бы вполне «мыслим». Если же такой рынок есть, то конкретное развитие необходимо идет по линии наименьшего сопротивления, и без этого оно немыслимо»[1]. Это рассуждение Бухарина касательно возможности чисто капиталистического воспроизводства целиком применимо и к вопросу о его цикличности, тем более, что эти вопросы — две стороны одной и той же проблемы. Если бы возможно было реальное существование чисто капиталистического хозяйства, то чистота циклической формы его развития достигла бы наивысшего своего выражения. Здесь мы имели бы дело с «уплотненным» действием его отношений, тем самым наиболее актуальным действием его закономерностей. Не только основные закономерности, но и более конкретные «причины» цикла действовали бы с наибольшей яркостью. Шел бы быстрейшим темпом технический процесс с массовым экономическим снашиванием на почве развернутой конкуренции, взаимная экспансия достигла бы наивысшего предела, место «периферии» — «третьих лиц» заняли бы капиталистически более слабые страны, на тесном базисе спекуляция и ажиотаж приняли бы исключительные размеры и т. д.

Необходимо в заключение отметить колоссальные трудности методической обработки и систематизации конъюнктурных процессов. Как восполнить и заместить ряд зияющих

---

[1] Бухарин, Империализм и накопление капитала, 1925 г., с. 104.

провалов, получаемых в результате оперативного изъятия определенных групп явлений, входящих в конкретный воспроизводственный процесс капиталистической системы? Чтобы просто попробовать это сделать, нужно обладать, в качестве минимального исходного требования, правильной методологической установкой. Неуменье, к примеру, различить конкретный и «чистый» капитализм, тенденция отождествлять эти понятия, приписывать конкретному капитализму более яркое проявление специфических явлений и одновременно признавать их действие ослабленным в «чисто» капиталистических условиях — это заранее предрешает ложность выводов и построений. Правильностью методологической установки не может похвалиться современная экономия, изучающая проблему конъюнктуры. Но вместе с тем громадное значение имеет и выработка правильных, соответствующих предмету исследования методических приемов анализа, его критериев и т. д. По отношению к экономике методы точных естественно-научных приемов не могут быть применимы, по крайней мере в сколько-нибудь широком размере. Живое тело экономических явлений требует особого подхода к его анализу.

С тем большей осторожностью и недоверием следует отнестись к существующим и в марксистской среде попыткам сделать естественно-научную методику инструментом исследования капитализма, тем более его динамики [1]. Взять, к примеру, попытку В. А. Базарова. Возможно ли применение методов научного естествознания «для количественного анализа социальной динамики»? ставит он вопрос. И отвечает в положительном смысле: «Единство метода,—говорит он,— вполне законно там, где качественно различные явления имеют тождественные организационные связи, где материально различные процессы формально одинаковы, обладают одной и той же структурой. Отыскание формально тождественных количественных соотношений при глубочайших качественных различиях и построение на этой основе простых схематических «моделей» сложных процессов есть метод, постоянно применяемый в точном естествознании и оправдавший себя многочисленными достижениями. Если он встречает упорную оппозицию в обществоведении, то в значительной степени просто потому, что в среду обществоведов соответствующие навыки еще не проникли» [2]. А в другом месте он выражается еще более ясно, — «благодаря невежеству обществоведов». Как образец новых «навыков» «экономического» анализа, приведу следующее рассуждение, касающееся тождественности процесса «насыщения рынка...

---

[1] Из не-марксистов в России Н. Кондратьев. См. цит. работа в «Социалистическом хозяйстве» за 1924 г., № 2, с. 359—360.

[2] Базаров, ст. «Кривые развития капиталистического и советского хозяйства», «Плановое хозяйство», 1926 г., № 4 и 5, с. 106.

с протеканием реакции обменного разложения». «Можно сказать с полной уверенностью, — говорит Базаров, — что если бы дело шло о химических молекулах, то при таком ничтожном количестве их в растворе никакой правильности в протекании реакции не получилось бы. Социальные молекулы (sic), одаренные сознательными намерениями и «свободной» волей, именно в силу этой своей сложности, не носятся по рынку по инерции случайных ударов и столкновений, но имеют определенное направление и сравнительно мало меняющуюся скорость»[1]. Это рассуждение бесспорный «перл», но и все остальные приблизительно в таком же роде.

Научно-познавательная ценность подобных рассуждений, — в какой мере они помогают уяснить специфическую природу экономических явлений в их развитии, — весьма сомнительна, но отрицательные моменты такого подхода совершенно ясны.

К чему может привести упор на формальное тождество экономических и естественных явлений? — Прежде всего к перегибу в сторону формального подхода, который выпирается на первый план и затемняет собой сущность самих экономических явлений. Что может дать превращение людей или групп в «социальные молекулы», которые рассматриваются соотносительно с «химическими молекулами»? Какая экономическая закономерность сможет быть лучше уяснена, исходя из противопоставления этих «формально тождественных и качественно различных величин»? Никакой, только запутывается вопрос, разрывается единство экономического анализа, на первый план выступают метафизические вопросы сходства и различия, при полном забвении их качественной сущности. Для Маркса построение «моделей» — это логическая обработка типовых, качественных отношений капиталистического хозяйства. Этот прием имеет огромное познавательное значение потому, что дает возможность сложный капиталистический комплекс распластать на ряд составных его элементов, дать теоретический слепок этому взаимодействующему целому. У Базарова, наоборот, господствует формальная аналогия, которая не «обрабатывает» экономические явления в соответствии с их внутренней, диалектической связью, а, наоборот, вырывает их из контекста этой связи и придает им цвет и окраску, заимствованную у естественных явлений, которые попадут в поле зрения просвещенного аналитика и

---

[1] Базаров, ст. «Кривые развития капиталистического и советского хозяйства», «Плановое хозяйство», 1926, № 4 и 5, с. 114, 117. Эти вопросы, как и все построения В. А. Базарова в области теории цикла, более подробно разобраны в работе Максаковского, К теории цикла и динамики советского хозяйства, «Большевик», № 6 и 7, за 1928 г. — Ред.

явится в его руках орудием распознавания «скрытых» тайн экономического процесса. Вместо стремления проникнуть в диалектику развития экономического процесса, исходя из него самого, здесь господствует грубый произвол ф о р м а л ь н ы х аналогий.

Вопрос о применении естественно-научных методов в исследовании хозяйства нуждается в общем методологическом решении, прежде чем могут быть применены конкретные попытки. Каждая наука имеет свою научную методику — ее рабочий инструмент. Как нельзя рубанком строгать железо, так нельзя реакцией «обменного разложения» объяснять рыночные явления. Там и здесь существуют свои качественные закономерности, определяющие внешнюю сторону явлений. Нельзя логические совокупности приравнивать формальным тождествам. Общие законы, лежащие в основе развития мира социальной материи и просто материи — естествознания — определяют специфический методичский аппарат в зависимости от конкретных особенностей объекта изучения. Это однако не говорит еще о том, что не может существовать обмен понятий между отдельными науками. Такой обмен понятий существует, он имеет свою ценность. Но понятие, привившееся из естествознания в экономике или наоборот, не остается составной частью первого. Оно ассимилируется данной наукой, получает свое особое содержание, свой специфический смысл. Во всей этой области должна существовать законная осторожность и ясно ощутимые границы. Базаров их перешагнул.

Критическая проработка этих попыток необходима для выработки изощренной методики анализа. В частности, так называемая симтомология конъюнктуры — изучение признаков движущейся конъюнктуры, их группировка и сведение в кривые конъюнктурного процесса — до сих пор разрабатывалась преимущественно буржуазной экономией. Поэтому и марксистское исследование конъюнктуры должно опираться на материалы (показатели, кривые, схемы), добытые исследователями, не пользующимися и не умеющими пользоваться диалектическим методом. Марксистская экономия должна критически перебрать весь наличный арсенал этих приемов исследования, выработать свои образцы и тем самым создать возможность поставить проблему динамики не только глубоко, но в одинаковой мере и конкретно.

Основные «причины» конъюнктурного цикла

Связь циклической динамики с капиталистическим способом производства настолько очевидна, что не вызывает возражений ни у одного буржуазного экономиста. Но, не понимая глубоко природы этой цикличности, они простирают ее и на социалистическое хозяйство, признавая послед-

нее или как реальный факт будущего, или как сумму взглядов социалистической идеологии (К а с с е л ь, Б у н я т я н, А ф т а л ь о н, Р е п к е и др.).

Простое товарное хозяйство не знает циклической динамики. Ее не знают ни те его исторические элементы, основанием которых служила непосредственная меновая торговля, ни более развитые элементы, базирующиеся на денежном обмене. Главным признаком цикла является периодически повторяющееся общее перепроизводство товаров. Такое состояние не могло быть известно простому товарному хозяйству вообще, поскольку уровень техники стоял достаточно низко. Наконец сами меновые отношения не носили сколько-нибудь всеобщего характера, а являлись как бы «оазисами», вкрапленными в натуральное хозяйство. Однако для выяснения причин цикла необходимо провести одно существенное отличие между обоими этапами простого менового хозяйства.

При непосредственной меновой торговле возможность общего перепроизводства исключалась по двум причинам: вследствие низкого уровня техники и отсутствия денежной связи. Низкая техника исключала самую возможность перепроизводства, отсутствие денежной связи делало невозможным перерастание частичного нарушения сбыта во всеобщее. Для яркости примера можем представить гипотетический капитализм, не знающий денежного обмена. Как бы широко и глубоко ни развивалось здесь общественное разделение труда, испытываемые нарушения обмена никогда не перешли бы в общее перепроизводство. Такой именно капитализм «витал» пред «мысленным взором» Сэя, когда он формулировал догму классической экономии о невозможности общего перепроизводства. На следующем этапе простого менового хозяйства исчезает одна препятствующая причина, — появляется денежная связь. И дальше оба условия перепроизводства начинают действовать на той ступени менового хозяйства, когда развертывается крупное товарное производство с бесконечным количеством циркулирующих на рынке товаров, с сложной ценной зависимостью их обмена, «освященного» причудливо переплетающимися денежными связями. Такого уровня производительные силы достигают в рамках их капиталистической организации. Отсюда — в специфических условиях капитализма, в характере действия его законов, воздействующих на его процесс через денежную связь, заложены исходные «причины» конъюнктурного цикла.

Простое товарное хозяйство характеризовалось существованием одного закона — ценности,— выражающего отношение независимых товаропроизводителей с добавочными связями, вытекающими из наличия денежной формы. Здесь — начальная ступень анархии и нет цикла. Общественное раз-

деление труда развито слабо, межотраслевая конкуренция в зачатке, отрасли, производящие орудия труда и полуфабрикаты, занимали скромное место, вместо машинной техники господствовали опытные приемы, которые исключали возможность резкого изменения производительности труда, и наконец движущим мотивом являлось возмещение необходимого труда в другой потребительной форме. Этому соответствовала слабая динамика цен, неслыханное постоянство их уровня и незначительность колебаний за целые десятилетия. В этих условиях не могло быть общего перепроизводства, тем самым — цикла.

Но в простом товарном хозяйстве все же существовал зародыш этой цикличности. Маркс говорит, что «в противоречии купли-продажи, в противоречии денег, как платежного средства», кризис уже дан. «Здесь кризис существует в своих простейших формах и также в своем простейшем содержании, насколько сама эта форма является его простейшим содержанием. Но это еще не обоснованное содержание»[1]. Следовательно кризис, циклическая форма развития, в своем исходном виде даны наличием закона ценности и его денежной формы. Однако реальное существование кризис приобретает только с развитием промышленного капитализма. «Развитые в товарном обращении и далее в денежном обращении противоречия — следовательно возможности кризиса — сами по себе воспроизводятся в капитале». Именно, вытекая «из определенной формы капитала, которые свойственны ему, как капиталу, и не содержатся в нем, поскольку он существует только как товар и деньги»[2], кризис получает реальное воплощение.

Итак, только с перерастанием ценности в капитал — новое производственное отношение — и в то же время с сохранением своей исходной формы и значимости потенциальный кризис превращается в реальный. Но одного отношения эксплоатации еще недостаточно, чтобы кризис проявил свою циклическую закономерность, т. е. чтобы начала «нормально» функционировать конъюнктура. Для этого нужно, чтобы «не только противоречие товара—денег осложнялось тем, что цены отклоняются от стоимостей; это противоречие приобретает необыкновенно сложные формы в капиталистических рыночных отношениях, в специально капиталистических отношениях «спроса» и «предложения». Только в сфере капиталистической конкуренции это противоречие достигает законченной, специфической для капитализма крайне сложной формы (все же однако «содержась» и «возвращаясь» в основном своем виде и в этой форме)»[3].

---

[1] Маркс, Теории, т. II, ч. 2, с. 179.
[2] Там же, с. 180.
[3] Осинский, Мировое хозяйство и кризисы, изд. 1925 г., с. 64.

Здесь Осинский дал совершенно правильную интерпретацию Марксова тезиса о том, что «реальный кризис может быть представлен лишь в реальном движении капиталистического производства, конкуренции и кредита»[1]. Что означает этот тезис? То, что если кризис дан конституированием капиталистического способа производства, то периодическая его закономерность начинает действовать на определенной ступени капиталистического развития, когда разовьется в полной мере капиталистическая конкуренция, создавшая «специальные капиталистические отношения «спроса» и «предложения», исходной точкой которых является получение средней прибыли. Другими словами, кризисы приобретают характер закономерно повторяющегося явления только тогда, когда непосредственным «регулятором» капиталистического хозяйства становится цена производства, эта историческая форма ценности, включившая в себя отношение капиталистической эксплоатации и предполагающая развитую межотраслевую конкуренцию капиталов. Только на базе цены производства развертывается специфическая динамика рыночных цен, отражающая своими волнообразными колебаниями основные сдвиги капиталистического воспроизводства, закономерно разрешающиеся кризисами.

Итак: 1) простое товарное хозяйство с одним основным законом — ценностью, — потенциальный кризис и следовательно цикл; 2) «становление» капиталистического производства — закон ценности плюс закон прибавочной ценности, — реальный кризис, проявляющийся спорадически и не обнаруживающий периодической закономерности (незавершенный, исторически «недоделанный» цикл; 3) развитое капиталистическое производство — закон ценности, закон прибавочной ценности, закон средней прибыли, — периодический кризис, завершенный цикл.

Таким образом циклическая динамика становится четкой формой течения капиталистического воспроизводства только на определенной ступени развития капитализма, когда он достиг не только качественной, но и количественной зрелости основных своих отношений (цена производства).

Это можно подтвердить историческими данными. Англия — передовая страна капитализма — не знала до 1825 г. периодических кризисов, хотя отдельные «спорадические» кризисы проявлялись в ее экономике значительно раньше. Достаточно сказать, что некоторые историки кризисов ведут их родословную, начиная чуть ли не с XVII столетия. Однако до первой половины XVIII века вообще невозможно говорить о кризисах в строгом смысле слова, т. е. о промышлен-

[1] Маркс, Теория, т. II, ч. 2, с. 180.

но-капиталистических кризисах. В конце XVIII и начале XIX века в Англии, когда промышленный капитал занял положение господствующей формы, произошло несколько «спорадических» кризисов. В основе своей они были несомненно промышленного происхождения. Действие «органических» условий начинало уже брать верх в сравнении с «извне» действующими причинами. Однако в их течении трудно было прощупать циклическую закономерность. Капитализм не достиг еще необходимой для этого «количественной» зрелости, сцепление движения индивидуальных капиталов было недостаточно сложным, влияли огромные пережитки простого товарного хозяйства, высокая техника не была еще уделом всех функционирующих капиталистических предприятий.

Характерно дальше отметить, что и закон средней прибыли находился еще в стадии своего вызревания. Масса реализуемой капиталистами прибыли тяготела еще к массам прибавочной ценности, создаваемым в данных отраслях, капиталистическая эксплоатация не надела еще на себя созревшей оболочки прибыли, независимой от величины живого труда, потребляемого в данном предприятии. Существующая тенденция к выравниванию прибыли еще не вошла основным фактом в сознание любого капиталиста и не сделалась измерителем его действий. Это отразилось и в экономии того времени, в той беспомощности, с какой Смит и Рикардо стремились осмыслить эту «новую» тенденцию.

Таким образом и исторические данные говорят о правильности выставленного положения о постепенном развитии цикла. Между *историческим* образованием цены производства, как непосредственного регулятора капиталистической системы, и капиталистической динамикой, в ее закономерно *циклической* форме, существует исторически и логически доказуемая связь. Свою полную аргументацию эта связь получит в следующей главе, непосредственно в теории цикла. Здесь важно сделать упор только на основной момент этой связи — развитие капиталистической конкуренции. Межотраслевая конкуренция одной «рукой» «создает» цену производства, превращая «равновесие» труда в «равновесие» капиталов, другой «порождает» специфические отношения рыночного спроса и предложения и тем самым колебательные движения рыночных цен — важнейший признак течения цикла. Но сама рыночная конкуренция, опираясь на цену производства, зависит в свою очередь от влияния другого фактора — характера возмещения основного капитала. Эта связь и взаимодействие капиталистической конкуренции и характера возмещения основного капитала являются важнейшими условиями цикла. Дадим предварительную зарисовку их значения.

«Только с того времени, — говорит Маркс, — когда механическая промышленность пустила столь глубокие корни, что она стала оказывать преобладающее влияние на национальную промышленность, когда благодаря ей внешняя торговля стала брать перевес над внутренней... когда наконец промышленные нации, вступившие в конкуренцию друг с другом, сделались достаточно многочисленными, — только с того времени выступили те все снова и снова повторяющиеся циклы, последовательные фазы которых охватывают годы и которые каждый раз ведут к всеобщему кризису, завершающему один цикл и начинающему новый»[1]. Что означает развитие «механической промышленности»? Прежде всего — рост органического состава капитала: преобладание постоянного капитала над переменным и, как специфически видовое выражение этого преобладания, — более быстрый рост основного капитала в сравнении с оборотным. Рост органического состава капитала в свою очередь сопровождается усилением капиталистической конкуренции, как указывает и Маркс. Развитие обоих моментов взаимно обусловлено, развитие одного момента подгоняет развитие другого и наоборот.

Ранняя ступень развития промышленного капитализма характеризовалась малым удельным весом основного капитала. Как общее правило, преобладал оборотный капитал. Соответственно не было достаточной почвы для развития конкуренции. Особенностью оборотного капитала является то, что он возмещается целиком с каждым кругооборотом капитала. Нарушения, проистекающие из его перепроизводства или недопроизводства, не принимали затяжного характера, не «консервировались». Отразившись в колебаниях цен, они их же давлением устранялись в следующих этапах воспроизводства. Общественное производство испытывало более непосредственный контроль рынка. Несложный аппарат капиталистической конкуренции действовал просто, «прозрачно». Следовательно и законы «равновесия», рабочим инструментом которых является капиталистическая конкуренция, проявляли полностью свое регулирующее действие на протяжении оборотного «цикла». Цена производства — ценность — «без перебоев» регулировала капиталистическое производство, как только возникали нарушения. В этих условиях рыночные цены не могли длительно отрываться от рыночной ценности. Тенденция к «равновесию» действовала через преодоление «текущих» препятствий. Все это — в условиях приравнивания производительного капитала его оборотной части. И только с развитием специфической рыночной конкуренции, когда данное соотношение «спроса» и «предложения» перестает правильно

---

[1] Маркс, Капитал, с. 651.

отображать пропорциональность общественного производства, непосредственное действие законов равновесия на цены парализуется, рыночная стихия оттягивает цены от ценности и привешивает их «за ниточку» к конъюнктуре, — тогда развертывается цикл. Эту свою определяющую особенность капиталистическая конкуренция приобретает с ростом удельного веса основного капитала, — она вытекает из характера его воспроизводства, как оно реально осуществляется.

Следовательно рост основного капитала, развитие «механической промышленности», как в данном месте говорит Маркс, является важнейшим моментом «созревания» цикла. Только с ростом органического состава капитала приобретает определяющее значение рынок средств производства. Общественное производство выходит из каждодневного контроля законов «равновесия». Поляризация производства и потребления, данная появлением капитала, получает завершенное свое выражение. Все противоречия капиталистической системы, в какой бы плоскости они ни лежали, достигают полной зрелости.

Не углубляясь пока в подробное рассмотрение, мы должны сделать следующий вывод: если основным условием проявления действия цикла является такая ступень развития капитализма, когда «постулатом равновесия» становится цена производства, то вторым, более конкретным условием цикла, развивающимся наряду и в тесной связи с первым условием, является «достаточный» удельный вес основного капитала. На базе этих двух условий возникают специфические, иррациональные формы рыночной конкуренции, длительно отрывающие цены от цены производства — ценности и с неумолимой неизбежностью толкающие общественную систему к всеобщему перепроизводству.

Теперь мы постараемся логически доказать, что же считать исходным движущим началом конъюнктуры, наиболее общей «причиной» конъюнктурного цикла, определяющей направление действия других «причин» и «условий». Это должно иметь первостепенную важность для правильной методологической установки теории цикла.

Мы уже говорили, что в конъюнктуре отражается действие всех категорий капиталистического хозяйства. Это с полной ясностью и отчетливостью установил Маркс. «Отдельные моменты, которые синтезируются в кризис, — говорит он, — должны... проступать и быть выявленными в каждой сфере буржуазной экономии, и поскольку мы все далее в нее углубляемся, постольку должны быть выявлены, с одной стороны, новые определяющие черты данного противоречия, а, с другой стороны, его более абстрактные формы должны быть обнаружены возвращающимися и

содержащимися в более конкретных формах»[1]. Каждая категория «участвует» в образовании конъюнктуры. Неудивительно поэтому, чтоМаркс о неизбежности кризисов при капитализме говорит и в проблеме ценности и в проблеме денег, прибыли, кредита и т. д., давая попутно его простейшие «модели».

Но здесь важно отметить и другую мысль Маркса. Существуют более общие («абстрактные») формы кризисов, тем самым — цикла, говорит он, и существуют его более конкретные формы, причем более абстрактные формы содержатся в конкретных, диалектически их проникают, не лишаясь одновременно самостоятельного существования. В переводе на язык «категорий» это должно означать следующее. Кризис — цикл дан существованием его основной формы — закона ценности. Именно последний выражает собой основное противоречие системы: несогласованность общественного производства и потребления, «спроса» и «предложения». Эта «анархия» — база всех остальных противоречий, следовательно основа кризиса. Однако это основное противоречие, проявляющееся в кризисах, не ведет изолированного существования. Закон ценности при капитализме «порождает» целый ряд других категорий, которые выражают более конкретные противоречия капиталистической системы. Каждая их этих категорий — ценностная категория. Выражая собой особое отношение капиталистического хозяйства, она диалектически является формой «бытия» закона ценности, — более конкретной формой, в которой и через которую проявляется его исходное действие, ибо логическое развертывание из закона ценности всей суммы ценностных отношений отражает диалектический процесс перерастания отношений независимых товаропроизводителей в сложную экономику капитализма, происходящий реально-исторически.

Каждая категория капитализма есть результат отпочкования основной. И только в результате такого перерастания закон ценности приобретает свою полную зрелость. Полновесная регулирующая роль ценности прямо пропорциональна сложности надстройки ценностных отношений. В простом товарном хозяйстве, этой начальной ступени неорганизованного хозяйства, действие закона ценности проявляется слабо. При капитализме, при его сложной надстройке ценностных отношений, оно неизмеримо сильнее. Ибо только здесь мы имеем окончательно оформившееся товарное производство. «Только на основе капитала происходит развитое товарное и денежное обращение»[2], говорит Маркс. «Продукт всецело принимает форму товара — как тем, что все

[1] Маркс, Теории, т. II., ч. 2, с. 177—178.
[2] Маркс, Теории, т. II, ч. 2, с. 180.

продукты должны быть превращены в меновую ценность, так и тем, что ингредиенты его производства сами входят в него как товары, — он становится всецело товаром лишь с развитием и на основе капиталистического производства»[1], — говорит он в другом месте. Таким образом, параллельно развитию капиталистического хозяйства растет сила закона ценности, которая направляет действие других его законов, исторически возникающих на его основе.

Взятый изолированно, закон ценности не создает цикла. Яркий пример — то же простое товарное хозяйство, где налицо анархия, но нет цикличности. Там — слабая анархия, тем самым слаб и закон ценности. «Слаб» закон ценности и в капиталистическом хозяйстве, если взять его изолированно от других категорий. В таком своем виде он не «порождает» цикла, хотя и является основным противоречием системы. Но действие закона ценности в условиях капитализма — не изолированное действие. Так его может мыслить только изолирующая абстракция. Он, как «родовой» закон системы, живет и действует в совокупной множественности форм своего «бытия» — в ценностных категориях, выражающих конкретные противоречия системы и, тем самым, получает в них свое «конкретное» содержание. Пример: 1) включая действие закона прибавочной ценности и прибыли, — превращается в цену производства; 2) приняв форму основного и оборотного капитала, «порождает» специфическую рыночную конкуренцию, тем самым, колебательные движения цен и т. д. «Производство, распределение и потребление — одно и то же, — говорит Маркс, — но... все они образуют собой части целого, различия внутри единства. Производство в противоположности своих определений охватывает как само себя, так и остальные моменты». И дальше: «Определенная (форма) производства обусловливает... определенные (формы) потребления, распределения, обмена и определенные отношения этих различных моментов друг к другу»[2]. Этот образец диалектического мышления целиком применим и в данном случае. Ценность, прибавочная ценность, средняя прибыль, деньги, кредит и т. д. суть части целого (капиталистической системы) — различия внутри единства. Но основной категорией является ценность, которая в противоположности своих более частных форм охватывает как самое себя, так и остальные категории, представляющие диалектическую трансформацию ценности. Если совокупность этих сил, в их взаимодействии и взаимообусловленности определяет циклический ход развития капитализма, то движущее начало этой динамики зало-

[1] Маркс, Теории, т. III, с. 64.
[2] Маркс, К критике, введение, с. 23—24, изд. 1923 г.

жено в законе ценности, в характере его стихийно-регулирующего воздействия. Следовательно, исходным фактором конъюнктуры, движущим началом цикличности, является закон ценности, действие которого проявляется через все «этапы» капиталистического воспроизводства, получая «трансмиссию» в виде цены производства и определяя направление и соотношение действия всех воспроизводственных рычагов (цены, деньги, кредит, «курсы» и т. д.). Противоречие, заложенное в характере действия закона ценности (действия post factum) является основой такого приложения экономических сил, в результате которого неминуемы периодические взрывы нарастающих противоречий. Именно это действие сообщает наличным капиталистическим противоречиям периодическое расширение и «затухание» с резким переломом посередине.

Таким образом, исходной точкой сложения и взаимодействия экономических сил, объективирующихся в цикле, является отправной пункт их действия — ценность.

Итак, мы установили, что: 1) теория конъюнктуры сводится к изучению природы торгово-промышленного цикла, выражающего собой реальное течение капиталистического воспроизводства за определенные его периоды; 2) сущность проблемы заключается в установлении тех «причин», которые обусловливают циклическую динамику капиталистического хозяйства; 3) самым общим условием конъюнктуры является взаимодействие производительных сил с их капиталистической оболочкой, — периодическое зажимание оболочкой производительных сил и непрестанная победа последних в этом единоборстве; 4) рассматриваемая в общем экономическом аспекте, конъюнктура представилась формой развернутого действия всех категорий капиталистического хозяйства; 5) в историческом аспекте появление цикличности связывается с такой ступенью капиталистического развития, когда непосредственным «регулятором» пропорциональности стала цена производства и вырос удельный вес основного капитала; 6) исходным, движущим началом конъюнктуры, ее основной «причиной», является закон ценности, определяющий характер и направление действия конкретных экономических сил, сказывающийся в конъюнктуре.

Теперь необходимо перейти к непосредственному анализу конъюнктурного цикла.

Глава II

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ЦИКЛА

Проблема реального воспроизводства

Мы уже говорили, что проблема конъюнктуры непосредственно соприкасается с проблемой общественного воспроизводства. Соответственно и теория конъюнктуры является дальнейшим развитием теории воспроизводства, ее завершающей главой. Это два последовательных этапа разработки единой проблемы: движения капиталистической системы в целом.

Маркс решил проблему движения капиталистического целого в его основных, принципиальных чертах.

Во-первых он показал теснейшую связь и обусловленность существования каждого индивидуального капитала бесчисленной множественностью других, на которые распадается капиталистическое хозяйство. Капиталистическая система бессубъектна, — это не сознательно установленное телеологическое целое, однако существование и развитие этого сложного комплекса обнаруживают наличие действия ряда объективных законов. Каждая категория марксовой экономической системы есть теоретически познанный закон, выделенный логической абстракцией из реального движения всего капиталистического комплекса. Установив в I томе основные законы, лежащие в основании системы, доказав неизбежность связи капиталистических «атомов» и принципы этой связи, Маркс во II томе дал более конкретную картину осуществления этой связи и рождающейся из нее зависимости.

Каждый промышленный капитал находится одновременно в трех стадиях своего состояния, протекающих непрерывно и параллельно друг другу. Одна часть пребывает в денежной форме, противостоящей миру товаров, как очередной форме своего воплощения. Это кругооборот денежного капитала. Другой своей частью, состоящей из средств производства, подвергнутых воздействию живого человеческого

труда, он «творит тайну» приращения авансированной ценности. Это кругооборот производительного капитала. Третьей, выступая в виде товаров, стремящихся заместиться деньгами, описывает кругооборот товарного капитала. Каждая из этих стадий предполагает в качестве непременного своего условия теснейшую связь отдельных капиталов между собой, точнее, является результатом этой связи. Так, обоими фазами обращения любой индивидуальный капитал непосредственно сливается с движением других, образуя рыночную циркуляцию. Сквозь видимый хаос «случайных» столкновений товаров и денег осуществляется реальное движение капиталистического хозяйства. И только в производительной фазе капитал «автономен». Но эта независимость глубоко условна. Поскольку бесперебойное течение капиталистического производства определяется «нормальным» пробеганием всей совокупностью капиталов своих «обращенческих» фаз, доставляющих производительному капиталу его вещественные и личные элементы, то самая возможность приращения авансированной ценности определяется сожительством и своеобразным сочетанием всей совокупности индивидуальных капиталов. Следовательно, при видимой раздробленности, капиталистическое хозяйство, как и всякое другое, представляет единое целое, слагающееся из тесно увязанных, взаимодействующих частей. Совокупность индивидуальных капиталов выделила из себя ряд объективных моментов, которые противостоят каждому из них, в качестве непреложного, обусловливающего закона. Из тесного взаимодействия индивидуальных капиталов выросло движение общественного капитала в целом, которое распадается на эти отдельные кругообороты, как свои составные звенья.

Установив понятие общественного капитала и его кругооборота, Маркс указал дальше на существование определенной последовательности в пробегании общественным капиталом своих фаз. Прежде всего совершенно ясна последовательность в пространстве, существующая между множеством предприятий, представляющих собой отдельные ступени производственной лестницы. Однако «последовательность в пространстве, обусловливающая непрерывность производства, существует только благодаря движению частей капитала, во время которого они одна за другой описывают различные стадии. Сама последовательность в пространстве есть лишь результат последовательности во времени»[1].

Следовательно для «нормального» течения общественного кругооборота недостаточно того, что наряду с уголь-

[1] Маркс, Капитал, т. II, с. 77, изд. 1923 г.

ной промышленностью существует металлическая и громадное количество других, увязанных рыночной связью отраслей. Это лишь обеспечивает формальную возможность перехода общественного капитала из одной фазы в другую. Необходимо, кроме того, чтобы каждая фаза любого индивидуального капитала последовательно во времени, без всяких перебоев и задержек, протекала соотносительно друг с другом. Это не менее важное условие, и нарушение его представляет специфический феномен капиталистического хозяйства. «Первый метаморфоз одного капитала должен соответствовать второму метаморфозу другого капитала, — говорит Маркс,—удалению из процесса производства одного капитала должно соответствовать возвращение в процесс производства другого капитала»[1]. Задержка во времени нарушает сложный механизм общественного кругооборота. «Так... например, если товар нельзя продать и движение $T^1 — Д^1$ останавливается для одной части, то кругооборот этой части прерывается, и она не возмещается средствами ее производства; функциональное изменение следующих частей, выходящих в качестве T^1 из процесса производства, задерживается их предшественниками. Если такое положение продолжается некоторое время, то производство ограничивается, и весь процесс останавливается. Всякая остановка последовательного движения частей приводит в беспорядок их последовательность в пространстве, всякая остановка на одной стадии влечет за собою остановку во всем кругообороте»[2]

Уже на этой ступени анализа Маркс устанавливает неизбежность нарушений общественного воспроизводства, следовательно кризиса, пока что вытекающего из нарушений во времени последовательного прохождения капиталами своих фаз. Значительно ярче вырисовывается эта неизбежность на следующей ступени — теории общественного воспроизводства. Исходя из факта непрерывного кругооборота капитала, прощупываются закономерные соотношения отдельных частей общественного производства, обусловливающих бесперебойное развитие системы, нарушение которых неизбежно отразится на приостановке общественного кругооборота.

Нужно было решить проблему: «каким образом капитал, потребленный в производстве, возмещается в своей стоимости из годового продукта (из T^1.—$П.М$) и каким образом процесс этого возмещения переплетается с потреблением прибавочной стоимости капиталистами и заработной платы рабочими?»[3]. Этой постановкой охватывалось как воспро-

[1] Маркс, Теории, т. II, ч. 2, с. 178.
[2] Маркс, Капитал, т. II, изд. 1923 г., с. 77.
[3] Маркс, Капитал, т. II, с. 367

изводство материально-вещественного остова капиталистического производства в его закономерно-ценностных соотношениях и соответствующей натуральной форме (только при наличии которой могла прирастать капитальная ценность), так и воспроизводство самого капиталистического отношения, — воспроизводство класса капиталистов, на одном полюсе, и рабочего класса — на другом.

Маркс решил эту проблему бесперебойного развития капиталистического целого в неизменном и в возрастающем масштабе. Ключом решения задачи явилось подразделение общественного производства на две рубрики: производство средств производства (I подразделение) и производство предметов потребления (II подразделение). Само решение свелось к прощупыванию определенных ценностных соотношений между отдельными функциональными частями обоих подразделений. Для простого воспроизводства эта базовая «пропорциональность» охватывалась формулой $v_1 + m_1 = c_2$ для расширенного — $v_1 + m_1 > c_2$. В первом случае, если бы вновь созданная ценность в I подразделении была меньше постоянного капитала II подразделения, — то последний не смог бы полностью принять необходимую для производительного функционирования натуральную оболочку; при обратном соотношении определенная часть дохода I подразделения не могла бы быть потреблена. Во втором случае (расширенное воспроизводство), «весь новый переменный капитал I подразделения и подлежащая непроизводительному потреблению часть прибавочной стоимости того же подразделения должна равняться новому постоянному капиталу II подразделения»[1]. Нарушение указанных условий неизбежно вызовет перепроизводство — приостановку кругооборота — кризис.

Наряду с этими основными, Маркс в процессе анализа вскрыл ряд более частных «пропорциональностей». Во-первых должно существовать определенное соотношение между масштабом производства необходимых средств существования и предметов роскоши: «v, затраченное на производство предметов роскоши, по размерам своей стоимости (предполагается простое воспроизводство — *П. М.*) равняется соответствующей части *m*, произведенной в форме необходимых средств существования, а потому должно быть меньше всего этого *m*»[2]. Громадное значение для анализа конъюнктуры имеет вторая частная пропорциональность, вскрытая Марксом — между е ж е г о д н о о т м и р а ю щ и м и в н о в ь п р и л а г а е м ы м о с н о в н ы м к а п и т а л о м. При простом воспроизводстве «основная составная часть по-

[1] Б у х а р и н, цит. работа, с. 10.
[2] М а р к с, Капитал, т. II, с. 382.

стоянного капитала *II*, которая в размере всей своей стоимости превращается в деньги и потому каждый год подлежит возобновлению in natura (часть I), — чтобы она была равна годичному снашиванию другой основной составной части постоянного капитала, которая все еще продолжает функционировать в своей старой натуральной форме»[1].

Указанные «пропорциональности» распадаются на еще более частные, существующие между отдельными отраслями производства. Вся совокупность их определяет возможность бесперебойного движения капиталистической системы, ее «подвижного равновесия», при неизменном и растущем масштабе производства. Но такое состояние «подвижного равновесия» есть лишь теоретически-мыслимый случай не только для капиталистического производства в целом, но и для каждой отдельной его отрасли в любое время. Отсюда — анализ простого и расширенного воспроизводства, данный Марксом, не адэкватен реальному течению капиталистического воспроизводства, как оно осуществляется в каждый данный момент. Маркс установил сеть закономерностей ценностных и натурально-вещественных соотношений, проникающих движущую систему и определяющих самую возможность этого комплексного движения. Но на данной ступени анализа он абстрагировался от неизбежных нарушений этих «пропорциональностей». Он построил анализ на следующих постулатах: 1) обмен товаров по ценности; 2) неизменяемость ценности составных частей производительного капитала; 3) исключение роста органического состава капитала; 4) выключение влияния кредита (как на воспроизводственный процесс, так и денежное обращение), 5) исключение внешней торговли. Тем не менее, это вовсе не означает, что Маркс оперировал «невесомой» величиной, «ковырял палкой в тумане», выражаясь образом Р. Люксембург, примененным к другому лицу по аналогичному поводу. Предметом анализа Маркса был реальный капитализм. В своей теории общественного воспроизводства он дал общую «модель» движения капиталистического целого, но пока что — «модель». Им вскрыты закономерности, лежащие в основе течения реального воспроизводства, но действия этих закономерностей и соотношений даны в их чистом, конститутивном виде. Это — реальное основание «подвижного равновесия» капиталистической системы, его ферменты. Однако, на данной ступени не был дан реальный механизм их осуществления, что требовало включения ряда осложняющих моментов. Весь анализ реального воспроизводства велся Марксом на определенном уровне абстракции. Он решил проблему в ее принципиальном виде и содер-

---

[1] Маркс, Капитал, т. II, с. 449

жании. Такой прием является специфическим достоянием марксизма, — основное условие силы проникновения марксистского анализа в скрытые глубины закономерностей капиталистической системы [1].

Но общее решение проблемы не означает еще развернутого анализа реального течения капиталистического воспроизводства. Ход развития капитализма не укладывается в рамки равномерно поднимающейся кривой. Циклическая фигура капиталистического воспроизводства не может быть обнаружена при абстрактной постановке проблемы воспроизводства. Для этого необходимо перейти на следующую, последнюю ступень более конкретного анализа, вмещающегося еще в рамки абстрактного метода. Следовательно, переход от общего решения проблемы общественного воспроизводства к реальному течению этого процесса должен итти по линии включения, прежде всего: 1) развернутого действия закона ценности, этой равнодействующей цен; 2) роста органического состава капитала, связанного с развернутым действием капиталистической конкуренции; 3) роли кредита. Именно в развернутом действии механизма реального воспроизводства, как он осуществляется включением вышеуказанных факторов, исключенных Марксом в общей теории воспроизводства, следует искать «причину» цикличности. Ее можно познать только «лишь в реальном движении капиталистического производства, конкуренции и кредита», говорит Маркс в другом месте.

Это реальное движение неразрывно связано с постоянным нарушением всех «пропорциональностей» общественного воспроизводства. Последние существуют в действительности лишь как закономерная тенденция, пробивающая свой путь через строй препятствий. Однако, нарушения, которым подвергаются пропорциональности, не беспредельны. В противном случае ассоциация капиталистов распалась бы на свои составные элементы, общественный кругооборот сделался бы невозможным. Между этими крайними границами и протекает реальный путь капиталистического производства. Отсутствует конституированное равновесие пригнанных друг к другу элементов производства, несовместимое с реальным развитием капитализма, и одновременно отсутствует ежеминутная угроза развала системы. Таков имен-

[1] Характерно, что марксовым подходом к решению проблемы пробуют оплодотворить свои изыскания в области конъюнктуры буржуазные экономисты. «Если мы строим теорию конъюнктурных колебаний, то ясно, что абстрактно-построенная схема народного хозяйства в условиях динамического равновесия дает нам весьма многое для того, чтобы вскрыть механизм и причины конъюнктурных колебаний, механизм и причины отклонений от линии равномерной эволюции хозяйства, для того, чтобы таким путем построить абстрактную теорию конъюнктуры» (Кондратьев, цит. работа, с. 372).

но путь развития капиталистической системы, характеризующийся циклической динамикой, чередующимися полосами «мирного процветания» и периодического кризиса.

Итак, цикличность капиталистического воспроизводства связана с постоянными нарушениями всех воспроизводственных «пропорций»: $v_1 + m_1$ не равно c_2 если брать эту закономерность в рамках простого воспроизводства, или новый v I подразделения и подлежащая непроизводительному потреблению часть m не равна новому c II подразделения, если брать в условиях расширенного воспроизводства. Затем, нарушена пропорция в отмирании основного капитала и его годичном возобновлении, нарушено соотношение в производстве средств существования и предметов роскоши и т. д.

В переходе от общей теории воспроизводства к реальному течению воспроизводства, или теории конъюнктуры, существует несколько логических ступенек. Первой ступенькой является перевод чисто ценностных соотношений в форму цены производства. Маркс исследовал общественное воспроизводство на той ступени абстракции, когда не было еще включено развернутое действие капиталистической конкуренции, тем самым прибавочная ценность еще не превратилась в среднюю прибыль. Распределение производительных сил по отраслям было приравниваемо распределению труда, «равновесие» между отдельными отраслями производства осуществлялось обменом по ценности. Поэтому первым модифицирующим моментом является установление «чисто» капиталистического «равновесия», определяемого «пропорциональностью» распределения капиталов. Поскольку «равновесие» капиталов в условиях разности органического состава есть нарушение «равновесия» труда, то количественные соотношения величин I и II подразделения, а тем самым и соотношения их отдельных частей — должны измениться. Если взять формулу расширенного воспроизводства[1], цена производства в I подразделении будет выше, чем ценность (приблизительно 125 и 120), а во II — ниже (приблизительно 125 и 133)[2]; для осуществления нового «равновесия» потребовалась бы соотносительно большая ценностная величина II подразделения в сравнении с I. Тем самым, при сохранении старых соотношений, I подразделение предъявило бы повышенный спрос на продукты II, обнаружилось бы недопроизводство, — нарушение воспроизводства. Это первый модифицирующий момент анализа.

---

[1] I $4000\,c + 1000\,v + 1000\,m = 6000$.
II $1500\,c + 750\,v + 750\,m = 3000$.

[2] Эти выводы являются в грубой форме правильными для всей совокупности отраслей I и II подразделения, поскольку в I подразделении, как общее правило, выше органический состав капитала, чем во II.

Дальше. Включив «равновесие» капиталов вместо «равновесия» труда, мы произвели эту замену как чисто математическую операцию. В действительности же этот процесс осуществляется развернутым действием капиталистической конкуренции, которая на определенной ступени исторического существования капитализма превращает прибавочную ценность в среднюю прибыль, и, соответственно, ценность — в цену производства[1]. Совершив этот «исторический» акт, капиталистическая конкуренция остается неизменным рычагом его постоянного «возобновления». Пригонка отдельных частей общественного производства друг к другу, тенденция к восстановлению его непрерывно нарушаемых «пропорций», осуществляется через механизм капиталистической конкуренции. Не существует вообще среднего состояния производства при капитализме, так как никогда не бывает, не может быть реально осуществленного «подвижного равновесия». Не только при подъеме, но и в период депрессии не существует такого «среднего» состояния. В каждый из этапов воспроизводства развитие неизбежно связано с преодолением постоянной диспропорции. Тенденция к равновесию никогда стопроцентно не реализуется, не может найти своего выражения в четких закрепленных пропорциях производства и не может в действительности проявляться «иначе, чем путем постоянного устранения постоянной дисгармонии»[2]. Рычагом восстановления нарушенного соответствия является многообразная в формах своего проявления капиталистическая конкуренция. Таким образом, второй ступенькой перехода от общей теории воспроизводства к теории конъюнктуры является включение механизма капиталистической конкуренции.

Мы рассмотрим действие капиталистической конкуренции в двух разрезах: 1) приравнивая весь общественный капитал его оборотной части; 2) включив роль основного капитала. Это тот же методический прием, который применил Маркс к анализу природы оборотного капитала к общему анализу воспроизводства. Этот прием облегчает в данном случае отыскивание специфических «условий», лежащих в основании цикличности.

В первом случае объектом анализа является реальный капитализм, но с значительно суженной анархией. Сужение анархии вытекает уже из факта выключения основного капитала, а вместе с ним различий в органическом составе. Это в свою очередь предполагает значительную нивелировку

---

[1] Цена производства есть... иррациональная форма товарной стоимости, та форма, в которой товар выступает в **процессе конкуренции**. **Маркс**, Капитал, т. III, ч. 1, с. 178.

[2] **Маркс**, Теории, т. II, ч. 2, с. 195.

производительности труда в различных отраслях и предприятиях, так что для чистоты картины мы можем совсем абстрагироваться от его различий. Отсюда — производственные «пропорциональности» нарушаются не столько изменениями в величине ценности — цены производства, сколько в результате «ошибок» рыночного приспособления отдельных ячеек капиталистического производства друг к другу. Соответственно и действие капиталистической конкуренции будет ослаблено. Оно находится в прямой зависимости от количества и сложности экономических факторов, определяющих воспроизводственный процесс.

В данных условиях — приравнивания общественного капитала его оборотной части — не может проявиться цикл. Видимая причина — отсутствие соответствующего «диапазона» нарушений воспроизводственных «пропорций». Особенностью оборотного капитала, благодаря которой он выделен в особую категорию, является то, что представленная им ценность «целиком переходит на продукт, описывает вместе с ним оба метаморфоза, относящиеся к сфере обращения, и, благодаря такому постоянному возобновлению, постоянно остается связанной с производственным процессом»[1]. Совокупная его величина возмещается с каждым кругооборотом капитала, неизменно входя полной долей как в производственный процесс, так и товарный капитал. Отсюда — невозможность застарелых, консервированных нарушений. Каждая отрасль производства испытывает полный и всесторонний контроль рынка с каждым кругооборотом капитала, даже с каждой его фазой. Всякое отклонение от «пропорциональности» немедленно дает себя знать в виде отклонения рыночных цен от цен производства — ценности. Сразу включается механизм конкуренции, приводящий к приливу капиталов в данную отрасль, если налицо повышение уровня цен, приводящее к отливу капиталов и отклонению накопления в другие отрасли, если налицо обратное соотношение рыночных цен и их измерителя. Законы «равновесия» (ценность—цена производства), лежащие в основании всех воспроизводственных «пропорций», «регулируют» общественное производство каждой фазой кругооборота его составных частей.

В этих условиях невозможно серьезное, длительное нарушение общественного воспроизводства. Закон ценности держит общественное производство в «ежовых рукавицах». Рыночная ценность (рыночная цена производства) определяет соотношение «спроса» и «предложения» на рынке. Сама — порождение капиталистической конкуренции, она строго «управляет» ею, изменяя спрос и предложение

---

[1] Маркс. Капитал, т. II.

путем давления через цены на соответствующий перелив капиталов[1]. Таким образом, в условиях приравнивания общественного капитала его оборотной части невозможно общее перепроизводство, тем самым — цикл. Волны расширения и сужения, если вообще можно о них говорить, не пойдут дальше текучих, быстро преодолеваемых нарушений. Соответственно не смогут в достаточной степени вскрыться на поверхности системы внутренние антагонизмы ее распределительных отношений. Для цикла, кризиса, здесь нет достаточных внутренних «органических» условий.

Итак, спустившись на вторую ступеньку от общей теории воспроизводства (и исходя из нее), мы не столкнулись еще с циклом. «Оборотный» капитализм,— если бы такой мог реально существовать, — не знал бы цикличности воспроизводственного процесса. Исторической иллюстрацией этого служит приведенная выше ссылка на ранний капитализм, характеризующийся количественным преобладанием оборотного капитала и в силу этого не знавший «органических» кризисов.

Цикличность капиталистического развития обнаруживает свое существование только на третьей ступеньке перехода к реальному воспроизводству, — с включением роли основного капитала. Особенности обращения основного капитала, неизбежность его массового обновления разом, в силу периодических сдвигов техники производства, являются основным условием «проявления» цикла. На базе массового возмещения основного капитала развиваются специфические волны капиталистической конкуренции, нарушающие «гармонию» рыночного «спроса» и «предложения» с «пропорциональностью» распределения капиталов. Как результат этого — перекапитализация, более быстрый рост общественного производства в сравнении с платежеспособным спросом. Налицо периодически повторяющийся крах. Он диалектически назревает на оси задержки регулирующего воздействия законов «равновесия», выраженной в длительном отрыве цен от цены производства — ценности. Перейдем к подробному рассмотрению этого процесса.

---

[1] В таком примерно ограниченном разрезе Маркс рассматривает конкуренцию в III томе «Капитала». «Если спрос и предложение определяют рыночную цену, — говорит он, — то с другой стороны, рыночная цена, а при дальнейшем анализе рыночная стоимость определяет спрос и предложение...» «Если, например, падает спрос, а следовательно и рыночная цена, то это может привести к тому, что капитал будет отвлекаться от данной отрасли, и таким образом предложение уменьшится». Капитал, т. III, ч. 1, с. 170.

Теория подъема. Назревание перепроизводства

«Развитый капитализм характеризуется все более растущей ролью основного капитала. Основной капитал является той осью, на которой вертится производственный процесс. Размер стоимости оборотного капитала определяется масштабом производства, а масштаб производства — размерами основного капитала», говорит Маркс[1]. Основной капитал представляет собой все более растущую часть производительного капитала. Отсюда — характер оборота основного капитала должен иметь решающее значение для динамики капиталистического хозяйства.

Особенность основного капитала, выделяющая его на положение отдельной части производительного капитала, заключается в том, что если «превращение его стоимости в деньги идет равным шагом с превращением в деньги того товара, который является носителем этой стоимости», то «его обратное превращение из денежной формы в потребительную форму отделяется от обратного превращения товара в прочие элементы последнего и определяется уже периодом воспроизводства самих средств труда, т. е. периодом, в течение которого средства труда отживают свой век, так что их приходится заменять другими экземплярами того же рода»[2].

Обусловливает ли указанная особенность сама по себе существование цикла, связанного с нарушением «пропорций» общественного воспроизводства? Ни в какой мере. Само возмещение основного капитала представляет важнейший составной момент общественной «пропорциональности». Маркс формулировал эту «пропорциональность» как равенство ежегодно возобновляемой части основного капитала годичному износу его функционирующей части. Значение этой «пропорциональности» для общественного «равновесия» огромно. Только, скажем, при условии, что одна часть капиталистов II подразделения превращает в натуральную форму основного капитала накопленную ценность сношенного основного капитала, а другая через посредство I подразделения получает ее, как свой амортизационный фонд, возможна «пропорциональность» $v_1 + m_1$ и c_2 по формулам: $v_1 + {}^1/_2\, m = c_2$, $v^1 + {}^1/_2\, m > c_2$ и $v + {}^1/_2\, m < c_2$

Итак, включив деление производительного капитала на его основную и оборотную часть и одновременно предположив его «нормальное» ежегодное возмещение, мы не будем еще иметь всеобщего перепроизводства, тем самым — цикла. В действительности же не происходит этого равномерного

[1] Маркс, Капитал, т. II, с. 138.
[2] Маркс, там же, с. 135.

возмещения. Указанная «пропорциональность» в ее чистом выражении представляет собой постулат абстрактной теории общественного воспроизводства. Она нарушается техническими революциями в производстве, которые являются исходными предпосылками массового возмещения основного капитала разом, ибо в противном случае значительная часть капиталистов лишилась бы возможности выполнять капиталистическую функцию. Равномерно повышающееся развитие капиталистического хозяйства сменяется его циклическим развитием. Вот что об этом говорит Маркс: «Итак, в той мере, как с развитием капиталистического способа производства растет размер стоимости и продолжительность существования применяемого основного капитала, в этой же мере жизнь промышленности и промышленного капитала в каждой особой отрасли вложения развивается в многолетнюю жизнь, скажем, средним счетом в десятилетнюю жизнь. Но если, с одной стороны, развитие основного капитала удлиняет эту жизнь, то, с другой стороны, она сокращается постоянными переворотами в средствах производства, значительность которых с развитием капиталистического способа производства все возрастает. Отсюда вытекает и смена средств производства и необходимость постоянного их возмещения, потому что они подвергаются моральному снашиванию задолго до того, как физически отживут свое время»... «В этом охватывающем целый ряд лет цикле взаимно связанных между собой оборотов, к которым капитал прикреплен своей основной составной частью, дана материальная основа периодических кризисов, причем предприятие периодически переживает периоды ослабления, средней деятельности, стремительного размаха, кризиса. Хотя периоды, когда вкладывается капитал, весьма различны и далеко не совпадают друг с другом, тем не менее кризис всегда является исходным пунктом для крупных новых вложений капитала; следовательно, рассматривая дело с точки зрения всего общества, он в большей или меньшей степени дает новую материальную основу для следующего цикла оборотов»[1]. Здесь Маркс дал исчерпывающий ответ на вопрос о причинах преждевременного снашивания основного капитала — его морального снашивания. Это — постоянные перевороты в средствах производства. В сложившемся капитализме толчок к применению новых усовершенствованных приемов производства обычно дает кризис. В условиях связанного с ним падения цен моральное снашивание достигает исключительной силы и является «исходным пунктом для

[1] Маркс, Капитал, т. II, с. 157—158.

крупных новых вложений капитала» и перемены технической конструкции существующего. Несмотря на то, что физическое снашивание представляет в значительной мере существенную предпосылку морального, именно последнее определяет прежде всего нобходимость массовой замены основного капитала. Поскольку рост техники является прямым условием и следствием развития капиталистического производства, то чем более развито последнее, тем сильнее возможный масштаб морального снашивания, тем большее значение приобретает оно, как исходное условие цикла.

Итак, нарушение «пропорциональности» между ежегодно отмирающим и вновь возобновляемым основным капиталом является видимой причиной нарушения равномерного течения капиталистического воспроизводства и тем самым обусловливает его цикличность. Рассмотрим конкретное течение этого процесса.

Период, непосредственно следующий после кризиса, характеризуется слабым использованием основного капитала. Процесс выпадения из производительной сферы элементов основного капитала идет более быстрым темпом, чем замена их соответственными новыми экземплярами. Тем самым, несмотря на наличие расширенного воспроизводства, масштаб производства все более снижается. В последние годы депрессии начинает прорастать противоположная тенденция. Сжавшийся в кулак капитализм набирает — методами концентрации и централизации — достаточно сил к замене морально (и физически) сношенного оборудования новыми экземплярами более высокой технической конструкции. Этот процесс связывается обычно с добавочными вложениями капитала. Растет емкость рынка как за счет расширения производительного спроса, так и некоторого подъема личного потребления.

Депрессия переходит в подъем с момента достижения растущим производством «максимума» предшествующей повышательной волны. «Как только производство снова достигает высоты предыдущей высокой конъюнктуры, так, на основании показаний опыта, каждая депрессия полностью преодолевается, и народное хозяйство вступает в новый период высокой конъюнктуры»[1], — говорит Кассель. Коэфициент роста и применения вновь произведенного основного капитала начинает опережать величину отмирающего. Расширенное производство основного капитала не только в состоянии заткнуть зияющую дыру морально-физического износа, но и дать прогрессивное приращение общественного производства. Это вырастание производства за пределы ранее поставленного рекорда и можно считать началом нового

[1] Кассель, цит. работа, с. 65.

подъема, которому предшествовала предварительная полоса оживления, соответствующая развертыванию процесса обновления основного капитала.

Особенностям течения конъюнктурного цикла более соответствует четырехфазная, чем трехфазная схема: 1) депрессия (ее первый период), характеризующаяся преобладанием тенденции к суживанию производства над его расширением; 2) оживление, характеризующееся преобладанием обратных тенденций и плавным процессом воспроизводства (эта фаза наиболее близка к теоретически мыслимому равновесию составных элементов производственного целого); 3) расцвет — максимальное развертывание производства с наиболее высоким уровнем цен, но с первыми признаками назревающего перепроизводства в виде замедления оборота капитала и напряжения кредита (нарушение основных «пропорций» — рост диспропорций); 4) кризис, представляющий многообразную форму взрыва назревших противоречий и одновременно — рычаг их устранения.

Механизм подъема, как он осуществляется, представляет собой сложную картину. Он связан с процессом быстрого роста отдельных отраслей общественного производства, взаимно влияющих друг на друга. Особенностью расширенного воспроизводства в этот период является, как мы указали, постепенное нарушение всех воспроизводственных пропорций, связанных с быстрым развертыванием производства. Исходным толчком подъема, его конкретным определяющим условием, является массовое обновление физически и морально сношенного основного капитала, как непосредственного результата кризиса. Массовый характер этого явления объясняется неблагоприятным соотношением спроса и предложения во время депрессии. Предложение, как общее правило, превышает спрос. В связи с этим рыночные цены стоят ниже цены производства — ценности. Авансированные капиталы могут приносить прибыль только при значительном сокращении издержек производства. Последнего же можно достигнуть (оставляя в стороне монополии) лишь улучшением технической конструкции применяемых капиталов. Применение новых технических приемов делается при посредстве конкуренции общей нормой поведения жизнеспособных капиталистов. Остальная часть капиталов, которым не по силам указанное «обновление», отмирает, или «консервируется» на годы до нового расцвета.

Начавшийся процесс обновления основного капитала означает «рождение» повышенного спроса на продукцию I подразделения. Спрос исходит как из I, так и II подразделения. Отрасли I подразделения начинают оживать. Оживление, а затем расширение охватывают как производство

сырья, так и производство элементов основного капитала. Это в свою очередь отражается в увеличенном производстве и оборотного капитала, поскольку его величина определяется величиной применяемого основного и поскольку в следующих производственных звеньях I и II подразделения он часто принимает форму основного капитала. Таким образом, расширяются все отрасли, производящие средства производства.

Но I подразделение, в силу высокого органического строения приложенного здесь капитала, неспособно на немедленное расширение в соответствии с быстро растущим темпом спроса. Дело обстоит более или менее благоприятно, пока расширение идет за счет полной загрузки имеющегося оборудования. Однако, неизменно увеличивающийся спрос скоро перерастает эти рамки. Тогда оживление переходит в высокую конъюнктуру. Спрос начинает обгонять предложение. Рыночная конъюнктура сказывается в повышении рыночных цен. Стремление посредством повышения органического состава преодолеть неблагоприятное влияние низких рыночных цен на прибыль в послекризисный период объективируется теперь в повышении уровня цен на продукты I подразделения. Рыночные цены пересекают снизу вверх регулирующую зону ценности. «Когда производство добавочного капитала, — говорит Маркс, — происходит очень быстро и обратное превращение его в производительный капитал так повышает спрос на все элементы его, что действительное производство не может за ним поспеть .. возрастают цены всех товаров, входящих в образование капитала»[1]. Растут цены на железо, лес, камень и другие материалы основного капитала. Повышение цен порождено не спекуляцией, оно — выражение недопроизводства продуктов, невозможности в каждый данный момент полностью удовлетворить растущий спрос прямых потребителей.

Расширение производства средств производства не может в свою очередь не отразиться на расширении отраслей II подразделения. Связующим звеном между ними является рост личного потребления. «Границы потребления раздвигаются напряжением самого процесса воспроизводства, — говорит Маркс,— с одной стороны, оно увеличивает потребление доходов рабочими и капиталистами, с другой стороны, напряжение процесса воспроизводства тождественно с напряжением производительного потребления»[2]. Итак, рост производительного потребления во время подъема обычно связывается с повышением потребительского спроса, предъ-

---

[1] Маркс, Теории, т. II, ч. 2, с. 168.
[2] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, с. 21.

являемого рабочими и промышленными капиталистами. Доходы этих основных классов испытывают непосредственную зависимость от конъюнктуры. Значительно менее ярко выражена зависимость дохода денежных капиталистов, и почти полное отсутствие ее обнаруживают доходы «средних классов»: лиц свободных профессий, интеллигенции, не связанной с производством, чиновничества и др.[1]. Центральное значение для роста производства II подразделения имеет динамика заработной платы. Статистические данные о движении заработной платы устанавливают регулярное повышение ее уровня в период подъема и снижения во время депрессии. Это относится ко всем отраслям, вплоть до сельского хозяйства (которое одной своей стороной отражает общеконъюнктурные сдвиги). Основной причиной повышения является растущий с развертыванием отраслей I и II подразделения недостаток рабочей силы, несмотря на вовлечение в производство резервной армии. Рабочая сила испытывает «судьбы» всех товаров во время подъема — продается по цене выше ее ценности. Номинальные индексы, однако, не отражают ее подлинного уровня. Вследствие повышения общепотребительского индекса, реальное содержание ее растет значительно медленнее, чем денежное выражение. Это отмечают все экономисты. Наряду с относительным повышением заработной платы имеется налицо и ее абсолютный рост. Емкость потребительского рынка растет не только за счет относительного повышения способности каждого рабочего, но и за счет численности функционирующих в производстве рабочих.

Увеличение потребительского спроса, как результат расширения производства, в свою очередь выражается в расширении отраслей II подразделения. Напряженность спроса и здесь вызывает заметное давление на цены, которые начинают повышаться. Закладываются новые предприятия, расширяются старые. В этом лежит источник нового добавочного спроса на средства производства и прежде всего на материалы основного капитала. Итак, повышательная волна, перекинутая через увеличение потребительского спроса в отрасли II подразделения, вновь возвращается в I подразделение, в виде дополнительного спроса на оборудование. От-

[1] См. индексы, приводимые Касселем, с. 75—80, цит. работа, а также Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, с. 30. «Доходы непроизводительных классов и всех тех, кто живет за счет постоянных доходов, остаются по большей части неизменными в период вздутия цен, идущего рука об руку с перепроизводством и чрезмерной спекуляцией. Поэтому их потребительская способность относительно понижается, а вместе с тем понижается и способность возмещать ту часть общей суммы воспроизводства, которая нормально должна была войти в их потребление. Даже в том случае, если номинально спрос их остается неизменным, в действительности он понижается».

развившись опять в увеличении производства и связанном с этим увеличением числа занятых рабочих и их зарплаты, она объективируется в дальнейшем расширении II подразделения и т. д. Таким образом, идет лихорадочное расширение производства во время подъема, общественное производство стремительно бежит вперед, пока не наткнется на недостаток платежеспособного спроса.

Как возникает этот недостаток платежеспособного спроса? На первый взгляд подобная возможность является исключенной, поскольку расширение общественного производства, выразившись в росте доходов, тем самым создает себе необходимую платежеспособную базу. Увеличившейся возможности дополнительных капитализаций противостоит рост массы и уровня заработной платы. Но весь «секрет» состоит в том, что: первое,— рост капитализаций во время подъема может легко оторваться от платежеспособной базы, так как величина реализуемой капиталистами во время подъема прибыли не стоит ни в какой определенной зависимости от роста доходов рабочего класса. Если последний имеет свою жесткую границу в привычных средствах существования, — в законе ценности рабочей силы, который не может нарушиться в рамках капиталистического хозяйства, то границей первого является лишь уровень развития техники и конкуренция. Оба эти влияющие момента действуют благоприятно в период подъема, и масса реализуемой прибавочной ценности далеко превосходит границы установившейся средней прибыли. Здесь уже заложена потенциальная возможность отставания личной, платежеспособной базы. «Дисгармония» намечается фактом усиленных капитализаций, которые неизбежно опередят спрос. Второе, — массовый забег вперед общественного производства опирается не только на капитализации вновь реализуемой прибавочной ценности, но на консолидацию всех денежных запасов общества, перераспределяемых кредитом в производительную форму. Этим еще более усиливается угроза разрыва. Третье, — заметное повышение заработной платы начинается во второй период подъема, в период так называемой высокой конъюнктуры, когда обнаруживается уже снижение доли капиталиста (предпринимательского дохода) на почве затруднений пробегания капиталом своих «обращенческих» фаз и повысившихся в силу дороговизны сырья и повышенной заработной платы издержек производства.

Четвертым важным моментом, определяющим отставание потребительной базы, является «недостаточный» рост потребления класса капиталистов. Каутский устанавливает, что при неизменном органическом составе для сохранения общественного «равновесия» потребление рабочего класса должно вырасти за пять лет на 44% и капиталистов — на

71%[1]. Темп прироста потребления класса капиталистов должен, таким образом, обогнать темп рабочего потребления. Это в действительности не может осуществиться. На пути к расширению непроизводительного потребления капиталистов лежат такие объективные препятствия, как необходимость усиленных капитализаций, которые диктуются не только стремлением к максимальной прибыли, но и объективными законами капиталистической конкуренции. Здесь заложена четвертая по счету «причина», приводящая к срыву «равновесия» производства и потребления.

Пятым важнейшим условием «разрыва» является рост органического состава капитала. Во время подъема идет не только экстенсивное расширение производства, но на основе стремления реализовать максимум прибыли растет, хотя и слабее чем в предподъемный период, органический состав капитала. Тем самым доля рабочего класса в произведенной ценности падает. Это — специфическое выражение роста производительности труда в условиях его капиталистической организации. Рост производительности в свою очередь вызывает снижение ценности рабочей силы, с одной стороны, и в то же самое время относительное увеличение предметов широкого потребления, — с другой. Происходит относительное сужение потребительной базы во время подъема, причем этот процесс, учитывая повышенный уровень рыночных цен (II подразделение), идет более быстрым темпом, чем меняющиеся условия «подвижного равновесия». Потребление капиталистов, как мы видели, обнаруживает ту же тенденцию относительного сужения. Следовательно, в конкретных условиях роста органического состава капитала во время подъема заложено одно из «условий» разрыва производства и потребления.

Падение доли рабочего класса в совокупном продукте однако не влечет за собой обязательно разрыва производства и потребления. В противном случае капитализм находился бы в состоянии перманентного кризиса, насколько во все стадии цикла происходит большим или меньшим темпом рост органического состава капитала. Поэтому марксистская экономия отбрасывает положение Родбертуса, видящего в этом закономерном факте причину капиталистического кризиса. Все дело заключается в конкретных условиях периода подъема, когда: 1) сужению потребительной базы сопутствует массовый характер расширения производства; 2) это расширение «ориентируется» не на цену производства — ценность, обеспечивающую по-

[1] Каутский, Финансовый капитал и кризисы. сб. «Основные проблемы», 2-е изд., 1924 г., с. 445.

лучение «законной» средней прибыли, а на высокую рыночную цену, которая выражает собой не «пропорции» общественного производства, а специфический феномен — невозможность прироста производства таким же темпом, каким растет спрос, оплодотворенный массовым обновлением капитала. При предположении обмена по ценности, т. е. при исключении указанных «ненормальных» условий, рост органического состава капитала не нарушил бы составных элементов общественного «равновесия». В каждый данный момент величина платежеспособного спроса находилась бы в «гармоническом» соответствии с величиной общественного производства.

В противовес утверждению Тугана, более быстрый рост производительного рынка, как выражение стихийной капиталистической индустриализации, вовсе не означает падения значения потребительского спроса. Как раньше, так и теперь потребительский рынок является конечным условием «реализации» всех воспроизводственных процессов. В связи с ценностным падением потребительского спроса растет эффективность каждой платежеспособной единицы, в прямой пропорции к относительному падению его ценностной доли. Если, к примеру, отношение общественного с к v было 5 : 1, то, разбирая вопрос схематично, можно сказать, что каждая потребительская единица выдерживала бы на себе тяжесть пяти производственных единиц, являясь конечным условием их экономической реализации. На основе потребительского спроса развернулось производство средств потребления, насколько продукт проходит здесь ряд стадий своей обработки. Поэтому II подразделение распадается на ряд отраслей, более или менее тесно связанных между собой. Наличие потребительского спроса объективируется далее в еще большем масштабе производства I подразделения. Потребительские отрасли, получая оборудование от специально капиталопроизводящих отраслей, тем самым обусловливают существование широко разветвленного производственного аппарата по производству средств производства. В силу сложности материалов и видов основного капитала, соответствующих достигнутой ступени технических навыков и приемов производства, а также благодаря массовому характеру этого производства, проистекающему из тех же причин, I подразделение представляет собой громадное количество отраслей производства с сложным техническим разделением труда, с большим количеством предварительных производственных ступеней и значительно большей связью и зависимостью отдельных звеньев производственного процесса, чем это существует во II подразделении.

Связь общественного производства с потребительским рынком непосредственно ощущается через отрасли II под-

разделения. II подразделение может расширяться только при расширении потребительской базы. Поэтому, говоря о падении доли личного потребления, мы должны не забывать, что абсолютно она растет. Абсолютный рост ее во время подъема и является непосредственной «причиной» повышательной волны в отраслях II подразделения. Здесь она объективируется в расширении производства, а последнее возможно только при условии дополнительного спроса на продукцию I подразделения, которое в свою очередь расширяется. Не нужно, конечно, забывать, что генеральный толчок всему повышательному процессу дается массовым обновлением основного капитала, в свою очередь являющегося результатом кризиса. Однако, отрасли II подразделения в масштабе своего производства, не абсолютно зависимы от данной величины потребительского спроса. Они могут его расширять понижением ценности товаров на почве повышения производительности труда. Уровень цен падает, и если он не вызывает за собой падения заработных плат, то происходит приращение потребительского спроса, которое выдерживает на себе повышенный масштаб производства средств потребления. Такое явление однако не свойственно периоду подъема, если брать последнии в целом. Цены на все продукты в совокупности не понижаются, а повышаются. Ориентируясь на высокие цены, которые не являются показателями общественного «равновесия», II подразделение, как и I, расширяется более быстрым темпом, чем прирастает потребительский спрос за весь период подъема. В результате назревание диспропорции и ее взрыв на рынке.

Повышение органического состава капитала во II подразделении, сопровождающее общий прирост производства, усиливает его спрос на продукцию I подразделения. Уже на этой основе отрасли, производящие средства производства, способны расширяться быстрым темпом, значительно более быстрым, чем II подразделение. Приращение потребительского спроса можно уподобить камешку, который, будучи брошен в воду, дает все более расширяющиеся круги,— тем шире резонанс, чем дальше от самого потребительского спроса отстает производственная отрасль. Поэтому наибольшего расширения во время подъема достигают отрасли, производящие средства производства, и из них отрасли, производящие материалы основного капитала. Это происходит, во-первых, потому, что, как мы указали, в отраслях I подразделения производственный процесс распадается на большее количество связанных между собой отраслей и предприятий, чем это происходит во II подразделении. Повышательная волна, источником которой является приращение потребительского спроса, пронизывает в каждом данном

участке потребительского фронта одно — два тесно связанных производственной зависимостью предприятия. Например, удовлетворение потребности рабочего в одежде означает спрос на готовое платье, — во-первых, и стоящие за ним текстильное производство — во-вторых. Таких контрагентов, обслуживающих потребности рабочего, достаточное количество, но они выступают не сомкнутым фронтом, как громадное количество производственных звеньев единой производственной цепи, а разреженным, слабо связанным окружением.

Другое дело I подразделение, эта подготовительная стадия к производству предметов потребления. Здесь производство выступает сложной сомкнутой колонной с большим количеством не только горизонтально, но и вертикально связанных предприятий. Поэтому, расширительная волна потребительского спроса, в приращенном виде докатившаяся сюда, диктует исключительно большие масштабы производственного расширения. Выраженная конкретно в увеличении спроса на машины, она охватывает не только горизонтальный машинный фронт, но передается по вертикали к сырьевым базам машинной индустрии: железу, углю, руде, дереву, камню и вообще всему количеству отраслей, связанных и не могущих быть несвязанными с машинной индустрией. Характерным обстоятельством является то, что наибольшего расширения достигает не машинная индустрия, «приявшая» директиву II подразделения (а через него и потребительского спроса), а производство железа, главного сырья для производства основного капитала, поскольку потребность в том или другом типе машин вызовет не только спрос машинопроизводящих индустрий на железо, на расширение вообще основного капитала, скажем, постройку дополнительной железнодорожной сети, ее оборудование и т. д. Эта особенность расширения I подразделения и является основным условием того, что развертывающийся подъем выражается прежде всего в резком поднятии производственной кривой I подразделения.

Дальше. Поскольку здесь органический состав капитала растет быстрее, чем общественный средний, развивает огромное напряжение внутренний производительный спрос, по отношению к которому потребительский спрос и даже производительный спрос II подразделения является только исходным толчком. Взаимосвязанные отрасли I подразделения становятся лучшими покупателями друг друга. Колебательный звук личного потребления раскатывается резким усиливающимся гулом в отраслях, производящих основной капитал и его материалы. Здесь исчезают непосредственно «преподанные» нормы расширения, поскольку до контроля потребительского спроса далеко, и поскольку прибыли реали-

зуется исключительно много. Так, повышательная волна, источником которой является приращение потребительского спроса, «родит» в пределах I подразделения внутреннюю, «автономистскую» расширительную волну, которая в условиях высоких цен и прибылей и неизменно ненасытного рынка неизбежно приводит к массовому перепроизводству. Общественная система все более принимает форму перевернутого усеченного конуса с относительно суживающимся основанием в виде потребительского спроса, с резким расширением производства элементов основного капитала наверху.

В ходе анализа мы отвлеклись от последовательности взаимодействия элементов, порождающих подъем. Исходным моментом, как известно, является массовое обновление основного капитала, которое толкает I подразделение к оживлению и расширению и через него прирост потребительского спроса и II подразделения. Рост потребительского спроса выступает как функция, как следствие расширяющегося производства. Это, однако, ни в какой мере не изменяет того объективного факта, что потребительский спрос — основной устой, на котором «держится» капиталистическое производство. Такая роль потребительского спроса определяется тем, что: 1) производство средств производства представляет сложный, разбросанный в пространстве подготовительный процесс производства средств потребления; 2) потребительский спрос большинства представляет малодинамическую величину, определяемую жесткими законами распределительных отношений капитализма, в то время как не существует столь же жестких ограничительных условий роста масштаба производства. Исходя отсюда, методологически совершенно правильно выделить момент потребления, как конечное условие «равновесия» общественной системы, и вести анализ, нарушая последовательность действия конкретных факторов капиталистического подъема.

Возвратимся опять к конкретному течению цикла. Мы видели, что расширительная волна, прокатывающаяся по отраслям I и II подразделения, приводит к массовому расширению производства. Это расширение опирается на два момента: 1) получение «нормально» работающими капиталистами не только средней прибыли, но и сверхприбыли; 2) более быстрый рост платежеспособного спроса, чем возможности его удовлетворения. В результате, рыночные цены на общественную продукцию стоят выше их цен производства. Это — главный источник сверхприбыли. Несмотря на рост издержек производства, рыночная цена в массе своей растет быстрее. Каждый капиталист усиленно стремится расширить производство. Отсюда — массовые капитализа-

ции, которые на определенной ступени приводят к общему перепроизводству. Уровень рыночных цен поднимается особенно высоко в отраслях I подразделения. Причина этого заключается, во-первых, в том, что здесь ощущается наибольшее напряжение спроса, тем самым большая сверхприбыль, получаемая как разница между рыночной ценой и ценою производства. Во-вторых, здесь идет быстрее повышение органического состава капитала, связывающееся с получением большой диференциальной сверхприбыли как разницы между общественно-средними и индивидуальными издержками производства. На эти моменты опирается массовый темп дополнительных капитализаций, далеко оставляющий позади соответствующее явление II подразделения. Массой реализуемой прибыли не ограничиваются однако возможности производственного расширения отраслей, производящих средства производства. Капиталистическая конкуренция отклоняет сюда большую часть вновь образовавшихся капиталов, притекающих из всех сфер общественного производства и обращения. Затем, — и это важный момент, — сюда же в преимущественной степени приливают и денежные накопления общества, перераспределяемые кредитом в форму средств производства. Расширяются существующие отрасли производства, закладываются новые. Во главе этого процесса в XIX веке стоял рост железнодорожной сети. В XX веке на первый план выдвигается электротехническая промышленность с обслуживающими ее отраслями [1].

Так, на базе отрыва цены от цены производства — ценности — происходит процесс нарушения «пропорциональности» общественного воспроизводства. Дисгармония растет как по линии общественного производства и потребительского спроса, так и по линии масштаба производства I и II подразделения. Более быстрый прирост производственного аппарата I подразделения в сравнении с II, неизбежно должен будет сказаться в перепроизводстве средств производства, усугубляя первую диспропорциональность. Следовательно, период подъема есть период назревания перепроизводства, вскрывающегося на рынке. Другого, не кризисного завершения подъема не может быть в условиях реального течения капиталистического воспроизводства.

Маркс неизбежность перепроизводства формулирует следующим образом. Перепроизводство может получиться: ибо, так как рынок и производство (представляют) два самостоятельных (момента), то возможно, что расширение одного из них не соответствует расширению другого, что

---

[1] Кассель, цит. раб., с. 116.

границы рынка не расширяются для производства достаточно быстро, или что новые рынки, новые расширения рынка быстро могут быть обгоняемы производством, так что расширенный рынок теперь так же служит границей, как и раньше более тесный»[1].

В соответствии с назреванием этого процесса, Шпитгоф делит подъем на четыре стадии. Первый этап выражается в использовании наличного оборудования. Второй, — когда создаются новые предприятия на дрожжах высоких прибылей, обязанных превышению предложения рыночным спросом. В связи с этим широко развертывается внутрипроизводственный спрос, быстрым темпом растет производительное потребление, «причем вначале продукты этого расширенного процесса воспроизводства не выступают в качестве противовеса... спроса. Это последнее выступает в течение третьей стадии, когда вновь основанные производственные заведения выступают не только как носители спроса, но и как носители предложения; вместе с тем начинается период времени, когда высокие цены скоро должны оказаться под угрозой. Последний период представляет полную противоположность второму. Продукты лихорадочно расширенного производства выбрасываются на рынок, при отсутствии соответствующего ему по размерам потребления. Наступление такого состояния имеет решающее значение»[2]. Здесь дано совершенно правильное подразделение подъема на ряд стадий. Решающее значение имеет наступление третьей стадии, когда вновь созданные капиталистические предприятия выступят как «носители предложения». Массовый характер этого предложения, обусловленный высокими прибылями и причинами, их порождающими, усугубляется дополнительными условиями. Не находясь под непосредственным контролем потребительского рынка, подразделение развивает громадный внутрипроизводственный спрос «локального» происхождения. «Благодаря отсутствию непосредственного соприкосновения с конечным потреблением с одной стороны, и тесной взаимной связи инструментальных производств — с другой,— говорит Бунятян, — происходит искусственное взаимное поощрение связанных между собою отраслей промышленности посредством производственного потребления собственных же продуктов: подъем одной отрасли не только способствует развитию находящихся в зависимости от нее других отраслей промышленности, но часто в то же время, создает в них потребителей своих продуктов. В этой области происходит... нечто аналогичное с взаимным трассированием

[1] Маркс, Теории, т. II, ч. 2, с. 192.

[2] Шпитгоф, Отрывки из ст. в сб. «Проблема рынка и кризисов», с. 258—259.

дружеских векселей в кредитном хозяйстве, причем как там, так и здесь совершенно отсутствует реальная экономическая основа»[1].

Система взаимных заказов, дающая превосходный сбыт предприятиям на стадии устройства, ставит их перед резким сокращением рынков сбыта, как только они взаимно оборудовали друг друга. С одной стороны, исчезает спрос данных предприятий на оборудование — этим сокращается емкость рынка, с другой — сами они становятся субъектами дополнительных предложений, перегружая сжимающийся рынок. Особенно широкий характер эта «локальная» тенденция принимает с ростом органического состава, расширяющего базис производительного потребления, и с развитием акционерных обществ. Чем выше органический состав капитала, тем интенсивнее взаимное производственное обслуживание, тем больший промежуток времени должен пройти с момента «утверждения» новых предприятий и их роли, как субъектов предложения. Акционерные общества создают наиболее эластическую форму этого обслуживания, организуя «дочерние» и «внучатые» общества, имеющие одной из целей доставить широкий сбыт акционерной компании — родоначальнице этих отпрысков. Поэтому, чем развитее капитализм, тем ярче и сильнее должно быть перепроизводство[2].

Рассмотрим теперь нарастание перепроизводства более подробно. В целях более конкретного анализа, мы разобьем отрасли I подразделения на три группы: первая производит основное сырье (добывающие, железоделательные отрасли и др.); вторая — основной капитал для I подразделения; третья — основной капитал для II подразделения.

Приращение спроса II подразделения вызывает расширение третьей группы. Оно возможно только при условии расширения второй. Это в свою очередь невозможно без прироста производства первой группы. Здесь дан основной узел зависимостей и производственной обусловленности. Поскольку органический состав растет в восходящем порядке от третьей группы к первой с одной стороны, и, с другой стороны, тот факт, что первая группа является поставщиком основного сырья, без которого немыслим нигде процесс расширения, то наибольшая напряженность спроса и невозможность его немедленного удовлетворения ощущается с наибольшей силой именно в первой группе. Этим объясняется ступенчатость в повышении цен. Незначительно

---

[1] Бунятян, Экономич. кризисы, с. 65, а также Момберт, Введение, с. 135:

«Некоторые фабрики в течение последних десятилетий XIX в. расширяли и вели свои дела за счет кредитов, оказываемых им машиностроительными заводами».

[2] Это затемняется воздействием других факторов, о которых в следующей главе.

повышаясь во II подразделении, они прогрессивно растут с переходом от третьей к первой группе I подразделения. Отсюда, чем дальше отстоит отрасль от непосредственного потребительского спроса, тем больший спрос и соответственно масштаб дополнительных капитализаций [1]. Поэтому главным очагом общественного перепроизводства являются отрасли, поставляющие сырье для производства основного капитала.

Перепроизводство этих отраслей, в силу цепной связи, включает в себя перепроизводство других отраслей I подразделения. Так, если налицо перепроизводство железа, то оно включает перепроизводство угля и руды и предполагает наличие перепроизводства машин, поскольку рост перепроизводства железа был немыслим без роста его потребления. «Следовательно, нельзя говорить о перепроизводстве предметов, перепроизводство которых уже включено, ибо они входят в качестве сырого материала, вспомогательного материала или средств производства в предметы, положительное перепроизводство которых именно и должно быть объяснено» [2]. Отсюда — «универсальное» перепроизводство есть в своей основе «частичное» перепроизводство. Не может быть такого положения, когда перепроизводством (и на противоположном конце недопроизводством) были бы охвачены в с е отрасли. В то же время не всякое частичное перепроизводство перерастает во «всеобщее». В противном случае капитализм не вылезал бы из состояния перманентного кризиса. Всеобщий характер принимает только такое частичное перепроизводство, которое находит свое конечное выражение во взрыве противоречий между общественным производством и потреблением. Оно охватывает узловые центры и, скажем, выражено в перепроизводстве железа и полотна. Но перепроизводство полотна включается уже в перепроизводство машин, а последнее предполагает перепроизводство железа. Следовательно, общественное перепроизводство дано прежде всего в перепроизводстве железа — важнейшего материала основного капитала, над которым «трудятся» оба подразделения, взаимодействующие и взаимовлияющие в процессе воспроизводства.

Итак, не обязательно д и ф е р е н ц и р о в а н н о е перепроизводство каждой отрасли в отношении другой [3].

[1] Изложение схематично и в данной постановке не может быть иным.

[2] М а р к с, Теории, т. II, ч. 2, с. 222.

[3] В конкретных условиях оно обычно бывает. Перепроизводство угля дано перепроизводством железа, но это не исключает д и ф е р е н ц и р о в а н н о г о перепроизводства угля по отношению к железу — его продукция превышает спрос железоделательных и др. отраслей.

Капиталистический кризис подготовляется частичным перепроизводством, — основным очагом его, включившим уже перепроизводство подготовительных стадий и передавшим его по производственной цепи отраслям, конечно, зависимым от производства базового сырья. Отсюда, — перепроизводство в отраслях II подразделения. Они являются ферментами — возбудителями перепроизводства главных отраслей I подразделения, поскольку они усиленно потребляют средства производства и сами зависят в своем перепроизводстве от перепроизводства средств производства, поскольку назревание его связано с ростом занятой рабочей силы, предъявляющей дополнительный спрос на средства потребления. Налицо диалектическое взаимодействие.

Поэтому неправ Кассель и ряд других экономистов, которые рассматривают кризис как результат перепроизводства средств производства по отношению к плавному течению производства предметов потребления. Это плавное течение возможно только на базе обмена по ценности (ценам производства). Этого нет ни в первом, ни во втором подразделениях за время подъема. Вытекающий отсюда ступенчатый процесс отрыва цены и является общей предпосылкой перекапитализации как для I, так и для II подразделения. Причем во II подразделении наличие этих «перекапитализаций» с наибольшей яркостью вскрывается с обнаружившейся невозможностью для I подразделения сбыть полностью свою продукцию, что находит свое выражение в сокращении числа занятых рабочих, соответственно сокращению потребительского спроса. Но этот момент носит количественный характер, лишь усугубляя наличную дисгармонию между II подразделением и его рынком, назревающую параллельно с нарастанием скрытого перепроизводства в I подразделении — на общих началах цены, временно разорвавшей с ценностью. Во главе перепроизводства стоит I подразделение, точнее те его отрасли, которые являются центральной осью всего производственного аппарата общества. Они представляют вершину «перепроизводственной» пирамиды, потому что здесь основная «причина» перепроизводства — отрыв рыночной цены от ценности, и количественно, и в силу особого центрально-производственного положения данной отрасли, сказалось с наибольшей силой. Вскрывшееся на рынке перепроизводство означает по сути дела избыток промышленного капитала в строго определенных формах. Часть общественного производственного аппарата и товарного капитала оказывается излишней. «Вследствие замедленного обратного притока (в денежной форме.— *Н. М.*), переполненных рынков, понизившихся цен,— говорит Маркс,— обнаруживается избыток промышленного капитала, но в такой форме, в какой этот капитал не в состо-

янии выполнять свои функции. Масса товарного капитала, но на него нет покупателей. Масса основного капитала, но благодаря застою воспроизводства, он большею частью находится без дела»[1]. «Перепроизводство» капитала никогда не означает чего-либо иного, как перепроизводство средств производства, — средств труда и средств существования, которые могут функционировать как капитал»[2]. Общественное «равновесие» восстанавливается массовой гибелью промышленного капитала в указанных двух формах: производительной и товарной. Избытка промышленного капитала в третьей, денежной, форме мы не можем себе представить, поскольку всякое обнаружение его излишка связывается с его переходом из промышленного состояния в форму ссудного капитала.

Затем интересен вопрос, вся ли номенклатура общественной продукции в одинаковой мере теряет способность сбыта в момент наступившего кризиса.

Наиболее резкого выражения перепроизводство достигает в производстве средств производства. Оно носит а б с о л ю т н ы й характер. Никакое снижение цен в момент вскрывшегося перепроизводства не сможет сколько-нибудь осязательно расширить сбыт. Причина этого таится в самой природе производительного потребления. Емкость потребительского рынка определяется двумя факторами: величиной доходов и величиной цен на потребительские товары. Она обладает громадной эластичностью, расширяющейся обратно пропорционально уровню цен. «Если бы средства существования были дешевле, или денежная заработная плата была выше, то рабочие покупали бы больше, и таким образом, обнаружилась бы более значительная «общественная потребность» в данных сортах товаров»...[3]. Здесь в свою очередь заложено одно из условий менее напряженного характера перепроизводства во II подразделении. Производительное потребление в этот период расшириться не может. В условиях невозможности сбыта товаров прекращается расширение предприятий; спрос на средства производства падает. Снижение цен до их ценностного уровня не окажет сколько-нибудь заметного влияния на сбыт средств производства. В момент обнаружившегося кризиса перепроизводство значительной части их будет носить а б с о л ю т н ы й характер. Уже «по истечении немногих лет периода подъема потребности в них (предметах производственного потребления.— *П. М.*), как оставшиеся неудовлетворительными от времени депрессии, так и вновь возникшие, оказываются насыщенными. После этого нужно уже не заполнять некое пустое

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, с. 21.
[2] Там же, ч. 1, с. 237.
[3] Там же, с. 167.

пространство, а только пополнять утечку таких благ и постепенно увеличивать их количество в соответствии с растущим расширением хозяйства»[1]. В действительности происходит как раз наоборот. Заполнение «пустого пространства» неразрывно связывается с прогрессивным увеличением выбрасываемой продукции. В результате перепроизводство с наибольшей силой обнаруживается на рынке средств производства.

Рыночным выражением перепроизводства является резкое превышение предложения над спросом, при данном уровне цен. Поскольку повышение уровня цен существовало во всех отраслях производства, то происходит в конечном счете задержка сбыта всех товаров. Поскольку «кризисам предшествует возрастание цен всех предметов, относящихся к капиталистическому производству», «поэтому все они по тем ценам, которые имели до краха, перегружают рынок. Рынок может поглотить такую массу товаров по ценам, спустившимся ниже их цен производства, какой он не мог бы поглотить по их прежним рыночным ценам»[2]. Таким образом, перепроизводство дано уже не только высоким уровнем цен, но и ценой производства. Капитализм лишен возможности предупредить кризис соответствующим снижением цен всех продуктов. Независимо от того, что это мероприятие противоречит природе самовозрастания ценности, оно не может произойти в силу гипертрофии общественного воспроизводства. Ни при каком снижении цен излишек продукции средств производства не может быть потреблен. В условиях задержки кругооборота всех капиталов ничто не может повысить производительного спроса. Наоборот, в каждом из них имеются в наличии излишние средства производства, которые и определили избыток выбрасывания товаров на рынок.

Теперь остается решить теоретически важный вопрос, откуда берется совокупная масса прибавочной ценности, реализуемая всеми капиталистами в виде сверхприбыли во время подъема. На первый взгляд это явление противоречит закону ценности и прибавочной ценности. Получение одним капиталистом сверхприбыли при действии закона средней прибыли означает неполучение другим средней нормы. Фонд прибавочной ценности общества строго определен. Само образование средней прибыли не может означать одностороннего (вверх) отклонения ее от нормы. Однако в период подъема мы имеем дело с таким иррациональным явлением. Поэтому полностью исключается возможность утверждать, что сверхприбыль одного капитала есть пере-

[1] Шпитгоф, цит. ст., с. 260.
[2] Маркс, Теории, т. II, ч. 2, с. 184.

распределенная в его пользу прибыль другого капиталиста, функционирующего в условиях ниже средних. Откуда же берется избыток прибавочной ценности? Очевидно, что источник этого избытка нельзя отыскать в период высокой конъюнктуры, когда смещения прибылей однотипны. Вне капиталистического круга искать невозможно — это исключается марксовой методологией. Проблему нельзя решить, если рассматривать капиталистическое производство только в период подъема. Законченной капиталистической «историей» является полный цикл со всеми его стадиями. Высокие прибыли во время подъема суть не что иное, как реализация той прибавочной ценности, которая была создана, но не реализована целиком во время депрессии, ибо там, как общее правило, цены располагались ниже цены производства, вследствие неблагоприятного соотношения спроса и предложения. Отклонение рыночных цен вниз в период депрессии компенсируется отклонением вверх во время подъема. За время цикла средняя равнодействующая совпадает с величиной ценности, если отвлечься от возможных изменений последней. «Этим путем рыночные цены, отклоняющиеся от рыночных стоимостей, уравниваются и дают среднюю, совпадающую с рыночной стоимостью, причем отклонения от этой последней взаимно учитываются как плюс и минус»[1]. Итак, добавочная прибыль во время подъема есть созданная во время депрессии, но целиком не реализованная тогда прибавочная ценность.

Подведем итоги. Мы рассмотрели конкретно механизм подъема, как он протекает на основе сложного взаимовлияния ряда экономических факторов. Осью, на которой располагалось действие этих факторов, было массовое обновление основного капитала, связанного с характером его к о н к р е т н о протекающего воспроизводства. Именно, это массовое обновление разом, как результат кризиса, породило повышательную тенденцию в течение воспроизводства. Общественное производство во время подъема носило ярко выраженный, расширенный характер. Но это расширение всей общественной системы на определенной ступени закончилось крахом. Следовательно, в действиях повышательных сил были моменты, органически н а р у ш а ю щ и е «подвижное равновесие» растущей общественной системы.

Каковы эти моменты? Приравнивание производительного капитала его оборотной части исключало возможность общего перепроизводства. Включая основной капитал, но предполагая его равномерное возмещение из года в год по формуле «равновесия» между его снашиваемой и возобновляемой частью, мы опять таки не столкнулись бы с общим

[1] М а р к с, Капитал, т. III, ч. I, с. 169.

перепроизводством. И только введя момент нарушения этой «пропорциональности», учтя массовое обновление основного капитала разом, мы вскрыли бы циклический характер капиталистического воспроизводства. В первом случае отсутствуют «условия» длительного вывода системы из состояния «равновесия», во втором — они налицо.

Характерным внешним признаком «бесцикличного» состояния являлось отсутствие специфического состояния рыночной конкуренции. Рыночный «спрос» и «предложение» длительно не расходились друг с другом. Всякое превышение «спросом» «предложения», сопровождающееся повышением рыночных цен, влекло за собой быстрый дополнительный прилив капиталов в данную отрасль. Тенденция к восстановлению нарушенного «равновесия» действовала без особых промедлений. Положение резко меняется, как только мы включаем массовое обновление основного капитала разом. В условиях прогрессивно возрастающего спроса, сохранение «равновесия» возможно только быстрым массовым расширением производства. Такая возможность является исключенной. Как бы ни было способно капиталистическое производство к массовому расширению, оно не в состоянии удовлетворить «внезапно» порожденный массовый спрос, вытекающий из морального износа существующего оборудования. Как следствие этого, наличное предложение товаров отстает от растущего спроса. Соответственно и действие тенденции к «равновесию» тормозится. Она бессильна «выпрямить» производство немедленно же по обнаружении нарушений. Наоборот, чем дольше развивается подъем, тем больше в совокупности отстает предложение от спроса, тем больший отрыв рыночных цен от ценности — цены производства. Идущий процессе перераспределения капиталов бессилен устранить указанные нарушения, так как общество в данный момент не располагает достаточной величиной производительных сил для удовлетворения существующего спроса. При большом приросте техникопроизводственного аппарата капиталистическое общество оказывается бессильным своевременно удовлетворить собственную потребность в элементах производительного капитала и в средствах потребления. Система в целом изнемогает под бременем недопроизводства. Это однако не означает, что поставлены жесткие рамки отдельным капиталистическим «атомам». Наоборот, все они оживленно «трудятся» над расширением системы, реализуя сверхприбыль. Цены на готовую продукцию успевают обогнать рост цен на материалы и полуфабрикаты, входящие в издержки производства. Рост рыночных цен обгоняет рост издержек производства. Капиталистическое общество находит в себе достаточно силы, чтобы со временем удовлетворить пол-

ностью существующий спрос. Однако процесс этот неизменно связан с назреванием кризиса.

Происходит странное явление. Спрос, являющийся другой стороной расширения производства, перманентно превышает предложение на всем протяжении подъема. Когда же сильнейшим производственным напряжением капитализм удовлетворяет целиком собственную потребность в предметах производительного и личного потребления, неизменно периодически наступает крах. Это заставляет задумываться над природой рыночной конкуренции, в какой мере рыночное отношение «спроса» и «предложения», которое непосредственно определяет масштаб расширения производства, является точным выразителем условий «равновесия» системы. При равномерном возмещении основного капитала, рыночное «равновесие» спроса и предложения соответствовало в основном «равновесию» отдельных отраслей и всей общественной системы в целом. Если конкретно «спрос и предложение не покрываются взаимно ни в одном единственном случае, то отклонения от равенства следуют друг за другом таким образом, — ведь отклонение в одном направлении вызывает, как свой результат, отклонение в противоположном направлении,— что, рассматривая итог движения за более или менее продолжительный период, мы находим полное равновесие между спросом и предложением; однако результат этот получается лишь как средняя совершившихся колебаний, лишь как постоянное движение их противоречия. Этим путем рыночные цены, отклоняющиеся от рыночных стоимостей, уравниваются и дают среднюю, совпадающую с рыночной стоимостью»[1]. Таким образом, рыночные расхождения спроса и предложения носят кратковременный, спорадический характер. Рыночные соотношения не приходят в длительное противоречие с «пропорциональностью» общественного производства. Теоретически мыслимое «равновесие» их отвечает «равновесию» основных элементов общественной системы.

Другое дело в условиях реальных отношений подъема. Здесь рыночное «равновесие» иррационально, — не отвечает «равновесию» общественной системы. Сама природа рыночной конкуренции резко меняется. В начале подъема непрерывное превышение предложения спросом более или менее правильно отражало необходимость соответствующего перелива капиталов. Больший рост цен на продукцию I подразделения чем II выражал необходимость большего производственного напряжения там для сохранения «равновесия» растущей системы. Но капиталистическое произ-

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, с. 169.

водство бессильно удовлетворить полностью свои собственные производительные потребности и личный спрос немедленно по их обнаружении. «Долг» производства по отношению к потреблению все более увеличивается. Это находит рыночное выражение в дальнейших расхождениях спроса и предложения, сопровождающихся дальнейшим повышением цен. На языке рынка усиливается «диспропорция». Однако производство давно уже «старается» заделать брешь, быстро расширяются существующие предприятия и отрасли, закладываются новые. В свою очередь межотраслевая конкуренция — рычаг «равновесия» составных частей системы—работает «во-всю». Капиталы из других сфер, прибавочная ценность непрерывным потоком вливаются в производство. Тем не менее, в первый и второй[1] период подъема недопроизводство не только не смягчается, но обостряется все сильнее.

Капиталистическое общество располагает достаточным потенциальным капиталом, но не в состоянии быстро придать ему производительную форму функционирующих средств производства. Наоборот, приток его в производство означает в первое время умножение покупательной способности общества и тем самым растущую невозможность полностью удовлетворить ее в данный момент. Высокая техническая конструкция, которую должен принять на данной ступени развития каждый капитал, «пожелавший» производительно функционировать, является главным препятствием к немедленному удовлетворению спроса. Следовательно, как ни странно, не недостаток *Д* или задержка $Т^п$ — $Д^1$, а трудность своевременного превращения *Д* в *Т*, отсутствие идентичности между наличием денежного капитала (и прибавочной ценности) и способностью его производительно функционировать, определяет длительное нарушение «равновесия» во время подъема. Налицо иррациональное, с точки зрения «нормального» течения трансформации капитальной ценности, противоречие между отдельными формами капитала. Главенствующее значение принимает производительная форма. Весь период подъема — своеобразное выражение ее превосходства над денежной формой. Контрагенты «смертельного прыжка» переместились. Символом капиталистического богатства становятся функционирующие средства производства.

Такое положение вещей не может продолжаться долго. Трудности превращения *Д* в *Т* постепенно преодолеваются. Нарушенное производственное «равновесие» системы — на пути к восстановлению. Чем большее расхождение «спроса» и «предложения», тем более усиленные капи-

[1] Пользуясь подразделением Шпитгофа.

тализации протекают в данной отрасли. Дальнейший прирост рыночного спроса антиципируется масштабом *заложенных* предприятий. На определенной ступени развития этого процесса *производственное* «равновесие» системы восстанавливается. Общество располагает производственным аппаратом, способным удовлетворить существующий производительный и потребительский спрос. Однако лишь *незначительная* часть его прошла стадию конечного устройства, превратилась из «носителя спроса» в «субъекта предложения». Большинство представляет еще «спящий» производительный капитал — «потребителя», но не «производителя». Поэтому *рыночная* конкуренция бессильна отразить существующий рост производительного капитала на *подготовительной* стадии *к его функционированию*. Спрос попрежнему обгоняет предложение, уровень цен стоит выше цены производства. Если на языке производства, включая и подготовительную его стадию, «почти» восстановлено «равновесие», то на языке рынка продолжает расти *недопроизводство*. *Рыночное зеркало* («спрос» и «предложение») *перестает отражать производственные сдвиги*.

Рыночные звенья капиталистической конкуренции не могут отразить результатов действия межотраслевой конкуренции капиталов, выравнивающих систему, пока вновь созданный производственный аппарат не заработает. Можно условно говорить о назревании противоречия между ними, чего не могло быть в условиях равномерного возмещения основного капитала. Понятие рыночного «равновесия» пришло в противоречие с понятием «равновесия» системы. То, что на языке рынка будет означать *недопроизводство*, на языке производства будет заканчиваемым процессом установления «равновесия». То, что на языке рынка станет «равновесием», т. е. когда предложение догонит спрос, то на языке системы будет означать назревшее «перепроизводство». Предложение на рынке догонит спрос только тогда, когда вновь построенные фабрики и заводы сделаются «субъектами предложения» — выбросят свою продукцию на рынок. Это будет означать неминуемое перепроизводство. Масштаб капитализаций, ориентированный *на показатели* рынка, неизбежно превысит потребную норму расширения производства. Перепроизводство обнаруживается тем более ярко, что массовое выбрасывание товаров на рынок по окончании подготовки совпадает с сокращением спроса на элементы оборудования теперь «готовых» предприятий.

Длительное несовпадение спроса и предложения, как мы говорили выше, связано со столь же длительным конфликтом рыночных цен и цены производства. В этом конфликте до

конца подъема побеждают рыночные цены. Они являются доподлинным регулятором, который «управляет» движением капиталов. Рыночный механизм, кующий богатства капиталисту, вышел из «повиновения» ценности, развил свою внутреннюю инерцию. Обеспечивая сверхприбыли, он до конца подъема толкает к массовым дополнительным капитализациям. В условиях заканчивающейся постройки необходимого производственного аппарата, эти «сверхкапитализации» явятся производством «перепроизводства». Высокие цены на определенной ступени подъема превращаются в ложный, и р р а ц и о н а л ь н ы й показатель. Вскрывшееся перепроизводство «на один миг» «уравновешивает» «спрос» и «предложение». Но это «уравновешивание» не превращается в рыночное выражение «пропорциональности» общественного производства, а являет собой кратковременный отрезок («миг») резкого падения рыночных цен, пересекающих сверху вниз регулирующую зону ценности, как отражение взорвавшегося на поверхности системы диалектически назревающего перепроизводства.

Таким образом: 1) массовое обновление основного капитала «порождает» подъемную фазу капиталистического воспроизводства; 2) поскольку рост общественного спроса обгоняет возможность соответственно быстрого расширения производства, то весь период подъема протекает при условии и на основе повышенного уровня цен, тем самым — прибылей; 3) эта невозможность быстрого (в соответствии с требованиями) расширения определяется не недостатком денежных капиталов и низким уровнем техники, а, наоборот, высоким техническим строением капиталов, предъявляющих усиленный добавочный производительный спрос, с одной стороны, и удлиняющим время их постройки — с другой; 4) на определенной ступени развития подъема, когда заканчивается процесс оборудования новых предприятий, рыночные показатели (цены, прибыли) перестают быть выразителями элементов производственного «равновесия», получают иррациональный характер—устанавливающееся «равновесие» общественной системы не находит и не может найти своего выражения в понижательной тенденции цен, их возвращения в «лоно» ценности—цены производства; 5) связанный с этим масштаб дополнительных капитализаций сразу, перерезая стадию «равновесия», переводит общественное производство из состояния «недопроизводства» в состояние «перепроизводства» основных отраслей, перерастающее в кризис.

В нарастании подъема,—нарастании перепроизводства,—как в зеркале отражается х а р а к т е р действия закона ценности в капиталистическую эпоху. Если в простом товарном хозяйстве (а также в капиталистическом, при предположе-

нии равномерно возмещающегося основного капитала), ценность «регулирует» производство с каждым отклонением цен и «справляется» с этой задачей, то при капиталистическом тенденция к восстановлению нарушенного «равновесия» может победить только через длительный промежуток времени с момента «нарушения». Этот промежуток охватывается несколькими годами подъема. Действие закона ценности — цен производства — находит свое выражение в резком переломе конъюнктуры, смене ее отдельных фаз. Реально протекающий воспроизводственный процесс, как никогда, подчиняется закону ценности — в конечном счете. Но никогда не происходит и такого резкого подчинения закону ценности — этому основанию общественной системы. Фигурная линия капиталистического развития есть ярчайшее выражение этого «подчинения». Она — результат взаимодействия закона ценности с основным фактором нарушения «равновесия» — массовым обновлением основного капитала разом, с вытекающим отсюда превышением общественного производства рыночным спросом. На базе этого возникают такие специфические феномены рынка в полосу подъема, как высокий уровень цен. Весь воспроизводственный процесс реально протекает на оси растущих рыночных цен, не отражающих соответственных изменений величины ценности. Наоборот, рыночные цены могут расти в обратном направлении к ценам производства. Величина ценности (цены производства) может понизиться в отраслях, где применяются в массовом масштабе капиталы новой технической конструкции, цены же неизменно растут. Тем самым отдельные производственные «пропорциональности» системы нарушаются. I подразделение растет в скрытых формах более быстро, чем II. Это неизбежно приводит к невозможности для $v_1 + m_1$ полной замены своей натуральной оболочки денежной, выступающей, как результат меньшего роста c II подразделения. Отсюда перепроизводство средств производства. Длительное нарушение обмена по ценности—ценам производства — идентично с нарушением в большей или меньшей мере всех вообще воспроизводственных пропорций. Налицо перепроизводство средств производства, неизбежность перепроизводства предметов рабочего потребления и т. д. Перепроизводство, вытекающее из нарушения ценностных соотношений, усугубляется обнаружением несоответствия произведенной номенклатуры товаров.

Нарушение каждого из указанных ценностных соотношений в отдельности должно было так или иначе нарушить «нормальное» течение воспроизводства и в определенных условиях подвести систему к кризису. Но подобные нарушения носили бы спорадический характер. «Застрельщиком» периодических нарушений, неизменно оканчи-

вающихся кризисом, является диспропорциональность между ежегодно отмирающим и возобновляемым основным капиталом. В реальных условиях течения воспроизводства она становится основной пропорциональностью. Ее нарушение, черпающее свой источник из результатов кризиса (или технического сдвига), обычно становится исходным моментом нарушения всех остальных. Исчезновение причин, нарушающих эту «пропорциональность», лишило бы капиталистическую анархию высшей формы ее проявления — цикла. Но для этого нужны социологические посылки, не могущие проявиться на базе капиталистического хозяйства. «Организованное общество в антагонистической форме» — ультраимпериализм — не знало бы цикла. Процесс воспроизводства протекал бы там в основном по абстрактным схемам простого и расширенного воспроизводства.

Во время подъема не ценность лежит в основе соотношений прироста отдельных отраслей, а рыночные цены. Поэтому на первый взгляд можно предполагать такой процесс нарушений, который сильнее бы отозвался на капитализме, чем периодический кризис. Это в том случае, если бы существовал разнобой в отклонении цен отдельных отраслей. Тогда созрели бы исключительно сильные диспропорции, поскольку расширению производства отдельных отраслей противостояло сужение производства других. Такого положения в действительности не бывает; во время подъема существует однотипное отклонение цен — вверх. При этом условии значительная часть прироста производственного аппарата общества представляет прирост в соответствии с «пропорциональностями» расширенного воспроизводства. Это, однако, нисколько не устраняет остроты обнаружения перепроизводства. Степень перепроизводства вовсе не определяется абсолютным расширением производства, а степенью равномерности этого расширения, увязанной с потребительским спросом. Сравнительно небольшое перепроизводство при отстающей емкости потребительского рынка может привести к кризису, в то время как значительно большее расширение при соотносительном росте всех воспроизводственных моментов будет означать только «процветание».

Но, как общее правило, за время подъема потребительский рынок возрастает на меньшую величину (и при первых затруднениях в сбыте начинает суживаться), чем совокупное производство, а в пределах производственных соотношений I подразделение в его главнейших отраслях заметно опережает рост II подразделения. Отсюда совершенно ясно, что в кризисе обнаруживается назревшая диспропорция как между I и II подразделением, так и более

общая диспропорция между общественным производством и потребительским спросом, выражающимся в перепроизводстве II подразделения. Непосредственной причиной этого «вздваивания» является больший отрыв цен от цены производства на продукцию I подразделения, чем во II.

Однако, даже в случае равномерного отрыва рыночных цен от цены производства, общественное производство не сохранило бы «равновесия» своих частей, как утверждает Гильфердинг. «Если бы все товары повысились на 10 или 100%,— говорит он,— то их сравнительные меновые отношения остались бы неизменными. Тогда повышение цен не оказало бы никакого влияния на производство; тогда не могло бы наступить никаких передвижек в распределении капитала между различными отраслями производства, никаких перемен в отношениях пропорциональности. Раз производство идет в надлежащих пропорциях, как схематически показано раньше, то нет нужды в каком-либо их изменении, а потому не представляют необходимости и какие бы то ни было нарушения...»[1]

Гильфердинг был бы прав лишь в том случае, если бы предполагал равномерное повышение цен, отражающее соответствующие изменения величины ценности — цены производства. В этом случае воспроизводственные пропорции не были бы нарушены. Но он говорит о периоде подъема, о повышении цен над ценностью. Здесь он неправ. Оставляя неразобранным вопрос, сохраняются ли «сравнительные меновые отношения» между отраслями при повышении цен на равный процент, отметим, что основная методологическая ошибка Гильфердинга заключается в том, что он мыслит «пропорциональность» системы как ее внутрипроизводственное «равновесие», выключая роль потребительского спроса. Исходя из этого, легко притти к поверхностному выводу, что равномерное повышение цен товаров в I и II подразделении не нарушит воспроизводственных «пропорций». Однако «локального» равновесия I и II подразделения в отдельности от потребительского спроса реально не существует. Потребление дохода рабочими и капиталистами является важнейшим условием общественной реализации, принятия отдельными частями производственного целого необходимой для производительного функционирования формы. Если темп роста доходов отстает от масштаба общественного производства, неизбежно наступает перепроизводство.

«Гармония» между производством и потребительским спросом существует лишь до тех пор, пока товары обмениваются по ценам производства—ценности. Отклонения, хотя

[1] Гильфердинг, Финансовый капитал, с. 304.

и равномерные, рыночных цен от цен производства вверх означают смещение данных условий. Несмотря на то, что общее повышение цен охватывает и рабочую силу, темп роста дохода рабочего класса и непроизводительного потребления прибавочной ценности отстает от потенциальных возможностей капиталистического производства к расширению, «развязанных» благоприятной рыночной конъюнктурой. Производственное тело капитализма не разбухает чрезмерно только в «ежовых рукавицах» непосредственного давления закона ценности на «пропорции» частей. Равномерное отклонение цен вверх, не создавая (допускаем) диспропорции между I и II подразделением, будет неизбежным толчком такого расширения производства, которое обгонит прирост дохода рабочего класса, имеющего жесткую границу в условиях антагонистического распределения при капитализме и наличной резервной армии. Капиталистическое производство на данной ступени техники буквально «брыжжет» перепроизводством. Достаточно ли будет перепроизводства в указанных выше условиях для того, чтобы перерасти в циклический кризис, этого утверждать нельзя, ибо здесь даны абсолютно искусственные условия, как, например, отсутствие диспропорции между I и II подразделениями и связанный с этим вопрос о массовом возобновлении основного капитала. Но факт противоречия между производственными возможностями капитализма и его распределительными отношениями неизбежно вскроется в форме ли частичного или универсального перепроизводства. Тем самым Гильфердинг с его теорией внутрипроизводственного, «локального» равновесия неправ. Им не учтены все моменты перехода от абстрактной теории общественного воспроизводства к анализу его реального течения. Гильфердинг и Туган в анализе реального воспроизводства рассматривают личное потребление как простую функцию производства, не только качественно, но и количественно лишенную самостоятельного значения. Они не понимают того, что закон ценности, лежащий в основе пропорциональностей общественного производства, есть в то же время закон «пропорциональности» общественного производства и потребительного спроса. Задержка регулирующего действия ценности, выраженная в длительном отклонении рыночной цены от цены производства вверх, означает подготовку взрыва противоречий между распределительными отношениями капитализма и его способностью к быстрому расширению на основе капитализации прибавочной ценности. Конкретное выражение этого противоречия — меньше выросший потребительский спрос, чем развернувшееся производство. Подробный анализ назревания этого процесса мы дали выше. Это центральный момент перепро-

изводства, тем самым — цикла. Без его учета невозможно было бы теоретически объяснить реальное течение капиталистического воспроизводства. Корень ошибки Гильфердинга — методологический, связанный с неуяснением полностью картины действия закона ценности в развернутых звеньях капиталистического воспроизводства.

Непосредственное вступление закона ценности в свои права «регулятора» связывается с взорвавшимся противоречием производства и потребления на рынке. Ценность понижением цен гонит к «равновесию» на новой основе все элементы воспроизводства. Кризис представляет собой уродливое выражение победы тенденции к «равновесию» над «расталкивающими» силами капиталистической анархии. Полем их борьбы является процесс общественного кругооборота, представляющий единство его фазы производства и обращения. «Если бы они (фаза производства и обращения. — *П. М.*) были только разделены, не представляя известного единства,— говорит Маркс,— то невозможно было бы насильственное установление их единства, невозможен был бы и кризис. Если бы они представляли лишь нечто единое, нераздельное, то невозможно было бы и их насильственное разделение, что опять-таки представляет кризис. Он (кризис.—*П. М.*) представляет насильственное создание единства между ставшими самостоятельными моментами и насильственное создание самостоятельности моментов, которые в сущности представляют нечто единое»[1].

Здесь Маркс дал блестящую характеристику сущности кризиса. Он вскрыл его диалектическую природу. Процесс производства и обращения представляет собой единство кругооборота капитала. Но это единство не монолитно, оно — анархичная совокупность автономных частей общественного целого. Кризис и есть выражение взаимного отталкивания этими моментами друг друга, известной борьбы индивидуально-раздробленных капиталов с общественной обусловленностью их кругооборотов. Однако, если бы кризис являлся сгущенным выражением этой борьбы и только, дальнейшее существование общественного целого стало бы невозможным. Вскрывшиеся «автономистские», «антиобщественные» тенденции индивидуальных капиталов усиливались бы, а поскольку каждая фаза их кругооборота находится в прямой зависимости от пробегания другими капиталами своих очередных фаз, небольшой промежуток времени их господства привел бы к деформации общественной системы, распадению ее на простейшие элементы, не мо-

[1] Маркс. Теории, т. II, ч. 2, с. 216.

гущие существовать вне теснейшей связи их друг с другом. Однако в кризисе взрываются созревшие противоречия для того, чтобы быть преодоленными. Наличие преодолевающих сил и выражается в факте дальнейшего существования системы. Кризис насильственно создает единство «между ставшими самостоятельными моментами», обеспечивая новый этап развития. Этой своей стороной кризис выражает действие законов равновесия — закона ценности, жестко срезающего резким понижением цен излишний производственный аппарат и товарный капитал, созданный чрезмерной капитализацией на базе высоких цен, оторвавшихся от ценности — цены производства. Произведя эту хирургическую операцию, ценность гонит общественную систему к «равновесию» ее частей, никогда не достигая «предельной чистоты» в своей работе.

Поскольку сужение производства связывается с дальнейшим сужением спроса, в свою очередь не могущего не выразиться в дальнейшем сокращении производства, этот процесс установления «равновесия», получив генеральный толчок в момент кризиса, охватывает целую полосу течения воспроизводства, называемую депрессией. Здесь «философия эпохи» заключается не в том, чтобы приращать производительные силы, а в том, чтобы выработать новые количественные устои общественного «равновесия» на базе меняющейся техники, переходящей на очередную ступень своего развития. Представляя на первых порах суживающуюся спираль производственного развития, депрессия подготовляет все элементы нового рекордного его расширения, реализующиеся во время следующего подъема.

Итак циклическая «фигура» капиталистического воспроизводства (термин Р. Люксембург) есть выражение характера действия закона ценности (с «трансмиссией» цен производства) в капиталистическую эпоху. Специфически капиталистическое выражение этого действия заключается в потере способности непосредственного управления динамикой цен, т. е. управление ею только в конечном счете. Чем длительнее действие факторов, отклоняющих цены от ценности—цены производства,— тем серьезнее нарушения и актуальнее форма их преодоления. Вместо частых колебаний цен вверх и вниз вокруг равнодействующей в период «бесцикличного» состояния капитализма, мы имеем в развернутом капитализме длительные сдвиги цен (прибылей), являющиеся естественной предпосылкой «сверхкапитализаций». Кратковременные колебания масштаба производства вокруг равнодействующей средней для каждой отрасли сменяются катастрофическим бегом всей общественной системы, длительно и далеко отклоняющейся «вперед»

от «подвижного равновесия» своего совокупного роста. В результате частичные отклонения, эта мертвая зыбь капиталистической анархии, сменяются резко выраженными конъюнктурными волнами. Потеряв способность преодолевать текущие затруднения системы, закон ценности проявил свое действие в резких периодических сломах высокой конъюнктуры. Росту капиталистической анархии, достигшей кульминации в цикле, соответствует и рост силы действия основных законов системы. В противном случае развернувшаяся анархия давно бы пожрала устои «равновесия», экономические связки порвались бы, производственный аппарат рассыпался бы на кучу материально-вещественных обломков, и система перестала бы существовать.

Актуальность действия законов «равновесия» несомненна. Она выражена в кризисе. Но само действие законов и сила этого действия черпается из факторов, нарушающих обмен по ценности — ценам производства. Чем сильнее давление этих факторов, тем сильнее действие притягательных сил. Если бы вообще отсутствовали эти отталкивательные силы, то не существовало бы и самих стихийно организующих сил. Это две стороны одной и той же медали. Поэтому, какое бы определяющее значение для «проявления» цикла ни имело массовое возмещение основного капитала, этот фактор — основная отталкивательная сила — является лишь условием и обстановкой действия закона ценности. Циклическая динамика капитализма, как и исторически предшествующее ей простое колебательное движение слабо развитых элементов его, есть результат характера действия закона ценности, черпающего в нарушениях ценообразования, кратковременных и длительных, имманентную силу для их преодоления. Поскольку преодоление в один «миг» будет связано с неизбежностью нарушений в следующий же «миг», постольку условия, возбуждающие действие закона ценности, непрерывно воспроизводятся. Это ярко сказывается на течении депрессии, представляющей конкретное выражение «уравнивания» законом ценности выскочившего из пазов капиталистического производства, которое неизменно перерастает в новое периодическое нарушение.

Теория депрессии. Саморазвитие цикла

Проявление в кризисе действия закона ценности вовсе еще не означает немедленного приведения системы в состояние «равновесия». Как медленно назревает диспропорциональность общественного производства, так медленно она и изживается. Завершение обоих звеньев этого процесса

равно времени цикла и представляет собой его основное содержание. Как ступенчато нарастал подъем, а с ним перепроизводство, так ступенчато спускается общественное производство к состоянию «равновесия» во время депрессии. Это падение с прежней высоты, проявившееся в кризисе, «затем переходит в медленное, но непрерывное попятное движение, протекающее в форме взаимодействия различных хозяйственных сфер друг на друга. Падение нормы прибыли и вознаграждения за труд давит на потребление, сокращающееся потребление понижает цены, устойчивое падение цен сжимает производство. Ограничения производства вновь уменьшают вознаграждение за труд и норму прибыли и т. д., и т. д. Получается форменный «порочный круг», и взаимодействие различных областей хозяйственной жизни друг на друга поддерживает и усиливает эту тенденцию к депрессии»[1].

Здесь дана прекрасная характеристика течения депрессии. Движущим началом депрессивной тенденции является то же, что определяет и подъем, — противоречие между производством и потреблением, их диалектическое взаимодействие. Если период подъема есть взаимодействие этих моментов на расширяющейся основе, определяемой повышающимся уровнем цен на все товары, вплоть до рабочей силы, то депрессия — тот же процесс на суживающейся основе, определяемый снижающимся уровнем цен. Однако результат взаимовлияния этих факторов в оба периода различен. Подъем знаменовал собой быстрый бег производительных сил, «закусивших удила» и временно вышедших из подчинения ценности, депрессия, наоборот, представляет более «мирную» картину постепенного введения системы в «стойло» равновесия ее частей, сопровождающееся резким исхуданием производительных сил.

Итак характерным признаком депрессии является сужение производства. «Депрессия есть период, в котором потребность в материальных средствах производства меньше, нежели в предшествующем периоде высокой конъюнктуры»[2], — говорит Кассель. Это сужение производства, продиктованное низкими ценами и прибылями, связывается с уменьшением числа занятых рабочих и их заработной платы. Здесь лежит постоянно действующее условие дальнейшего сокращения производства и т. д. Теоретически можно представить себе течение этого процесса до бесконечности, до полного разрушения производственного аппарата капитализма. Однако это только на первый взгляд. Сужение общественного производства порождает тенденции, приостанавливающие этот процесс. Первая — уменьшение

[1] Шпитгоф, цит. раб., с. 269.
[2] Кассель, цит. раб., с. 63.

суммы заработной платы одновременно означает повышение покупательной способности каждой ее единицы, поскольку снизился потребительский индекс. Возможность его снижения (от цен выше ценности до предельных цен ниже ценности) превышает снижение оценки труда, поскольку она подчиняется жестким нормам стоимости рабочей силы. Следовательно на определенной ступени потребительский спрос «стабилизируется» и (если отвлечься от дальнейших частичных сокращений производства) может выявить повышательную тенденцию. Эта тенденция на определенной ступени приостанавливает «отступление» II подразделения. Вторая — заключается в ежегодном приросте населения, увеличении покупательной силы «твердых» доходов, независимых от конъюнктуры, и т. д. Вообще диспропорциональность между II подразделением и потребительским спросом менее резко выражена, чем диспропорциональность между I и II подразделением. Здесь легче и скорее смыкаются «ножницы».

Значительно сложнее обстоит дело с отраслями I подразделения. Вследствие резкого перепроизводства к моменту кризиса, с одной стороны, и почти полного замирания производительного спроса в начале депрессии — с другой, производство обнаруживает резко сниженную кривую, в особенности производство железа. Обращение капитальной ценности уменьшается, и сам процесс ее замедляется. Значительная часть основного капитала бездействует. В условиях низких цен, стоящих на производительном рынке, единственный выход заключается в понижении издержек производства посредством повышения производительности труда или концентрации капитала. В этих условиях эффективность наличного платежеспособного спроса может вырасти и абсолютно увеличиться. Мы уже говорили о том, что неизменная величина потребительского спроса может поднять на себе значительно больший масштаб общественного производства — пропорционально росту органического состава капитала.

Итак единственным выходом является переход на очередную ступень техники. Этот процесс и осуществляется во время депрессии. В его течении можно наметить две характерные фазы. Поскольку весь производственный аппарат не может работать в условиях суженного спроса, законы конкуренции выталкивают из функционирования отсталые предприятия, могущие производить товары только по высоким ценам. Остаются функционировать наиболее отборные экземпляры, которые и в условиях сниженных цен могут окупать издержки производства и получать прибыль. Тем самым величина общественно-необходимого труда изменяется, падают издержки производства и создается возможность реализации прибыли при низком

уровне цен. Предприятия, работающие в повышенных для пройденного этапа технических условиях, насыщают наличный общественный спрос. Величина ценности (рыночная ценность) заметно снижается.

Снижение рыночной ценности влечет за собой изменение соотношений рыночного спроса и предложения. Если раньше, при рыночной ценности в 15 р., предложение резко превышало спрос, было налицо состояние рыночного переполнения, и цены стояли на уровне 12 р. — существовало перепроизводство, затрудненность сбыта, невозможность реализовать прибыль. При падении рыночной ценности (рыночной цены производства) на три единицы — до 12 - функционирующие капиталы получают «законную» прибыль. Отвлекаясь пока от повышения предложения, являющегося другим выражением подъема производительности труда, мы будем иметь установившееся «равновесие» общественного производства.

Итак: 1) резкое сокращение спроса, как результат наступившего перелома, приводит к сокращению числа производительно используемого основного капитала; 2) центр тяжести производства переносится на наилучше оборудованные предприятия, которые своими техническими условиями начинают определять величину ценности, 3) уменьшившаяся величина ценности (цены производства), обеспечивает среднюю прибыль и при пониженном уровне цен подчиняет» себе рыночную конкуренцию, изменяя соотношение спроса и предложения, толкая их к «равновесию». Специфический феномен — отрыв рыночных показателей от условий «равновесия» системы, нарастающий в период расцвета — временно изживается. Это — первая фаза перехода общественного производства на очередную ступень техники, как результат обострения борьбы за существование внутри производственного аппарата, поставленного в жесткие рамки резко снизившегося спроса.

Уже эта фаза устанавливает основные ферменты нового количественного «равновесия», ликвидируя общественную «диспропорциональность». Оставшееся за бортом оборудование перестает быть вещественным носителем капитала. Капиталистические отношения в каждый данный момент срастаются только с той материально-технической оболочкой, которая в состоянии выдерживать тяжесть этих отношений, т. е. обеспечивать их расширенное воспроизводство. Ценностная «душа» этих отношений покидает временно или навсегда элементы производства, которые в условиях сниженных цен не в состоянии приносить прибыль. «Поскольку задерживается процесс воспроизводства и сокращается или местами совершенно останавливается процесс труда, капитал действительно уничтожается, — говорит Маркс. Машина, которая не употре-

бляется, не является капиталом. Потребительные ценности, а также вновь произведенные машины, которые остаются неиспользованными или незаконченными — все это является разрушением капитала... их потребительная ценность и их меновая ценность поэтому пропадает»[1]. Отсюда — огромное моральное снашивание капитала в период депрессии.

Замещение передовой частью капиталистических предприятий всего производственного аппарата не означает еще возвращения системы к «нормальному» состоянию. Система, путем больших потерь, ликвидировала резкую диспропорциональность своих частей, но масштаб производства сужен, потребительский спрос, как гарантия дальнейшего расширения, растет слабо, цены проявляют дальнейшую понижательную тенденцию, уровень прибылей невысок. Следовательно в первую стадию технического подъема общества или в первый период депрессии, мы не имеем еще налицо «нормального» состояния воспроизводства. Налицо лишь грубые «элементы» равновесия при отсутствии внешних признаков роста системы. Исходя только из них, невозможно мыслить себе дальнейшее развитие.

Первая стадия технического подъема «порождает» вторую. Закон ценности, выбросив изменением своей величины значительную часть функционирующего основного капитала, привел его в состояние морального износа. Ряд капиталистических предприятий погибает, другие, более жизнеспособные, меняют техническую конструкцию своих капиталов. Усиливая путем концентрации и централизации наличный денежный капитал, они предъявляют дополнительный спрос на элементы производительного капитала. Этот спрос объективируется в расширении производства I подразделения, которое через ряд звеньев перекидывает его на совокупное общественное производство. «Наступивший застой производства подготовил позднейшее расширение его в капиталистических границах», говорит Маркс[2]. Происходит диалектическое перерастание депрессии в подъем, подъем связан с нарастанием перепроизводства, которое через кризис переходит в депрессию и так до капиталистической «бесконечности». «При расширенных условиях производства, при расширенном рынке и при повышенной производительной силе (состояние подъема. — *П. М.)*, был бы опять совершен такой же порочный кругооборот»[3]. Таким образом высокая конъюнктура обязана своим существованием депрессии, так же, как последняя — неизбежное следствие высокой конъюнктуры. Отсюда де-

[1] Маркс, Теории, т. II, ч. 2, с. 169.
[2] Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, с. 236.
[3] Там же, с. 237.

лается совершенно ясной вся условность ценности такого анализа, который берет своим исходным пунктом внешние признаки течения конъюнктурного процесса и, исходя из этих поверхностных явлений, пробует «вытянуть» теорию. Здесь формализм и схематизм замещает собой познание диалектической сложности этого процесса, не укладывающегося в схемы, как бы «тонко» они ни были разработаны.

Уже сам факт резкого снижения цен создает основные условия перерастания депрессии в подъем. «Значительная часть номинального капитала общества, т.-е. меновой ценности имеющегося капитала, уже уничтожена навсегда,— говорит Маркс,— хотя именно это уничтожение может быть очень благоприятно для нового воспроизводства, так как оно не касается потребительной стоимости»[1]. Капитал, разрушаясь, сокращает ценностные масштабы производства. Однако не вся потребительная ценность погибает. Непроданный товар, теряя в данных условиях значительную долю своей меновой ценности, не теряет в таком размере потребительской. Единица меновой ценности, при общем понижении цен, как общее правило, выражается теперь в большем количестве потребительных ценностей. Наиболее ярко проявляется этот процесс в отраслях I подразделения, на продукты которых резко сократился спрос. Как только система подошла к общему «равновесию» своих частей, обнаружилась тенденция к «обновлению» основного капитала. Расширению этой тенденции много способствует то обстоятельство, что при снизившихся прибылях или располагая добавочным денежным фондом, предприятия могут дешево покупать резко обесцененные средства производства[2].

Если капиталисты потеряли на меновой ценности своих капиталов, то эффективность их платежеспособного спроса значительно увеличилась. Естественно, что это обстоятельство не может одинаково эксплоатироваться всеми капиталистами, поскольку неравномерно упали цены. Но, так или иначе, дешевые средства производства и дешевый труд способствуют укреплению предприятий. В условиях морального и физического износа, продиктованного капиталистической конкуренцией, предприятиям легче приспособиться к изменившимся техническим условиям, имея дело с удеше-

[1] Маркс, Теории, т. II, ч. 2, с. 169.

[2] «Низкие цены на орудия труда облегчают открытие новых предприятий, а низкая норма прибыли заставляет считать прибыльными даже такие отрасли производства, которые не удостоиваются никакого внимания в период расцвета. Таким образом возникают новые предприятия, а с ними и новый спрос на рынке; когда, в конце концов, благодаря «техническому» и «моральному» изнашиванию орудий труда, созданных в период расцвета промышленности, к этому присоединяется еще усиленный спрос на эти производства, то снова начинается промышленный подъем» (О. Бауэр, сб. «Пробл. рынка и кризисов», с. 89).

вленным производительным рынком. Таким образом диалектическое противоречие, заложенное в товаре, его двойственной природе, на ряду с моральным и физическим износом является важной причиной перерастания депрессии в подъем.

Следовательно основные моменты перерастания депрессии в подъем рисуют следующим образом. «В обстановке депрессии почти все наличное оборудование оказывается вдруг морально изношенным... Выход к новому длительному оживлению может быть найден лишь на почве крупного повышения производительности труда. Это последнее не только постулируется, но и технически облегчается механизмом капиталистического кризиса. Маломощные капиталисты — банкроты, или почти банкроты; предприятия их за бесценок скупаются магнатами данной отрасли производства... Отсталые фабрики ликвидируются, лучшие спешно реконструируются по последнему слову науки... организация производства рационализируется с величайшей тщательностью. В результате производительность труда возрастает настолько, что оказывается возможным рентабельно вести производство, не только не повышая, но даже понижая цены, установившиеся в начальный период депрессии»[1].

Какой характер носит воспроизводство в период депрессии? Тот же В. А. Базаров утверждает, что депрессия характеризуется простым воспроизводством. «Депрессия есть система статического равновесия, временно стабилизирующая капиталистическое хозяйство на достигнутом уровне и в рамках неизменного физического объема производства»[2]. В теснейшей связи с этим находится и его последующее утверждение, что если «на гребне волны (повышательной.— *П. М.*) обнаруживается перепроизводство», то депрессия характеризуется относительным недопроизводством, которое устраняется началом «оживления»[3].

Эти связанные друг с другом утверждения являются совершенно неправильными. Депрессия — не «система статического равновесия», ибо капитализм не знает стационарного состояния, так же, как и его содержания — простого воспроизводства. Ни один из этапов цикла не вмещается в закономерности простого воспроизводства, следовательно капиталистическая система и в период подъема и в период депрессии переживает состояние расширенного воспроизводства.

Маркс установил два рода признаков, характеризующих тип воспроизводства: 1) ценностные соотношения

[1] Базаров, «Пл. хоз-», 1926 г., кн. 4, с. 95.
[2] Там же, с. 96.
[3] Там же, с. 113.

между отдельными частями общественного целого; 2) физический объем производства. Однако это вовсе не означает, что указанные признаки должны совпадать друг с другом на всех этапах течения цикла. Они совпадают только в период подъема. Равномерно поднимающаяся кривая хозяйства, лишенная резких сломов и зигзагов, — вот какой идеально мыслимый тип развития капитализма лег в основу Марксовой теории расширенного воспроизводства. В действительности нет такого капитализма. Но тем не менее в период подъема налицо как прирост масштаба производства, так и ценностные соотношения, характеризующие расширенное воспроизводство: $v_1 + m_1 > c_2$, хотя и уклоняющиеся от «нормы». Все экономические процессы развертываются на оси расширенного воспроизводства, сопровождающегося массовыми капитализациями прибавочной ценности.

Период депрессии сохраняет этот основной признак. Здесь также $v_1 + m_1$, не равно c_2, реализуемая прибавочная ценность частично капитализируется. Если эти дополнительные капитализации не являются уделом большинства предприятий, как во время подъема, то они существуют в общественной системе в целом. В противном случае производство средств производства должно было бы исключительно резко сократиться.

Маркс говорит, что простое воспроизводство I подразделения по своему масштабу предполагает расширенное воспроизводство II, ибо при данном уровне развития производства средств производства они при нерастущем сбыте с лихвой удовлетворяют потребности общественного производства в ремонте и «нормальной» амортизации[1]. Но куда сбывается этот излишек? Существует некоторый прирост новых предприятий, основывающихся во время депрессии и, главное, техническая реконструкция существующих предприятий. В период депрессии мы почти не имеем простой амортизации. Смена изношенного оборудования связана с массовыми дополнительными затратами денежного капитала, общая сумма которого значительно превышает величину амортизационного фонда. Здесь просто возмещение неразрывно срастается с дополнительными закупками оборудования в виде более высокой технической конструкции нового основного капитала, повышающего техническое строение производства. Обращение ценности основного капитала неразрывно переплетается с обращением вновь «вдвинутого» денежного капитала, впервые стремящегося принять производительную форму. Тем не менее результат этого совместного обращения не отражает еще «физического расширения производства». Наоборот, в первый пе-

---

[1] Маркс, Теории, т. II, ч. 2.

риод депрессии морально-техническое снашивание шло быстрее, чем амортизационный процесс и добавочные капитализации, тем самым масштаб функционирующего производства сокращался. Однако все же добавочные капитализации — расширенное воспроизводство, определенная ценностная установка $c_1 + m_1$ и c_2 — были налицо.

Второй период депрессии характеризуется преобладанием амортизационно-расширительного процесса над морально-техническим снашиванием. Но и в этот период процесс расширенного воспроизводства не мог выразиться в значительном приросте выбрасываемых товаров по сравнению с предшествующим периодом (депрессии же). Причина в том, что возросшая закупка средств производства вовсе еще не означает немедленного роста выбрасываемой продукции. Как противоречие между временем покупки и временем функционирования нового основного капитала усугубляло производство во время подъема, так то же противоречие во время депрессии лишает идущие процессы дополнительной капитализации возможности выразиться в быстром увеличении циркулирующих товарных масс личного и производительного потребления. Когда же этот скрытый процесс достаточно ясно обнаружится на рынке и повлечет за собой новую волну расширения, мы будем иметь перерастание депрессии в подъем. Силы, зреющие в период депрессии, представленные скрыто идущими процессами дополнительных капитализаций, связанные с переводом общественного производства на новую техническую ступень, на определенном этапе начинают отрицать самое существование депрессии.

Таким образом депрессия представляет собой особое состояние капиталистического воспроизводства, характеризующееся переходом общественной системы на очередную ступень технического развития. Для нее характерно расширенное воспроизводство, как и для периода подъема. В противном случае невозможно было бы объяснить трансформацию депрессии в подъем. Но поскольку здесь «узловая» задача заключалась прежде всего в смене морально-технического износа орудиями труда более высокой технической конструкции, идущий процесс расширенного воспроизводства не мог сразу обнаружиться в виде массового прироста производительного и потребительского рынка. Поскольку расширенное воспроизводство здесь выполняло задачу перевода общественной системы на новые технические рельсы, постольку, нося, условно выражаясь, интенсивный характер, оно не могло одновременно обнаружиться в массовом расширении физического масштаба производства. Поскольку, наоборот, подъем развертывается по преимуществу на уровне техники, «преподанном» депрессией, постольку его воспро-

изводство носит преобладающий *экстенсивный характер*, выражаясь прежде всего в расширении производственного аппарата общества. Так как невозможно вообще резко отмежевать полосу подъема от периода депрессии, указанные определения носят *условный* характер, подчеркивая выпятившуюся тенденцию по сравнению с слабо представленной другой. Эти две черты, продиктованные особенными «задачами» обоих периодов цикла, и являются известными различениями воспроизводства в период подъема и депрессии, *укладываясь* в основную закономерность расширенного воспроизводства: $c_1 + m_1 > c_2$, связанную с процессами накопления как в I, так и II подразделении. Что же касается массы бездействующих и отмерших предприятий, то они, с точки зрения воспроизводства капиталистических отношений, представляют металлический лом, который покинула безвозвратно или на время «душа» ценности.

Момент кризиса тоже не является феноменом простого воспроизводства. Здесь скорее обнаруживается тенденция к суженному воспроизводству. По сути дела циклический кризис не может быть классифицирован *твердо* в соответствии с тем или иным *типом* воспроизводства. Он для этого носит слишком «мимолетный» характер. Другое дело—революционный кризис. В нем явно выражено суженное воспроизводство. Проявившиеся его признаки получают свое *зрелое* выражение в крахе системы. Наличие же циклического кризиса предполагает в недалеком будущем «стабилизацию» производства и перестройку рядов системы для дальнейшего наступления производительных сил в рамках капиталистической организации. Формальные признаки суженного воспроизводства, промелькнувшие здесь, являются в бо́льшей степени «memento mori» для капитализма, чем реально осуществленным типом воспроизводства. Однако, при окончательном ответе на прямо поставленный вопрос, кризис можно отнести к феномену суженого воспроизводства.

Итак мы видели, что период депрессии перерастает в подъем, последний, через перепроизводство — кризис — снова в депрессию. Осуществляется единый кругооборот цикла, *внутри* себя рождающий силы для непрерывного течения. «Как небесные тела, раз они приведены в известное движение, постоянно повторяют его, совершенно так же и общественное производство, раз оно брошено в это движение переменного расширения и сокращения, постоянно воспроизводит его. *Следствия в свою очередь становятся причинами, и сменяющиеся фазы всего процесса, который постоянно воспроизводит свои собственные условия, прини-*

мают форму периодичности»[1]. И дальше более конкретная постановка проблемы саморазвития цикла. «Характерная особенность... промышленного цикла состоит в том, что раз дан первый толчок, один и тот же кругооборот неизменно воспроизводится периодически. В фазе ослабления производство падает ниже той ступени, которой оно достигло в предшествующем цикле и для которого теперь заложен технический базис. В фазе расцвета — среднем периоде — производство развивается далее на этом базисе. В периоде перепроизводства и спекуляции производительные силы достигают наивысшего напряжения, выходя за пределы капиталистических границ производственного процесса»[2].

Основной механизм, через который осуществляется саморазвитие цикла,— это механизм ценности с его многочисленными приводными ремнями. Неизбежность перерастания подъема в кризис вытекает из характера «регулирования» капиталистической системы под давлением массового обновления основного капитала. Этот фактор, опирающийся на неравномерный прогресс техники в капиталистическом хозяйстве, порождает специфические волны рыночной конкуренции, которые длительно отклоняют рыночную цену от цены производства и тем самым смещают «пропорции» частей развивающейся системы. Результатом рыночного взрыва назревшего перепроизводства является кризис, который выражает собой не что иное, как вступление в свои «права» законов «равновесия», толкающих общественную систему к восстановлению нарушенной «пропорциональности» ее частей. Взорвавшаяся «диспропорциональность» как внутри производства, так и между производством и потребительским спросом, преодолевается изменением величины ценности в послекризисный период депрессии. Уменьшившаяся величина ценности (рыночной цены производства), изменяя соотношение рыночного спроса и предложения, вновь притягивает к себе рыночный уровень цен, становится равнодействующей их колебаний. Этот процесс, связанный с громадным морально-техническим изнашиванием, есть выражение перехода производительных сил на очередную техническую ступень своего развития в рамках (пока что) капитализма. На старой технической основе капитализм уже невозможен, — он не в состоянии «создать» своего внутреннего спроса. Капитализм завершил один из очередных этапов своей истории. Создалась новая ступень развития производительности труда, на базе которой развертывается воспроизводство капиталистических отношений.

Итак начало нового цикла есть новый технический этап, который «создает» закон ценности в его капиталистическом оформлении и на котором развертывается новый

[1] Маркс, Капитал, т. I, гл. 23, с. 650.
[2] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, с. 27–28.

«циклический» этап его действия. Этим разрешается периодически назревающий конфликт между материально-вещественным процессом производства и антагонистической оболочкой капитализма. Изменение количественной природы ценности, ее величины, при неизменности ее качественной формы, и создает поворотный пункт от депрессии к подъему. Толчком является падение рыночных цен в послекризисный период ниже цены производства, которое невозможно преодолеть путем простого перелива капиталов, так как это явление присуще всем отраслям производства. При бессилии конкуренции выпрямить нарушенное соответствие, единственным выходом становится создание нового стержня «равновесия»—новой, меньшей величины ценности. На базе нового уровня иначе слагаются материально-вещественные пропорции производства и удельный вес удельных отраслей. Поскольку ферментом нового «равновесия» является рост техники, он неминуемо объективируется в росте среднего общественного состава капитала, тем самым повышая удельный вес производительного рынка. Здесь заложен источник массового приращения спроса на элементы производительного капитала, которым и открывается новый цикл, неизбежно приводящий систему к подъему, кризису, депрессии и т. д.

Следовательно в механизме закона ценности, с ее капиталистической трансмиссией — ценою производства, лежит «причина» саморазвития цикла, «автоматически» разрешаются развертывающиеся противоречия капиталистического хозяйства, и сама развернутая анархия хозяйственного развития принимает форму циклической закономерности. Периодически повторяющиеся толчки (этого своеобразного perpetuum mobile) исходят из закона ценности, устанавливающего принудительно единство анархической совокупности раздробленных «частиц» капитализма, связывая их в сложную «молекулу» хозяйственного целого. Условием его действия является непрерывное нарушение этого единства. Происходит непрекращающаяся борьба этих двух начал капитализма. Выражением ее является волнообразная история капиталистического развития, где каждый цикл — законченный феномен этой борьбы, до тех пор, пока в этом перманентном единоборстве не победит «стихия». «Отталкивательные» силы капитализма, заложенные в антагонизме его производственных и распределительных отношений, «пожрут» на определенной ступени силы «притяжения» и тем самым поставят проблему смены капитализма следующей формацией, где отсутствие анархии будет связано с уничтожением и циклической закономерности всего производственного процесса.

ГЛАВА III

РОЛЬ КРЕДИТА В КОНЪЮНКТУРЕ

В предыдущей главе мы дали общую теорию цикла. В соответствии с поставленной задачей мы элиминировали влияние кредита и денежного рынка на капиталистическое воспроизводство. Такой прием являлся вполне закономерным. Он давал возможность вскрыть основные движущие начала капиталистической динамики и показать механизм смены отдельных фаз цикла. Мы исходили из того, что кредит и вообще денежный рынок не являются родовыми признаками циклической закономерности. «Поверхностность политической экономии обнаруживается между прочим в том, что расширение и сокращение кредита — простые симтомы сменяющихся периодов промышленного цикла — она признает их причинами...»[1]. Тем самым за исходный момент были взяты силы, противоположные обычным представлениям буржуазной экономии. Правильность примененного методологического разреза должна была сказаться в общетеоретическом анализе цикла. Однако такой подход нисколько не умалял значения кредита как фермента конъюнктурного процесса. Мы подошли к той ступени анализа, когда необходимо учесть все своеобразное влияние этого сильнейшего фактора конкретной конъюнктуры. Цикл есть не что иное, как результат определенного изменяющегося соотношения отдельных моментов воспроизводства, располагающихся на оси ценности, среди которых кредит занимает почетное место. Не являясь качественным фактором циклической динамики, т. е. не являясь основной, движущей силой, кредит, денежный рынок, имеют важнейшее значение ее количественных элементов, сообщая циклу четкую определенность течения его фаз.

Особенно большое значение имеет кредит в очередных сломах высокой конъюнктуры. Если перелом высокой конъ-

юнктуры есть результат назревших противоречий в производственных и распределительных отношениях, которые могли бы обнаружиться и без участия кредита, то последний, вкупе со спекуляцией, сообщает этому перелому актуальный характер кризиса в его совокупной конкретности. Следовательно, являясь количественным элементом в определении общего течения цикла, кредит становится качественным моментом для одной из фаз кризиса, придавая ему специфическую определенность его черт. Без кредита не было бы капиталистического кризиса как посредствующего этапа перехода подъема с обнаружившимся перепроизводством в депрессию.

Это достигается тем, что кредит существеннейшим образом влияет на производство «перепроизводства», отрывая масштаб производства от его платежеспособной базы, задерживая тем самым своевременное обнаружение назревших противоречий на рынке со всеми вытекающими последствиями. Он же является важным фактором перерастания депрессии в подъем, поскольку это связано с необходимостью прироста денежного капитала в большей степени, чем это обеспечивается денежными ресурсами каждого капиталиста.

Выяснить роль кредита в конъюнктуре, проследить его действие, вплетенное составным моментом в реальное течение капиталистического воспроизводства, принявшего уже циклическую форму воздействием основных движущих начал системы, означает дать течение цикла в целом не только в качественной, но и количественной определенности его черт и условий.

Маркс в общей теории воспроизводства элиминировал влияние кредита. Он исключил его воздействие как на быстроту прохождения капиталами своих фаз обращения, так и на денежное обращение. Соответственно, не было рассмотрено влияние и ссудного капитала на воспроизводственный процесс. Другими словами, из анализа воспроизводства было исключено воздействие как оборотного, так и капитального кредита (по терминологии Гильфердинга). Попробуем рассмотреть их действие на капиталистическое воспроизводство в условиях его «подвижного равновесия».

Количество денег, потребных для обслуживания воспроизводства в каждый данный момент, определяется законами простого товарного обращения. Это количество прямо пропорционально массе циркулирующих товаров и их цен и обратно пропорционально быстроте оборота самих денег. Последнее в свою очередь зависит от быстроты пробегания совокупным общественным капиталом своих «обращенческих» фаз. При «нормальном» течении капиталистического воспроизводства (мы как раз исключили все нарушающие обстоятельства), рост массы обращающихся товаров обычно сопровождается убыстрением оборота денег, тем самым

уменьшается темп прироста их количества в сравнении с ростом циркулирующих товарных ценностей. Этот стихийный процесс денежной «экономизации» есть простое следствие расширения функционирующего промышленного капитала.

К чему сводится функциональная роль денег, если рассматривать ее под углом зрения общественного воспроизводства? Деньги являются необходимым моментом размещения вновь произведенного товарного капитала, принятия отдельными частями общественной капитальной ценности формы, в которой она может функционировать в производственном процессе. Каждый «индивидуальный» капитал и общественный капитал в целом в непрерывном течении своего кругооборота должны принимать иррациональную денежную форму, которая является исходным моментом кругооборота капитала и дальнейшего приращения ценности. Невозможность принять денежную форму, невозможность так называемой реализации, выражает собой наступление резких ценностных нарушений, которые сказываются в массовой приостановке сбыта, падении цен и др. признаках. Такое положение вещей не может обнаружиться в принятых нами условиях обмена по ценности.

Главным источником денег, обслуживающих кругооборот общественного капитала, является заработная плата рабочих, непрестанно авансируемая капиталистами в виде денежной формы их переменного капитала. Превращением ее в средства существования реализуется значительная доля товарного капитала, могущего теперь легко принять нужную для функционирования производительную форму (по схеме половина размещения). Другую часть денег авансируют сами капиталисты, как антиципацию своих будущих доходов, скованных еще натуральной оболочкой, непригодной для личного потребления. В результате общественная ценность принимает форму, в которой она может продолжать процесс своего самовозрастания.

Особенность этих авансирований заключается в том, что они по истечении определенного промежутка времени возвращаются к своим владельцам. Денежная форма переменного капитала I подразделения, реализовав громадное количество товаров, обслужив меновые сделки во II подразделении, снова возвращается в I подразделении к исходному месту. В равной мере и капиталистические авансирования I и II подразделений вновь возвращаются к их владельцам. Это в условиях обмена товаров по ценности. Но эти ресурсы денег не являются единственными в сфере общественного кругооборота. Помимо них функционирует еще денежный капитал как особая форма промышленного капитала. Поскольку движение денежного капитала, рассматриваемого в каждый данный момент, не представляет собой ничего иного, как превращение Д—Т (денежной формы в элементы

производительного капитала, которому противостоит *Т*—*Д* — превращение товарного капитала в денежный), оно укладывается в форму простого товарного обращения, выполняет просто денежные функции, как и предшествующие источники денег. Отличие денежного капитала от денег заключается в том, что он является носителем капитальной ценности, последовательно пробегающей ряд своих метаморфоз, тогда как заработная плата и потребляемая часть прибавочной ценности, участвуя в реализации товарного капитала, представляют собой обращение доходов, целиком укладывающихся не только в формулу, но и с о д е р ж а н и е простого товарного обращения.

Коммерческий кредит оказывает громадное влияние на ход общественного воспроизводства в д в у х направлениях: 1) убыстряет оборот общественного капитала, 2) сокращает количество денег, потребных для товарного обращения. Сферой действия коммерческого кредита являются фазы обращения. Поскольку обороты отдельных капиталов, составляющих последовательные звенья единого общественного кругооборота, не совпадают по времени друг с другом, постольку неизбежно замедление пробегания капиталами своих «обращенческих» фаз. Меньшая часть общественного капитала находится в каждый данный момент в производительной форме, тем самым процесс самовозрастания ценности идет более замедленным темпом. На рыночной поверхности явственно обнаруживаются грубые швы, которыми стянуты в одно целое разрозненные элементы капиталистической системы. Эта грубость форм первичного срастания «судеб» отдельных капиталов с г л а ж и в а е т с я коммерческим кредитом.

Каждый капиталист, производящий средства производства, отчуждает другому свои товары раньше, чем его товарная ценность заместится деньгами. В связи с этим отпадают все ограничения, вытекающие из того, что «покупать можно было только тогда, когда удавалось продать»[1]. Отрицательное значение несовпадения времени течения отдельных фаз индивидуальных капиталов коммерческий кредит устраняет для общественного кругооборота. Соответственно «классическая» формула *Т Д—Т* трансформируется в *Т—Т* (*Д*). Кругооборот общественного капитала заметно убыстряется. Большая часть общественной капитальной ценности пребывает в производительной форме—форме «самовозрастания».

Но необходимо сразу же отметить, что кредит не изменяет природы капиталистического отношения. Рыночная пригонка индивидуальных капиталов как была, так и остается основным устоем системы. Всякое нарушение ценностной пригонки, принявшее характер общего перепроизводства,

неизбежно рвет кредитные связи, производственная система капитализма вновь выступает в своем «натуральном» виде для того, чтобы принять очередную кредитную надстройку и новым периодическим потрясением ее сбросить. Кредит следовательно не создает **нового** рационального капиталистического отношения. Он — **вторичный** фактор капиталистического воспроизводства, развертывающийся на оси действия законов равновесия, убыстряющий на определенных этапах воспроизводственный процесс и смягчающий его трения.

Кредит экономизирует денежное обращение. Появление кредитной сделки связано с перерастанием денег из функции средства обращения в функцию платежного средства. Этот процесс развивается прямо пропорционально развитию капиталистического производства. В связи с этим уменьшается потребность рынка в деньгах. Поскольку взаимное кредитование элементов производительного капитала — **двусторонний** процесс, он охватывает всю совокупность функционирующих капиталистов (за малым исключением, о чем ниже), постольку все более уменьшается потребность в деньгах при происходящем взаимном погашении кредитных обязательств. Золото выступает уже как конечный «балансер» совершающихся кредитных сделок. Потребность в нем тем меньше, чем больше товарных сделок в кредит, чем сильнее концентрация платежей в одном месте и чем более сближаются их сроки, предполагающие убыстренный оборот платежного средства. Экономизируя денежное обращение, коммерческий кредит тем самым сокращает источники их непрерывного поступления в сферу обращения. Но оба источника — «рабочий» и капиталистический — сокращаются **не** в одинаковой мере. Исходя из характера возмещения ценности рабочей силы, денежный источник, представленный доходом рабочего класса, не может быть сокращен. Его «абсолютная» величина не зависит непосредственно от коммерческого кредита. Другое дело суммы, авансируемые капиталистами в счет будущих доходов, имеющих пока что несъедобную форму. Поскольку денежная величина переменного капитала не может сократиться воздействием коммерческого кредита, с одной стороны, и поскольку последний все же резко сокращает потребность товарного обращения в деньгах — с другой, его **экономизирующее** влияние сказывается прежде всего в уменьшении денежных авансирований капиталистов. Конкретно, развитие коммерческого кредита делает излишним наличие больших денежных резервных фондов у отдельных капиталистов. Этим еще не ограничивается дело. Коммерческий кредит сокращает потребность в денежном **капитале** как форме бытия промышленного. Поскольку товарный кредит, оказываемый капиталистами друг другу, взаимно погашается, T^1 любого

капиталиста превращается в нужную производительную форму, минуя посредство денежной формы.

Для всего общественного воспроизводства это теоретически мыслимый случай. Но он выражает и реальную тенденцию. Значительная часть обращающейся ценности промышленного капитала «непосредственно» из формы T' принимает форму P. Для всего общественного кругооборота, представленного в его «нормальном» течении, резко падает величина потребного денежного капитала. Таким образом коммерческий кредит, не отражаясь на величине рабочих «авансирований», сокращает как денежные авансирования капиталистов, так и денежный капитал — составную часть промышленного кругооборота.

Отсюда следуют два момента: во-первых—чем развитее кредит, тем все большее значение приобретает для реализации и размещения фонд «v» (переменный капитал). Тем самым потребительский спрос рабочего класса становится не только конечным условием «пропорциональности», но и базой денежного обращения, обслуживающего реализацию. Во-вторых — высвободившиеся денежные «сокровища» стремяться принять форму своего «самовозрастания», т. е. производительную форму. Но «чистыми» деньгами среди них являются суммы, выбрасываемые капиталистами в счет дохода, источники остальных денег — высвободившийся денежный капитал. Получается интересное явление. Кредит не только экономизирует денежное обращение,— он толкает в производительную форму высвободившиеся под его давлением из кругооборота деньги, значительная часть которых являлась «бытием» обращающейся капитальной ценности. В результате кредит изменил соотношение отдельных воспроизводственных элементов. Производительная форма «бытия» общественного капитала раздалась за счет сокращения денежной. Расширение масштаба производства сопровождается резким сокращением наличных денежных фондов общества. Одна форма «бытия» промышленного капитала пожрала другую. Налицо диспропорция, «сотворенная» простым включением кредита, которая неизбежно сказалась бы в перепроизводстве. Но кредит «потеснил» денежные элементы воспроизводства для того, чтобы занять освободившееся место. Нарушая «пропорции» частей «чистого» воспроизводства, кредит становится коромыслом «равновесия», замещая своей экономической функцией недостаток денег. Он с успехом выполняет эту роль, способствуя более быстрому росту производительных сил. При допущенном нами постулате — обмене по ценности — осложнение общественного кругооборота кредитом никогда не взорвется кризисом.

Однако в предшествующей главе мы видели, что неизбежность кризиса заложена в самом характере и условиях

действия закона ценности в его капиталистическую эпоху. Общественное воспроизводство последовательно проходит стадии цикла: подъем, кризис, депрессию. Поэтому то «перерождение», которое вносит кредит в капиталистическое воспроизводство должно еще более **усугубить** критические моменты течения цикла. Сломы конъюнктуры, порожденные основными воспроизводственными рычагами, принимают обостренную форму благодаря участию кредита. Усугубляя «базовое» противоречие между производством и потреблением, кредит усугубляет и его специфическое выражение противоречие между производством и денежным рынком. Рассмотрим более подробно, как назревает этот процесс.

Мы установили, что подъем начинается массовым обновлением основного капитала, отражающимся на расширении всего масштаба производства и соответственно — потребительного рынка. Кредит интенсифицирует этот процесс подъема. Коммерческий кредит сокращает пребывание капиталов в фазе обращения, убыстряет их оборот и тем самым увеличивает фонд накопления — годичную прибыль. Отсюда уже растет темп расширенного воспроизводства — быстро расширяется производственный аппарат общества. «Здесь имеет место взаимодействие. Развитие процесса производства расширяет кредит, а кредит приводит к расширению промышленных и торговых операций»[1]. Дальше, коммерческий кредит «позволяет на больший срок отделять акты купли и продажи и потому служит основой спекуляции»[2]. Это вторая его особенность, являющаяся важным фактором назревания перепроизводства. Третья его особенность — сокращение резервных фондов, «что можно рассматривать с двоякой точки зрения: с одной стороны, как уменьшение орудий обращения, с другой — как сокращение той части капитала, которая должна всегда существовать в денежной форме»[3].

Это три главных направления воздействия коммерческого кредита на воспроизводственный процесс во время подъема. Коммерческий кредит расширяется вместе с расширением процесса производства. Он является орудием его дальнейшего расширения, поскольку сокращает время оборота капитала и тем самым повышает приносимую им прибыль. Отрывая возможность возобновления производства от непосредственного возврата денег, он является источником производственных спекуляций. Если протянуть цепь развертывания подъема во всей совокупности влияющих факторов, то она представится в следующем виде. Массовое обновление основного капитала нарушает ценностные про-

[1] Маркс, т. III, ч. 2, с. 19.
[2] Там же, ч. I, с. 421—422.
[3] Там же.

порции расширенного воспроизводства. Это находит свое выражение в отрыве цен от цен производства и воспринимается каждым капиталистом как **приказ** дальнейшего массового расширения производства. Кредит сокращением времени оборота капиталов увеличивает массу реализуемой прибыли, тем самым усугубляет темп капитализаций. Но он способствует усиленным капитализациям и в другом направлении. Позволяя длительно разорвать *Т—Д*, масштаб производства от наличного количества денег, он становится естественной базой спекуляций, еще более расширяющих производство.

Маркс говорит, «что с развитием производительной силы труда, а следовательно и производства в крупном масштабе: 1) рынок расширяется и удаляется от места производства 2) кредит поэтому должен стать более долгосрочным, а следовательно 3) спекулятивный элемент все сильнее должен обнаружить свое господство в сделках».[1].

Способность кредита расширять масштаб производства антиципируется при создании новых предприятий и отраслей. Отсюда отдельные капиталисты и их ассоциации, при благоприятных рыночных показателях, способны масштаб дополнительных капитализаций выводить далеко за пределы реализуемой массы прибавочной ценности. Следовательно элемент перепроизводства органически **вытекает** из природы кредита, из развертывания его сложной надстройки в период подъема. Интенсифицирующее воздействие кредита на рост масштаба производства, выражающееся в убыстрении оборота капиталов, неизбежно перерастает в спекулятивный отрыв этого масштаба от наличной массы прибавочной ценности, которой располагают данные капиталисты[2].

Как видим, интенсифицирующее воздействие коммерческого кредита теснейшим образом переплетается с **ссудным** кредитованием. Первый момент взаимного проникновения выражается в том, что деньги и денежный капитал, высвобожденные из сферы обращения развертыванием коммерческого кредита, через ссудное кредитование вновь вступают в процесс оборота, в качестве дополнительного капитала, стремящегося как можно скорее принять произво-

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, с. 19

[2] Маркс, т. III, ч. 1, с. 427. «Если кредитная система оказывается главным рычагом перепроизводства и кредитной спекуляции в торговле,— говорит Маркс,— то лишь потому, что кризис воспроизводства, эластический по своей природе, форсируется здесь до крайних пределов, и притом форсируется потому, что значительная часть общественного капитала применяется не собственниками его, пускающимися в дело совсем по иному, чем собственник, который, поскольку он функционирует сам, боязливо учитывает границы, полагаемые его частным капиталом».

дительную форму. Коммерческий кредит создает «излишек» денег, ссудный «ликвидирует» этот излишек, вгоняя его в производство. Этим уж дана «диспропорция» отдельных составных частей обращающейся капитальной ценности, «затыкаемая» кредитом. Точнее, кредит становится составным моментом этой «пропорциональности». Разросшиеся величины производительного и товарного капитала «уравновешиваются» теперь сохранившейся величиной денежного капитала плюс кредит.

Однако кредитные деньги, заместившие золото, не являются общественно-значимым эквивалентом, противостоящим товарной ценности. Они имеют ценность лишь постольку и до тех пор, пока каждый из обращающихся товаров сохраняет потенциальную способность замещаться золотом. Это предполагает последовательность во времени и пространстве пробегания индивидуальными капиталами своих фаз. Последние в свою очередь — функция ценностной пригонки отдельных отраслей и предприятий друг к другу, т. е. такого состояния производства, когда товары этих отраслей обмениваются по их рыночной ценности. Длительное отклонение рыночных цен от рыночной ценности неизбежно выразится в нарушениях пропорциональностей растущей системы. Коммерческий кредит и его порождение—кредитные деньги, безболезненно замещающие в условиях «ценностной пригонки» денежный капитал, в условиях нарушения обмена по ценности теряют свое значение составного момента общественной пропорциональности. Теперь разросшиеся величины общественного производства должны уравниваться только «реальными» деньгами — золотом. Поскольку же величина наличных денег, в том числе денежного капитала, резко сократилась под воздействием коммерческого кредита, постольку назревшая общая диспропорциональность между производством и потреблением находит свое специфическое выражение в несоответствии величины наличных денег у капиталистов величине производительного и товарного капитала общественного производства. Конкретно на рынке это находит свое выражение в недостатке денег для совершения каждым капиталом «нормально» T^1—$Д$ —этого наиболее затруднительного этапа его движения.

Денежный кредит не в состоянии сгладить эту намечающуюся диспропорциональность, наоборот, он ее усугубляет. Наличные средства, которыми он располагает, представляют прежде всего временно высвобождающиеся суммы при очередных поворотах самой капиталистической машины[1]

[1] Это: 1) резервный фонд, состоящий из денег, могущих войти в процесс кругооборота в случае нужды, но не принимающих формы производительного капитала (*п... п*), т. е. не влияющих на размер производства; 2) накопляемая *m* (прибавочная стоимость), связанная с рас-

плюс «накопление» мелкобуржуазных слоев и рабочего класса, вытекающее из характера расходования им заработной платы.

Усиленный рост производства во время подъема, характеризующийся превышением спроса над предложением, неизбежно связывается с мобилизацией всех производственных возможностей. Отсюда — усиленные требования на денежный кредит для расширения масштаба производства. Эти требования в большей мере предъявляются со стороны отраслей, на производство которых существует наибольший спрос, которые дальше стоят от контроля потребительского рынка и где тем самым сильнее должно обнаружиться перепроизводство. Поэтому преобладающая часть денежного капитала загоняется в производительную и товарную форму I подразделения. Именно здесь развертывается с наибольшей силой спекуляция, далеко *отрывающая* масштаб производства от наличных ресурсов данного подразделения. Следовательно ссудный кредит *усугубляет* потенциальную диспропорцию между масштабом производства и наличным денежным капиталом, необходимым для обслуживания общественного воспроизводства.

Но так как ссудный кредит сосредоточивает в своих учреждениях всю сумму денежных накоплений и запасов капиталистического общества[1], создается впечатление, что он в состоянии всегда уравновесить усиленным кредитованием растущий спрос на деньги при рыночном обнаружении производственных нарушений. Такое представление иллюзорно. Оно покоится на непонимании природы ссудного кредита и его источников. Источники денежного кредита — это прежде всего деньги, высвобождающиеся при «*нормальном*» течении капиталистического воспроизводства. Они оседают в руках капиталистов и временно передаются в распоряжение банков. Нарушение «нормального» течения воспроизводства прежде всего выражается в затруднениях сбыта товаров, тем самым в трудности для каждого капиталиста сменить товарную форму своего обращающегося капитала на денежную. Неполучение денег (оставляя пока в

ширенным воспроизводством; 3) высвобождение, связанное с характером обращения ценности основного капитала; 4) высвобождение, связанное с растягиванием во времени трат частей оборотного капитала; 5) высвобождение, связанное с удешевлением элементов производства; 6) окончательные высвобождения на почве сокращения времени обращения капиталов («Капитал», т. II, 1 и 2 разделы).

[1] Банкир, оказывающий кредит капиталисту, «ссужает ему денежный капитал своих вкладчиков, каковыми являются сами промышленники и купцы, но также и рабочие (при посредстве сберегательных касс), получатели земельной ренты и др. непроизводительные классы. Таким образом для каждого индивидуального фабриканта и купца устраняется необходимость иметь солидный резервный капитал, устраняется также зависимость от действительного обратного притока капитала» (Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, с. 23).

стороне коммерческий кредит) означает невозмещение сношенной части основного капитала, полностью оборотного капитала и неполучение или недополучение прибавочной ценности. Вместо того чтобы пополнить сократившиеся фонды ссудного кредитования, каждый капиталист, наоборот, предъявляет усиленные требования к денежному кредиту, который становится важнейшим условием выполнения его капиталистической функции в трудный момент. «Свободный капитал требуется здесь не для дальнейшей капитализации, но для поддержания воспроизводственного процесса—как производства, так и потребления—и существующего распределения капитала»[1]. Рост требований к денежному рынку в конце высокой конъюнктуры при его прогрессивном сокращении есть своеобразная апелляция гипертрофированного капиталистического воспроизводства на недостаток платежеспособного спроса, который явился другим выражением этой гипертрофии.

До конца высокой конъюнктуры, помимо растущей прибыли, именно наличие мертвого капитала было одним из важнейших условий сохранения видимого «равновесия» отдельных частей системы. Мертвый капитал способствовал временному конъюнктурному «равновесию» в том смысле, что через ссудное кредитование подгонял отстающее производство к платежеспособному спросу. В момент слома высокой конъюнктуры обнаруживается потребность в «уравновешивании» с обратной стороны: увеличить снижающийся спрос по сравнению с растущим предложением товаров. Это возможно было бы только в том случае, когда «ежегодная масса прибавочной ценности достигла таких размеров, чтобы спрос, создаваемый производительной аккумуляцией прибавочной ценности, заменил спрос на рынке средств производства уже истощившихся мертвых капиталов»[2]. Этого замещения в действительности произойти не может, так как обостренный спрос на денежный кредит в конце подъема выражает одновременно резкое сокращение реализуемой прибавочной ценности и прежде всего предпринимательского дохода. Суть дела в том, что движение ссудного капитала и его источников не соответствует движению промышленного капитала, являясь в значительной мере ему противоположным. «Движение ссудного капитала, как оно выражается в колебаниях размера процента, в общем протекает в направлении, обратном движению промышленного капитала,—говорит Маркс.—Фаза, в которой низкий, но превышающий свой минимум размер процента совпадает с «улучшением» дел и растущим по окончании кризиса доверием, и в особенности фаза, когда он достигает своей сред-

[1] Бунятян. Экономические кризисы, с. 192.
[2] Бауэр, цит. работа, с. 87.

ней величины — середины, одинаково удаленной от минимума и максимума, — только эти два момента служат выражением совпадения между обилием ссудного капитала и значительным расширением промышленного капитала. Но в начале промышленного цикла низкий размер процента совпадает с сокращением, а в конце цикла высокий процент совпадает с избытком промышленного капитала».[1].

Итак величина ссудного капитала обратно пропорциональна на протяжении подъема величине промышленного капитала. Поэтому ссудный капитал не может явиться восстановителем нарушенного «равновесия». Сужение его источников — первое следствие назревающего перепроизводства. Капиталистический кредит (коммерческий и денежный), являясь рычагом расширенного воспроизводства капиталистической системы, в условиях нарушения «ценностных пропорций» роста ее частей, при обострившихся в силу этого действия побуждений к накоплению, становится рычагом, усиливающим наклевывающееся перепроизводство. Этим выражена «участь» всех вообще организационных факторов капиталистического хозяйства (кредит, акционерн о-ва, монополистические организации), которые, в условиях действия основных движущих сил системы, неминуемо дают иррациональный результат, усугубляя периодические спазмы системы, через которые неизбежно проходит ее путь.

Подведем итоги.

1. Мы в предыдущей главе установили, что перепроизводство есть прежде всего перепроизводство производственного аппарата I подразделения и его товарного капитала. Меняет ли кредит эту отмеченную особенность? Нет. Наоборот, он ее усугубляет. Причин усугубления две. Первая заключается в том, что здесь выше всего прибыль и большее отставание во время подъема предложения от спроса. Отсюда—массовый масштаб капитализаций, грюндерство, увеличенный спрос на ссудный капитал и охотное его предложение. Вторая — здесь сильнее всего развертывается и коммерческий кредит. Каждый «предприниматель дисконтирует, чтобы антиципировать денежную форму своего капитала и тем сохранить непрерывность процесса воспроизводства... чтобы уравнять кредит, который он дает, кредитом, который он получает»[2]. Это обязательная норма поведения каждого капиталиста, от которой тот не смеет отступиться, в противном случае сбыт его был бы приостановлен.

Характер производственных связей отдельных отраслей I подразделения особенно благоприятен для максимального

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, с. 27.
[2] Маркс, Капитал, т. III, ч. I, с. 411

развития коммерческого кредита. Здесь: 1) каждая отрасль представляет рынок для другой и в то же самое время является покупателем третьей и т. д. Поскольку потребление носит производительный характер, не найдется отрасли, которая в большей или меньшей мере не могла бы кредитовать все остальные. К примеру: железоделательная индустрия может кредитовать все отрасли; то же самое—машиностроительная индустрия; то же относится к угольной, нефтяной и т. д. Здесь густота и сложность переплета взаимных кредитований достигают наивысшего выражения, связывая в единый узел все отрасли I подразделения и в значительной мере отрасли II. В соответствии с этим и потребность в наличных деньгах для расчета делается минимальной в сравнении с ценностью товарных сделок в кредит[1]. Тем самым потребность в резервных фондах здесь сведена до минимума, они «затовариваются». Другое дело—отрасли II подразделения. Здесь коммерческому кредиту положены серьезные ограничения, вытекающие из самого характера потребительского рынка. Поскольку продукции противостоит непосредственно личный спрос, исключается возможность широких кредитований. Вообще взаимный характер кредитных сделок ослабляется с переходом к отраслям, ближе стоящим ко II подразделению. Ряд сделок не замыкается в круг, и потому ряд требований не возвращается обратно. Например требование прядильщика, обращенное к ткачу, не может быть компенсировано требованием поставщика угля, обращенным к фабриканту машин. Прядильщик в своем предприятии никогда не может создать встречного требования на фабриканта машин, так как его продукт — пряжа — никогда не может войти в качестве составного элемента в процесс воспроизводства машин. Поэтому такие требования должны быть погашены деньгами»[2]. Здесь всегда должны быть налицо значительные денежные резервы, которые не может вытеснить слабее развитый и тем более односторонний кредит.

---

[1] «Что касается обращения, необходимого для передачи капитала, следовательно только между самими капиталистами, то время бойких дел является вместе с тем и периодом самого эластического и легкого кредита. Быстрота обращения между капиталистом и капиталистом непосредственно регулируется кредитом, и масса средств обращения, требующихся для покрытия платежей и даже для покупок за наличный расчет, сравнительно сокращается. Абсолютно она увеличивается, но относительно она при всех обстоятельствах сокращается, по сравнению с расширением процесса воспроизводства. С одной стороны, крупные массовые платежи ликвидируются без всякого посредничества денег; с другой — вследствие сильного оживления процесса, ускоряется движение такого же количества денег в качестве как покупательного, так и платежного средства. То же самое количество денег обслуживает обратный приток большего количества отдельных капиталов». (Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, с. 433).

[2] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, с. 18.

Итак коммерческий кредит преимущественно развит в I подразделении и ссудный кредит преимущественно отклоняется в том же направлении. Наряду с действием основных причин кредит усугубляет перепроизводство в I подразделении. Качественно такое же действие, но в значительно более слабой степени, он оказывает и на отрасли II подразделения, отрывая и здесь величину производства от наличного денежного базиса, тем самым усугубляя диспропорцию между производством и потреблением. Но поскольку влияние кредита слабее сказывается во II подразделении, это наряду с другими основными причинами становится одним из условий обострения диспропорциональности между I и II подразделениями.

2. Непосредственной прелюдией кризиса является замедление оборота капиталов, в особенности его «обращенческих» фаз. Это первый признак назревшего перепроизводства. В связи с замедлением сокращается величина прибыли и связанная с этим возможность дальнейшего накопления, с одной стороны; обнаруживается напряжение коммерческого кредита — с другой. «Накануне кризиса и в продолжение его товарный капитал сокращается, поскольку он функционировал как потенциальный денежный капитал. Для своих владельцев и их кредиторов (а также в качестве обеспечения векселей и займов) он представляет меньшее количество денежного капитала, чем в тот период, когда он закупался и когда заключались основанные на нем учетные и залоговые операции. Каждый капиталист выручает меньшее количество денег от продажи товаров, чем должен платить по векселям»[1]. В условиях резко понизившегося к концу подъема предпринимательского дохода, мало кто из капиталистов в состоянии погасить свои кредитные обязательства наличными деньгами. Вырастает усиленный спрос на платежные средства. Тяжесть коммерческого кредита перекладывается на плечи кредита денежного. «В период угнетения спрос на ссудный капитал есть спрос на платежные средства и ничего более; это отнюдь не спрос на деньги как покупательное средство. Размер процента может подняться при этом очень высоко, независимо от того, имеется ли реальный капитал—производительный и товарный—в избытке, или же его как раз в обрез»[2]. Другими словами,

[1] «Это расстройство и приостановка процесса воспроизводства парализует функцию денег как платежного средства, развивающуюся с развитием капитала и основывающуюся на упомянутых предположительных отношениях цен, разрывает в сотне мест цепь платежных обязательств на определенные сроки, еще более обостряется сопровождающим это потрясением кредитной системы, развившейся вместе с капиталом и таким образом приводит к сильным и острым кризисам» (Маркс, Капитал, т. III, ч. I, с. 236).

[2] Там же, с. 54

и момент рыночного обнаружения перепроизводства ссудные капиталы используются не для дополнительных капитализаций и спекуляций, а замещают собою пошатнувшийся товарный, коммерческий кредит. Но те же причины (замедление оборота капитала, увеличение издержек производства вследствие дороговизны сырья, роста заработной платы и изношенности оборудования), которые определили крах коммерческого кредита, обессилили и денежный кредит, резко сократив источники его поступлений. Поэтому денежный кредит не в состоянии выдержать тяжести коммерческого. Это находит свое выражение в резком повышении процента. Последнее, в свою очередь, влияет на дальнейшее ослабление коммерческого кредита, тем самым еще более замедляет оборот капиталов, вызывая в перспективе дальнейшее усиление спроса на денежный капитал. Процент повышается дальше. Владельцы товаров принуждены продавать их по какой угодно цене. «Такая продажа не имеет никакого отношения к действительному состоянию спроса,— говорит Маркс.— Она определяется лишь спросом на платежи, абсолютной необходимостью превратить товар в деньги. Потом разражается кризис. Он проявляется не в непосредственном уменьшении потребительского спроса, спроса со стороны личного потребления, а в сокращении обмена капитала на капитал, в сужении процесса воспроизводства капитала»[1].

Итак в период подъема коммерческий кредит был могучим орудием расширения масштаба капиталистического производства, тем самым подготовки перепроизводства. При обнаружении перепроизводства на рынке, коммерческий кредит становится резким усилителем предложения товаров. Сильнейшим образом обостряя конкуренцию продавцов, он усугубляет предложение, снижает значение для реализации существующего платежеспособного спроса. Но, заменив постепенное снижение рыночных цен их крахом, он окончательно разрушает последние основания, на которых покоилась сама грандиозная кредитная надстройка. Последняя распадается, ведя за собой массовые разорения, конкурсы и — в конечном счете — крах денежного кредита. «Ведь именно огромное развитие кредитной системы в периоды расцвета, следовательно, и колоссальное повышение спроса на заемный капитал и готовность, с какой предложение ставит себя в такие периоды в его распоряжение, создает кредитные тиски в период застоя»[2].

3. Мы установили, что участие кредита обостряет диспропорциональность общественного воспроизводства — ме-

---

[1] Маркс, Капитал, т. II, изд. 1927 г., с. 38.
[2] То же, т. III, ч. 1, с. 187.

жду величиной производства и денежным рынком. Как конкретно назревает этот процесс?

Ранее было выяснено, что коммерческий кредит резко сокращает потребность в деньгах и денежном капитале, замещая их кредитными деньгами. Соответственно, резервные фонды капиталистов для преодоления заминок в обращении сокращаются. Но коммерческий кредит не может вытеснить совершенно деньги из обращения. Определенная величина их должна остаться, как конечный уравнитель кредитных сделок. Чем больше взаимного кредитования, тем меньше потребность в деньгах как платежном средстве. Поскольку взаимное кредитование особенно сильно развито в отраслях I подразделения, в силу самого характера производительного рынка, здесь потребность в наличных деньгах особенно резко сокращается. Громадное по величине товарное обращение обслуживается незначительным количеством золота, выступающим в качестве платежного средства. Не то во II подразделении. Здесь возможность взаимного кредитования значительно более сужена. В связи с этим остается большая потребность в наличных деньгах, кредит слабее экономизирует денежное обращение. Дело в большей мере сводится к тому, что *Д* уплачиваются позднее, чем отчуждено *Т*. Кредитные связи I и II подразделения в значительной степени также носят односторонний характер. Например машинопроизводящие индустрии могут кредитовать (и кредитуют) машины большинству отраслей, производящих средства потребления. Последние по характеру своей продукции не могут возместить в полной мере полученный кредит. Таким образом II подразделение должно располагать бо́льшим количеством денег для обращения в качестве платежного и покупательного средства. Поэтому здесь «оперирует» денежный фонд не только заработной платы II подразделения, но и авансирования капиталистов. Для бесперебойного течения воспроизводства в распоряжении капиталистов II подразделения должен находиться относительно больший денежный резерв к общей величине ценностного оборота, чем в I подразделении.

Как протекает во время подъема процесс реализации? Весь общественный доход в денежной форме сосредоточивается во II подразделении, выполняя в первой своей метаморфозе (*Д—Т*, *Т—Д*) роль покупательного средства (орудия обращения) в громадном количестве меновых сделок. Затем внутри II подразделения известная часть этих денег выполняет роль платежного средства, обслуживая сделки, совершенные в кредит. Таким образом производство II подразделения, как вещественный носитель общественного дохода, сосредоточивает в своих каналах достаточные денежные

средства для реализации. Теперь ставится вопрос: как сможет совершиться процесс реализации в I подразделении, не доставляющем (почти) товарного эквивалента общественному доходу. Если бы товарное обращение между I и II подразделением совершилось в кредит, и кредитные сделки носили взаимный характер, то «балансером» этих сделок должен был бы выступить прежде всего резервный фонд самого I подразделения. Но кредитные сделки между I и II подразделением носят большею частью односторонний характер. Возможность преимущественного кредитования существует лишь у отраслей I подразделения. Поэтому, получая в кредит средства производства, отрасли II подразделения возмещают отчужденные товарные ценности деньгами. Этим путем I подразделение получает в свое распоряжение, включая небольшие местные резервы, достаточный денежный фонд для совершения реализации, который фигурирует прежде всего в качестве платежного средства.

В связи с общим уменьшением количества денег, необходимых для обращения, вследствие экономизирующего влияния коммерческого кредита, растет относительное значение денежной формы переменного капитала для процесса общественной реализации. Эта величина, наряду с потребляемой прибавочной ценностью, является единственным денежным источником, которого не может сократить коммерческий кредит. Если отвлечься от дохода капиталистов, величины относительно сокращающейся в сравнении с величиной заработной платы, то растущий доход рабочего класса становится основной «базой» денежного обращения. Именно отсюда непрерывно течет денежная струя, обслуживающая товарное обращение. Доход рабочего класса в его денежной форме становится основным условием реализации общественного продукта, выполняя функцию орудия обращения или платежного средства, погашая разницу в кредитных сделках. Таким образом, отвлекаясь от ссудного капитала, денежная форма доходов является тем фундаментом, на котором держится сложнейшая система кредита. Но фонд доходов — заработная плата и потребляемая прибавочная ценность — определяют собой возможность беспрепятственного хода воспроизводства, являются конечным условием роста всей общественной системы. Неминуемое отставание потребительского спроса от растущего масштаба общественного воспроизводства, доказанное нами выше, становится основным условием перепроизводства и, следовательно, кризиса. Обнаружение перепроизводства, в свою очередь, связывается с резко обнаруживающимся недостатком денег. Следовательно в той мере, в какой созревает диспропорциональность между общественным производством и потребитель-

ским рынком, в той мере денежная база дохода становится недостаточной для реализации общественного продукта.

Таким образом назревание общественной диспропорциональности получает свое видовое выражение в диспропорциональности между данным масштабом производства и наличной величиной денежной массы, которая может активно участвовать в обращении. Это денежно-кредитный разрез диспропорции, связанный с крахом кредита из-за недостатка денег в обращении для увеличенных расплат по несовпадающим срокам кредитных обязательств.

Денежный кредит, как мы уже указывали, не в состоянии предотвратить перепроизводство. Те причины, которые определяют наступление диспропорции между производством и потреблением, вызывают резкое сокращение притока ссудных капиталов. Когда фонда доходов в основном было достаточно, чтобы обслужить реализацию, тогда требования к денежному кредиту со стороны обращения носили минимальный характер. Резко сократившихся резервных фондов капиталистов было достаточно, чтобы преодолевать текущие нарушения, прежде всего по линии размычки отдельных звеньев кредитной цепи. Ссудный кредит использовался преимущественно для увеличения производительного капитала общества, создающегося лихорадочным темпом. И когда отставание потребительского спроса от общественного производства сказалось в колебаниях кредитной сети, получило разрез денежно-кредитной диспропорции, момент этот совпал с ослаблением рынка ссудных капиталов, который от предстоящей ему миссии «спасителя» отгородился высоким процентом. И не мог не отгородиться.

Итак кредитная сеть не может заместить сокращения личного платежеспособного спроса. Денежные запасы кредитной сети не могут заместить постоянно воспроизводящуюся долю рабочего класса в совокупном продукте, выраженную в денежной форме. Отставание этой доли от роста производственного аппарата общества во время подъема есть непреоборимо закономерный процесс, в основе которого лежит характер действия законов «равновесия» системы. Но поскольку эта доля (потребительный спрос общества) является одновременно основной денежной базой воспроизводства, определяющей возможность реализации и, тем самым, размещения, и одновременно «балансером» кредита, сокращающего резервные фонды самих капиталистов, то отставание доходов от производства неизбежно означает крах коммерческого кредита, который в свою очередь резко усиливает перепроизводство, усугубляя капиталистическую конкуренцию продавцов, отказывающихся временно покупать и стремящихся во что бы то ни стало сбыть

товар, чтобы не нести издержек кредита в виде банкротств, конкурсов и т. д. $Т—Д—Т$ индивидуальных капиталов разламывается на две половинки. Каждый капиталист стремится осуществить $Т—Д$. А так как выход капитала в обращение у одного капиталиста возможен только при условии возвращения в производство другого капитала, то одновременный, односторонний процесс $Т—Д$ для всех капиталистов становится абсолютно невозможным. В пределах капиталистической системы нет и не может быть покупателей на всю сумму товаров, предлагаемых капиталистами. В пределах капиталистической системы не могут быть мобилизованы денежные средства как новая достаточная покупательная сила. Никакой банк и все они в совокупности не в состоянии спустить общественное производство на тормозах с высокой конъюнктуры к депрессии. Подорванный назревшей диспропорциональностью общественного производства кредит не может внутри себя создать силу, могущую смягчить рыночный характер назревшей диспропорции. «Оставляя... в стороне расчеты на возврат капитала, платеж может состояться только на счет резервного капитала, которым располагает векселедатель для погашения своих обязательств в случае замедленного возвращения капитала» [1], — говорит Маркс. Но резервный капитал принял в значительной мере производительную форму усилиями самого капиталиста или банкового кредитования. Оставшаяся величина его не соответствует величине денег, необходимых для восстановления «равновесия» пошатнувшегося кредита. Денежные запасы банков резко иссякают.

Поэтому неправ Гильфердинг, выдвинувший идею спуска на тормозах, связанную с укреплением кредита наиболее авторитетных банков всей совокупностью кредитных и государственных финансовых мер. Если бы эмиссионный банк или целый концерн банков, пренебрегая опасностью лопнуть, стали бы удовлетворять усилившиеся требования к денежному рынку эмиссией, акцептом, пролонгацией теряющих ценность кредитных обязательств, держали открытым обмен банкнот на золото и превращение векселей в банкноты, не сокращая, а расширяя в меру ощущающейся нужды учетно-дисконтные операции, то они все же не «спасли» бы положения. Наоборот, независимо от намерений и планов, это способствовало бы дальнейшему росту «перепроизводства», так как, обеспечивая капиталистам возможность не снижать производства в условиях высоких цен, они толкали бы вышедшее из пазов капиталистическое производство к углублению назревшей диспропорциональности. Каждый новый кругооборот капитала сопровождался бы предъявлением

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, с. 18.

растущих требований к денежному кредиту как условию самого существования капитальной ценности. Если теоретически продолжить эту мысль до конца, то общественное производство — экономическое целое — съело бы все денежные запасы общества, т. е. одну из своих частей, и реагировало бы на это в виде еще большего перепроизводства производительного и товарного капитала. Маркс, как бы предвосхищая постановку вопроса Гильфердинга, дает на нее следующий ответ: «Всю эту искусственную систему н а с и л ь с т в е н н о г о расширения процесса воспроизводства нельзя конечно оздоровить тем, что какой-либо банк, например, Английский банк, при помощи бумаг снабдит своих спекулянтов недостающим им капиталом и купит все обесцененные товары по их прежней номинальной стоимости»[1]. Единственным средством сокращения непомерно раздутого производства становится крушение высокого уровня цен, связанное с гибелью части излишнего производственного аппарата и товарного капитала. Таким образом кризис, независимо от силы и зрелости экономических и организующих факторов, является неизбежной переходной ступенью от подъема к депрессии. Вмешательство кредита для п р е д о т в р а щ е н и я действия сил, которые определяют перелом конъюнктуры и которые кредиту «не подвластны», может вызвать только большее обострение диспропорции и, соответственно, остроты кризиса.

Однако все это еще не означает того, что кредитные учреждения, оставив мысль о предотвращении кризиса, не смогут влиять на характер его течения.

Ведя превентивную политику, кредитные учреждения могут несколько смягчить катастрофический перелом конъюнктуры, ослабить его количественно, не предотвратив качественно. И эту линию они могли бы выполнить с тем большим успехом, если к моменту рыночного обнаружения назревшей диспропорции, сказавшейся в замедлении *Т—Д—Т*, вели бы наиболее «и н д и в и д у а л и с т и ч е с к у ю» политику, решительно отказав ослаблять сконцентрированные у них денежные фонды резким повышением процента сразу. Они тем самым сократили бы остроту перепроизводства, обеспечив капиталистам возвращение их резервов, с одной стороны, задержав дальнейший рост перепроизводства — с другой. При такой политике они оказались бы более дееспособными для осуществления «реформистской» задачи — ослабить последствия наступившего перепроизводства на народно-хозяйственную жизнь, забыв думать об изменении структуры цикла. Но и эта политика при самой большой дальнозоркости и понимании неизбежности поворота конъ-

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, с. 29.

юнктуры не может быть достоянием кредитной сети даже в условиях максимальной ее организации и устремлений вести «рациональную» политику. Существование современных банков определяется не только и не столько функцией коммерческого кредита, а все более растущим значением денежного (капитального) кредита. Решительный отказ от кредитования промышленной системы к моменту слома высокой конъюнктуры означал бы бросание на «произвол судьбы» банковых капитальных фондов, иммобилизованных в промышленности. Это обстоятельство, наряду с конкуренцией и аппетитами денежного капитала, растущими прямо пропорционально росту затруднений промышленности, лишает возможности кредитную сеть отделить свою «судьбу» от судьбы промышленного капитала. Все более растущая связь между ними, с одной стороны, и рост прибылей денежного капитала с момента обнаружения затруднений у промышленного капитала—с другой, определяет неизбежность одновременного кризиса и промышленной и банковой системы.

Состояние кредита в свою очередь обусловливает состояние фондовой биржи, движение фиктивного капитала. Определенное состояние фондовой биржи и биржевой спекуляции есть одно из проявлений движения конъюнктуры и в то же время ее фермент. Основные ценностные сдвиги, лежащие в основе цикличности воспроизводства, находят свое выражение и в *предельной* точке капиталистического обращения: торговле ценными бумагами. Эта крайняя колеблющаяся часть совокупного общественного воспроизводства является наиболее тонкой мембраной, отражающей переломы конъюнктуры, не определяя, как и кредит, основных причин, лежащих в основании циклической динамики. Фондовый рынок, как один из ферментов конъюнктуры, как ее состояние на определенной плоскости общественного воспроизводства, обладает силой обратного влияния на «базис», ускоряя обнаружение назревшей диспропорции между производством и потреблением, притом в резком, кризисном ее проявлении.

Обусловленность состояния фондового рынка выражается в следующей цепочке: рост диспропорции — замедление оборота капиталов — растет напряженность кредита — сокращается кредитование биржевой спекуляции, — в связи с этим усиливается предложение ценных бумаг — биржевой кризис.

Обратное влияние фондовой биржи на воспроизводство: общее падение курсов — банкротства спекулянтов, капиталистов и самих банков как держателей акций; удар по банковому кредиту — сокращение возможности оказать необходимую помощь оборотному кредиту, и тем самым дальнейшее усиление производственных диспропорций. Затем

быстрое спекулятивное повышение курсов в начале процветания на основе низкого процента заставляет предприятия повышать выплату дивидендов в соответствии с повысившимся курсом, чтобы не вызвать его падения. Это заставляет форсировать масштабы производства и для всего общества приводит к быстрому назреванию диспропорции, одним из выражений которой является сокращение денежного рынка.

Итак растущая диспропорция общественного производства имеет одним из своих выражений созревание диспропорции между растущим спросом на денежный капитал со стороны общественного воспроизводства, замедляющего свой темп, и суживающимся денежным рынком на почве: 1) роста курсов фиктивного капитала; 2) все большего принятия денежным капиталом промышленной формы, как результат промышленного израсходования денежных запасов отдельных капиталистов, с одной стороны, резкого опустошения денежного рынка реализацией растущих промышленных ценностей и интенсивного банкового кредитования — с другой. Диспропорция общественного производства и денежного рынка обнаруживается вначале на крайней точке воспроизводственного процесса — фондовой бирже, через которую общественное производство черпает значительную часть денежных средств для своего расширения. Затем указанная диспропорция обнаруживается на плоскости оборотного кредита, который, не будучи в состоянии получить нужные денежные фонды для своего «спасения», резко сокращается, сообщая капиталистам паническое стремление во что бы то ни стало совершить $Т^1—Д^1$. Разражается торговый кризис — третья плоскость обнаружения назревших противоречий, откуда кризис передается в производство, где и проявляется в резком уменьшении величины общественного капитала, сокращении работающего производственного аппарата и др. признаках.

Таким образом действие сил, определяющих неизбежность нарастания производственных диспропорций, сказывается на всех плоскостях капиталистического воспроизводства. Чем далее отстоит от производственной основы этаж воспроизводства, тем скорее обнаруживаются здесь нарушения, созревающие в недрах производства. Силы, определяющие неизбежность перепроизводства, находят в денежном рынке и кредите не только выразителей существующей циклической тенденции, но и факторы, которые идут впереди обнаруживающейся производственной диспропорции, антиципируют ее наступление и усиливают конечное ее проявление. Неизбежность общего перепроизводства, тем самым кризиса, дана характером действия законов «равновесия» в условиях массового обновления

основного капитала. Влияние кредита и денежного рынка развертывается на оси действия закона ценности. Это вторичные, не определяющие характер динамики капиталистического хозяйства, рычаги его воспроизводства. Поскольку они располагаются на периферии ценностного регулирования, они усугубляют проявление ее тенденций. Так в теоретически мыслимых условиях обмена по ценности, кредит, как мы видели, интенсифицирует рост производства, заставляет быстрее вертеться капиталистическую машину, но не нарушает «пропорциональности». Поскольку реальное течение капиталистического воспроизводства связано с торможением действия закона ценности почти на всем протяжении подъема, кредит, денежный рынок — эти надстроечные этажи воспроизводства — способствуют дальнейшему отрыву цен от ценности (цены производства) и вообще усугубляют перепроизводство.

Кредит — «рациональный» фактор капиталистического хозяйства не в том смысле, что может устранить анархию капитализма в ее циклической закономерности. Мобилизуя ресурсы капиталистического хозяйства, «экономизируя» издержки системы, он убыстряет ход капиталистической машины и в каждый данный момент увеличивает возможности хозяйственного развития. Но всей своей тяжестью и удельным весом он укрепляет существующую тенденцию. Так как период подъема, наряду с массовым подъемом производительных сил, есть одновременно производство «перепроизводства», кредит усугубляет сверхкапитализации и задерживает их обнаружение до момента резкого взрыва. Поскольку период депрессии, в свою очередь, есть период восстановления нарушенного «равновесия», подготовка подъема изменением величины ценности, с вытекающим отсюда массовым обновлением основного капитала, кредит, «улавливая» существующую тенденцию циклического развития, становится важнейшим вторичным фактором перерастания депрессии в подъем. Восстановление коммерческого кредита и массовое предложение ссудного капитала по низкому проценту являются дрожжами, на которых быстро всходит подъем.

«Кредит сам по себе не может увлекать экономическую жизнь на ложный путь» [1]. Он усугубляет действие ценностной тенденции. Если нарушен обмен по ценности, кредит усугубляет последствия этого явления для воспроизводства, активно отталкивая отдельные его части друг от друга под внешним видом теснейшего их переплета. Здесь (период высокой конъюнктуры) он выступает как отталкивательная сила, как один из ферментов капиталистической анархии,

[1] Бунятян, цит. раб., с. 106.

стремящейся преодолеть действие стихийно-организующего стержня — ценности. В период депрессии, поскольку цена располагается на параллели цены производства, или колеблется вокруг нее, кредит, наоборот, является важнейшим фактором, толкающим к росту общественного производства, не нарушая резко основ «пропорциональности». В период расцвета, в связи с смещениями цен картина меняется. В этом «двуличном» действии кредита ясно видна его природа «вторичного» фактора циклической динамики.

Кредит — притягательная и отталкивательная сила капиталистического хозяйства в той мере и степени, в какой нарушается обмен по ценности, в какой закон притяжения капиталистической системы — ценность может реально проявить свое действие только при условии непрерывного взаимодействия с неорганизованной стихией хозяйственных явлений. Диалектическое противоречие, заложенное в природе закона ценности, могущего выявить свое организующее воздействие только в условиях нарушений «пропорциональности», определяет собой двустороннее действие кредита в течении капиталистического воспроизводства. Рассматриваемое в аспекте динамики капиталистического целого, оно выражается в усилении циклической закономерности течения воспроизводственного процесса, актуальности течения его фаз. Кредит, денежный рынок придают законченный рельеф циклу, основные черты которого уже даны фактором «взаимодействия» законов «равновесия» с массовым обновлением основного капитала.

ГЛАВА IV.

ПРОБЛЕМА КРИЗИСОВ В РАБОТАХ МАРКСА

Как видно из предшествующего изложения, Маркс выяснил основные моменты теории конъюнктурного цикла. Нет ни одного важного вопроса, связанного с циклической динамикой капитализма, который не был бы затронут в работах Маркса. Он дал необходимую методологическую ступень для анализа цикла, сконструировав схему «чистого» капитализма; 2) дал исходные теоретические устои для анализа цикла в теории общественного воспроизводства; 3) установил связь исторического «проявления» цикла с «механизацией» производства, ростом удельного веса основного капитала и соответственного развития капиталистической конкуренции; 4) установил «саморазвитие» конъюнктурного цикла, как результат диалектического взаимодействия основных экономических факторов системы, являющихся одновременно причиной и следствием; 5) выделил из совокупности факторов основные движущие силы циклического развития, а также определил характер действия «вторичных» факторов системы, как кредит и денежный рынок; 6) дал ясное представление о структуре конъюнктурного цикла, течении его отдельных фаз и неизбежности перерастания каждой из них в последующую; 7) наиболее подробно разработал теорию капиталистического кризиса, этого важнейшего момента конъюнктуры, в котором, как в фокусе, отражается специфическая сущность и закономерности циклической динамики капитализма. Другими словами, Маркс, задолго до современных исследователей конъюнктуры, дал все необходимое для ее более подробного теоретического освещения и конкретного изучения.

Однако моменты теоретического освещения природы цикла не получили у Маркса сколько-нибудь систематической обработки. Они в большинстве своем представляют отдельные разрозненные фрагменты, разбросанные по его многочисленным экономическим трудам, лишенные связности изложения, так как были развиты в связи и попутно

с другими вопросами. Это обстоятельство прежде всего дает повод буржуазной экономии упрекать Маркса в том, что он исследовал преимущественно «статику» капитализма, оставляя в стороне, по их мнению, наиболее трудную часть — «динамику». Выше мы указали, чего стоят эти обвинения.

В марксовом анализе проблемы кризисов прощупываются две трактовки вопроса, увязанные друг с другом определенною последовательностью. Маркс прежде всего связывает проблему кризисов с характером производственных отношений капитализма, определяющих его распределительные отношения. Он считает возможным ставить проблему кризисов вне контекста конъюнктуры. «Представим себе, — говорит он,—что все общество состоит только из капиталистов и наемных рабочих. Далее, оставим в стороне колебания цен, которые препятствуют значительным частям всего капитала возмещаться согласно своим средним соотношениям... Тогда кризис мог бы быть объяснен диспропорциональностью производства в различных отраслях и несоответствием между потреблением самих капиталистов и их накоплением. Но при данном положении вещей возмещение капиталов, вложенных в производство, зависит главным образом от размеров потребительной способности непроизводительных классов, тогда как потребительная способность рабочих ограничена частью законами заработной платы, частью тем, что рабочие лишь до тех пор находят занятие, пока они моут быть употреблены в дело с выгодой для класса капиталистов. Последней причиной всех действительных кризисов остается все же бедность и ограниченность потребления масс, по сравнению с тенденцией капиталистического производства развивать производительные силы с такой интенсивностью, как-будто их границей является лишь абсолютная потребительная способность общества» [1]. «Пределы, в которых только и может происходить сохранение и увеличение капитальной стоимости, основывающееся на экспроприации и обеднении широких масс производителей, — говорит он в другом месте, — эти пределы постоянно вступают поэтому в конфликт с методами производства, которые должен применять капитал ради своих целей и которые направлены к неограниченному увеличению производства, — производства как самоцели... Поэтому, если капиталистический способ производства есть историческое средство для развития материальной производительной силы... то он представляет вместе с тем постоянное противоречие между этой своей исторической задачей и соответствующими ей общественными отношениями производства» [2]).

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, с. 22.
[2] То же, ч. I, изд. 1907 г., с. 226.

Картина совершенно ясна. Маркс ставит здесь проблему кризисов в ее социологическом аспекте. При устранении реального течения капиталистического воспроизводства (динамики цен, конкуренции, кредита), неизбежность кризисов уже дана характером производственных отношений капитализма. Поскольку специфическим выражением роста производительности труда является повышение органического состава капитала, с вытекающим отсюда уменьшением величины потребительского рынка, с одной стороны, и стремлением капитальной ценности возрастать во что бы то ни стало — с другой, постольку здесь уже дана постоянная возможность опережения развертыванием общественного производства своего платежеспособного базиса, скованного антагонистическими условиями капиталистического распределения. Конкретно это может быть выражено в том, что капиталист применит больше капитала, чем это позволяет потребительский спрос, не могущий преодолеть действия законов заработной платы. «Если затрачено больше труда (в данной отрасли. — *П. М.)*, то хотя бы единичный товар содержал лишь необходимое рабочее время, сумма содержит больше, чем общественно-необходимое рабочее время; точно так же, хотя единичный товар имеет потребительную ценность, но сумма, при данных предпосылках, теряет часть своей потребительной ценности»[1].

Итак проблема ставится здесь в ее исходном, социологическом разрезе — исходя из характера производственных отношений капитализма. С одной стороны, эти отношения непрестанно толкают вперед развитие производительных сил, поскольку оно принимает форму «самовозрастания капитальной ценности», с другой, в то же самое время, кладут преграды этому процессу — относительно сокращая общественную потребительскую силу. Затем само существование капиталистического отношения связано с окончательным разрывом производства и потребления. Отныне единство этих противоположностей реализуется через промежуточное звено — прибыль. Стремление к максимальной прибыли, в котором выражается тенденция к быстрому росту производительных сил в рамках их капиталистической организации, неизбежно должно приходить в конфликт с узким базисом потребления, не могущим сломать свою «равнодействующую» — ценность рабочей силы. В период подъема создаются исключительные условия для получения максимума прибыли, поэтому общественное производство в своем приросте резко обгоняет малодинамическую величину потребительского спроса. Разражается кризис.

Это первая, исходная постановка проблемы кризиса у Маркса. Не представляя теории кризисов в прямом смысле

---

[1] Маркс, «Теории», т. II, ч. 2, с. 189.

этого слова, она является важнейшим методологическим основанием, на котором последняя может быть построена. Анализ реального кризиса предполагает конкуренцию капиталов, динамику цен, кредит. Основным условием его назревания является развернутый механизм ценообразования: ценность — цены производства — рыночные цены. Это прекрасно понимал Маркс. «Поскольку кризисы обусловлены изменениями и революциями в ценах, которые не совпадают с изменениями ценностей товаров, они конечно не могут быть развиты при рассмотрении капитала вообще, где предполагаются цены, тождественные с ценностями товаров» [1]. Поэтому реальный кризис в его конкретной оформленности может быть рассмотрен только как составная часть циклического развития, в котором объективируется действие сил, вызывающих его появление. Силы, порождающие кризис, являются в то же время основными «причинами» циклической динамики. Тем самым общая теория кризисов, данная Марксом в социологическом разрезе, на следующей, более конкретной, ступени анализа, перерастает в теорию конъюнктурного цикла. Только там неизбежность кризиса, выведенная общим социологическим анализом, получает свою конкретную оформленность, обволакивается плотью и кровью.

Движущим началом капиталистической динамики является закон ценности. Его действие, в условиях массового обновления основного капитала, сообщает проявлению капиталистической анархии характер циклической закономерности. Это дает возможность вывести следующее общее определение «причин» кризиса. Капиталистический кризис есть «порождение» капиталистической анархии, получающей, в силу характера действия закона ценности (цены производства), две «плоскости» своего проявления: 1) назревание «диспропорции» между общественным производством и потребительским спросом и 2) назревание более частной «диспропорции» между I и II подразделением. Обе диспропорции созревают одновременно. Они создаются на базе отклонения вверх рыночных цен от ценности (цены производства) во время подъема, что, в свою очередь, становится предпосылкой более быстрого «самовозрастания» ценности в обоих подразделениях сравнительно с ростом платежеспособного спроса. Поскольку цены, а тем самым прибыли, стоят наиболее высоко в I подразделении и поскольку, далее, здесь существует больший размах технических усовершенствований и приложения коммерческого и денежного кредита, постольку рост масштаба производства I подразделения не только отрывается от потребительского

[1] Маркс, «Теории», т. II, ч. 2, с. 217

базы общества, но и обгоняет развитие II подразделения, получающего меньше прибылей, меньше кредита и непосредственно соприкасающегося с потребительским рынком. Назревшее перепроизводство во II подразделении сказывается с особо полновесной силой уже после обнаружения затруднений сбыта продукции I подразделения, связанного с сокращением числа занятых рабочих.

Производственные отношения капитализма определяют его распределительные отношения. Воспроизводство общественных отношений неизменно воспроизводит и циклическую динамику капиталистической системы. Последняя возможна только при условии периодических разрывов производства и потребления, т. е. реальное воспроизводство капиталистической системы возможно только в периодически взрывающихся конфликтах с ее распределительными отношениями. В этих конфликтах сказывается анархия капиталистического хозяйства, выраженная в его циклической закономерности. Следовательно, капиталистическая анархия является основной «причиной» капиталистического кризиса. Она включает в свое реальное выражение неизбежность периодических отрывов производства от потребления и получает частное выражение назревающего перепроизводства в виде диспропорции между I и II подразделениями.

Теперь несколько слов об изменении характера кризисов с развитием капитализма. Преобладающее большинство буржуазных исследователей, вплоть до Тугана, говорят о смягчении кризисных переломов в последние десятилетия. Это в их глазах знаменует сглаживание основных противоречий капиталистической экономики, прежде всего под влиянием ее организационных и организующих форм. Такое представление в корне неправильно. Противоречия капиталистической системы растут прямо пропорционально развитию капитализма, воспроизводящего их во все более углубленном и расширяющемся масштабе. Это находит свое выражение во все более растущем антагонизме распределительных отношений капитализма с возможностями быстрого и массового расширения его производства. Указанное противоречие находит свое основное выражение в относительно уменьшающейся емкости потребительского спроса в сравнении с общественным производством. Если «равновесие» общественной системы возможно и в условиях относительно сокращающегося потребительского спроса, то вместе с тем, колебания потребительского рынка делаются все более ощутимыми для общественного производства. Небольшого сокращения или задержки в темпе роста потребительского

рынка достаточно для того, чтобы в конечном счете лишить «права на существование» все более растущие части общественного производственного аппарата. Затем уменьшение потребительского рынка сопровождается одновременно сильнейшим расширением рынка средств производства. Производственный аппарат I подразделения быстро растет в обратной пропорциональности к емкости потребительского рынка. Отдельные отрасли I подразделения, в силу увеличения звеньев производительного потребления, все более отрываются от контроля потребительского спроса. Производительные силы как бы получают временную «независимость» от распределительных отношений капитализма и стремятся использовать ее «во-всю» для быстрейшего своего развития и движения вперед. Как результат этого — исключительной силы «перекапитализация» и перепроизводство, которое с особенной силой сказывается в перепроизводстве материалов основного капитала. Отсюда логически следует закономерный вывод: чем ближе к последним десятилетиям довоенного капитализма, тем сильнее должно сказаться перепроизводство средств производства, тем большие изломы должна описывать кривая конъюнктурного развития.

Но современные кризисы внешне не носят столь опустошительного характера, как в первое пятидесятилетие XIX века. Это еще не означает однако смягчения капиталистических противоречий, «врастание в гармонию», как расценивает этот процесс буржуазная экономия. Первую препятствующую причину указал Гильфердинг. Она заключается в увеличении того минимума товарного обращения, который всегда необходим для существования системы и который теперь, с вытеснением мелкого некапиталистического производства, насыщает капиталистические предприятия. Вторая причина заключается в росте экономической мощи концентрированного и централизованного общественного производства и кредита, позволяющем капиталистам устойчивее выдерживать сломы конъюнктуры и к ним приспособляться. Вследствие воздействия указанных причин, более резко выраженное противоречие между общественным производством и потреблением не всегда в одинаковой мере сильно проявляет себя на всех плоскостях капиталистического воспроизводства. Верхние этажи — кредит и «курсы» — не летят уже стремглав вниз при первом рыночном проявлении назревшего перепроизводства. Таким образом более резко очерченная производственная диспропорция находит менее яркое проявление на рыночной кредитной и биржевой поверхности капитализма. Но кредит, денежный рынок, являются «надстроечными» эта-

жами капиталистического воспроизводства. Они не могут устранить движущих сил системы, определяющих ее циклическое развитие, и тем самым не могут уничтожить анархии. Разрастающиеся и *углубляющиеся* противоречия между развитием производительной силы труда и распределительными отношениями капитализма неминуемо должны найти актуальнейшие формы своего выражения. Стиснутые концентрацией и централизацией в своем «текущем» рыночном проявлении, они потенциально обостряются. Растущая мощь капиталистического производства и его организационные формы не устраняют анархии, а, в конечном счете, ее усугубляют. Внутрикапиталистические противоречия растут с каждым циклом. Отталкивательные силы начинают действовать сильнее, чем силы притяжения. Создаются условия, при которых общественное производство и платежеспособный спрос не могут «уравновесить» друг друга. В конечном счете происходит крах самих постулатов «равновесия», система распадается по швам, *циклический кризис — «нормальное» явление капиталистической .. физиологии — перерастает в революционный.*

Теперь несколько слов относительно цикла — и кризиса в частности — в условиях государственного капитализма. Государственный капитализм — «организованное целое в антагонистической форме». Поскольку плановым порядком учитывается спрос каждой отрасли по отношению к другой и потребительский спрос рабочих и капиталистов, постольку исключается возможность общего перепроизводства, тем самым — цикла. Стихийные стремления капиталистического производства периодически выпрыгивать из своих распределительных отношений делаются невозможными. Другими словами, расширенное воспроизводство развивается на ценностных основаниях. Ценность становится *конститутивным* феноменом. Цена как специфическое выражение капиталистической анархии перестает существовать. Тем самым исключается возможность периодических сдвигов цен, толкающих общественную систему к перепроизводству. В данных условиях исчезнет также стихийное массовое обновление основного капитала. Технический прогресс найдет иную форму своего проникновения в производство нежели стихийная конкуренция, тем самым обновление основного капитала будет носить более планомерный характер. Весь ход капиталистической машины будет развиваться непосредственно на рельсах, установленных Марксом в его теории общественного воспроизводства. Интенсификация производства кредитом в условиях «уснувшей» ценности не «станет» выбивать производство из его «пропорций». Кредит в данных условиях выявит *подлинную* природу «ра-

ционального» фактора системы. В итоге развитие экономической системы государственного капитализма уложится в рамки прямо восходящей кривой, потеряв циклическую закономерность развития.

Но государственный капитализм, в объеме совокупного капиталистического производства, устраняющего «национальные» перегородки, исторически невозможен. Этому противоречит рост анархии, прямо пропорциональный росту капитализма, во множественности форм своего «бытия». Поэтому теория «бесцикличного» и, тем самым, «бескризисного» развития государственного капитализма имеет лишь теоретическую ценность в двояком отношении: 1) она бросает яркий свет на природу и взаимодействия сил, порождающих капиталистический цикл реального капитализма; 2) предвосхищает бесцикличный характер социалистического воспроизводства, лишенного всей совокупности антагонизмов как в производственных, так и распределительных отношениях. Там, где законы «равновесия» теряют свой специфический характер экономических законов, независимых от воли и сознания «хозяйствующих субъектов», и выступают в форме сознательно познаваемой исторической обусловленности общественного развития, — там теряется необходимость в таких формах восстановления нарушенного «равновесия» вышедшей из пазов общественной системы, какими являются капиталистические кризисы.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Предпринятая нами попытка марксистского освещения проблемы конъюнктуры ни в каком случае не претендует на законченную разработку вопроса. Это — первый, наиболее общий абрис проблемы, опирающийся на существующие марксистские фрагменты. Исследования современной экономии по данному вопросу служили материалом, на который опирался анализ, но они не вошли сколько-нибудь значительной частью в работу. Так в нашей работе совершенно отсутствует конкретный анализ морфологии конъюнктуры в совокупности ее внешне выраженных признаков. Намеченные материалы не были использованы, ибо это грозило сильно осложнить изложение и прервать логический ход анализа. Необходимые данные о внешнем течении конъюнктуры вкрапливались непосредственно в теоретическое исследование. Был допущен целый ряд других методологических и методических ограничений. В результате мы имеем постановку лишь основных, наиболее общих контуров проблемы. Более конкретный анализ — это задача последующих исследований. Возможность их неразрывно связана с критической проработкой существующих приемов наблюдения конъюнктуры и ее критериев, точнее — увязка методического аппарата наблюдений и систематизации с основами марксистской методологии конъюнктуры. Это — совершенно необходимая работа, тем более в применении к анализу нашего советского хозяйства.

Следующей важнейшей задачей становится развертывание критического фронта против господствующих буржуазных теорий конъюнктуры как Запада, так и российской разновидности, представленной Кондратьевым, Первушиным и другими. Разбить в теоретических боях этот фронт означает — выбить буржуазную экономию из ее последнего, укрепленного оплота, с одной стороны, и устранить возможность проникновения идей буржуазной экономии в наше советское хозяйственное строительство — с другой.

Вообще вопросы хозяйственной динамики становятся пунктом, через который будет протекать и идет уже оже-

сточенная теоретическая борьба. Послевоенное состояние капитализма, элементы хозяйственной стабилизации, внешние признаки начавшегося подъема в ряде передовых капиталистических стран, опирающиеся на очередные технические сдвиги, растущие процессы капиталистической рационализации и концентрации — во весь рост ставят проблему хозяйственной динамики новейшего капитализма. Укладывается ли послевоенный капитализм в прокрустово ложе циклической закономерности или нет, какие специфически новые черты появились в общей динамике капиталистического целого и отдельных стран, какое влияние оказывают современные организационные формы капитализма на характер его динамики, в каком соответствии находится эта динамика с ленинской теорией империализма как отмирающего капитализма, с законом неравномерности капиталистического развития и т. д., — вся сумма этих вопросов представляет не только теоретический интерес, — очередное движение вперед марксистской мысли, следующей за структурными изменениями капиталистической физиологии или его отдельными частностями, — но и непосредственно практическое значение для революционной борьбы пролетариата Запада и существования нашей советской системы.

Это — необходимейшие этапы работы, продиктованные «духом времени», по отношению к которым общая теория конъюнктурного цикла является исходной прелюдией.

Один рубль 25 коп.